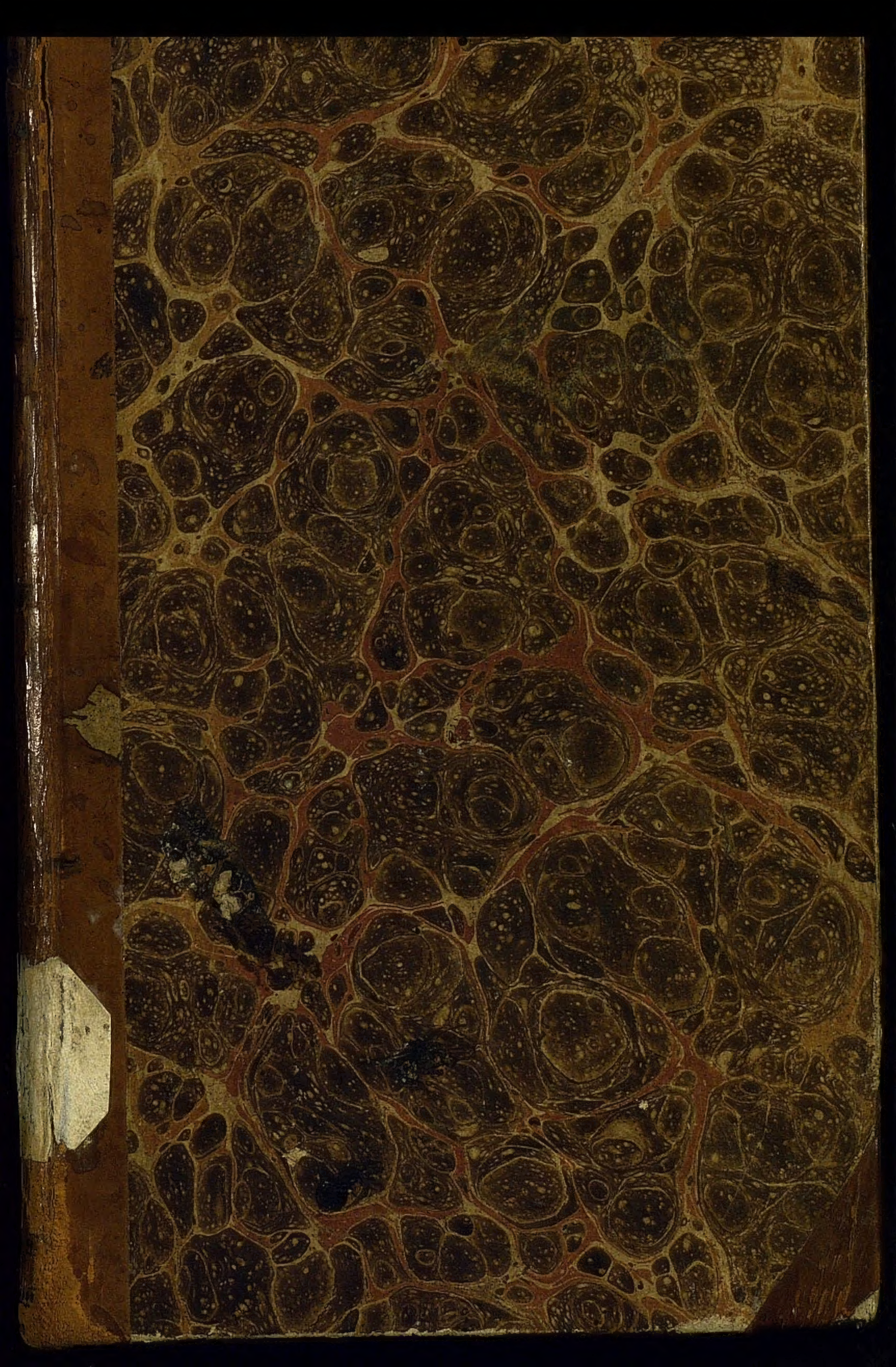
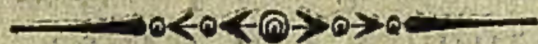

75 $\frac{1}{25}$

УЧЕБНАЯ КНИГА
РУСКАГО ЯЗЫКА,

СОДЕРЖАЩАЯ

ЭТИМОЛОГІЮ, ОРѲОГРАФІЮ, СИНТАКСИСЪ, ПРОСОДІЮ и КРАТКІЯ ПРАВИЛА РИТОРИКИ.

Для Благородныхъ Воспитанниковъ Университетскаго Пансіона.

Изданіе второе.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1823.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Цензурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской Публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Сентября 24 дня, 1823 года. *Орд. Профессоръ, Докт. и Кавалеръ Иванъ Давыдовъ.*

ГРАММАТИКА.

Грамматика учитъ *правильно* говорить и писать, или изустно и письменно *правильно* выражать мысли *словами*.

Правила общія для всѣхъ языковъ заключаетъ въ себѣ *общая* Грамматика.

Общія правила примѣняетъ къ одному *особенному* языку, на примѣръ къ Русскому, согласно съ его свойствами, *частная* Грамматика.

Части Грамматики.

Слова *отдѣльно* разсматриваетъ *Этимологія* или *Словопроизведеніе*.

Въ связи разбираетъ ихъ *Синтаксисъ* или *Словосочиненіе*.

Писать учитъ *Орѳографія* или *Правописаніе*.

Произносить научаетъ *Просодія* или *Словоударение*.

СЛОВОПРОИЗВЕДЕНІЕ.

Словопроизведеніе показываетъ *свойство, происхожденіе* и *измѣненіе* словъ.

Звуки.

Основаніе словъ — *звуки* голоса. Звуки сіи изображаютъ *буквами.*

Буквы.

Въ *Русскомъ* языкѣ считается 34 буквы: — *гласныхъ* одиннадцать: *а, е, и, і, о, у, ы, ѣ, э, ю, я; согласныхъ* двадцать одна: *б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, ѳ,* и *полугласныхъ* двѣ: *ъ, ь.*

Слоги.

Изъ буквъ *одной* гласной, или изъ гласной вмѣстѣ *съ одной, двумя* согласными и *болѣе*, составляются *слоги*: я, ты, зло, взглядъ.

Слова.

Изъ *соединенія* слоговъ происходятъ *слова*: — *односложныя:* Богъ далъ намъ жизнь; *двусложныя:* ве-сна жи-витъ; *многосложныя:* при-ро-да со-вер-шен-на.

Слова бываютъ *первообразныя* или *коренныя*: день, ключь; *производныя:* деньщикъ, ключарь; *простыя:* огонь, стрѣляю; *сложныя:* огнестрѣльный.

Рѣчь.

Изъ соединенія многихъ словъ составляется *рѣчь*. Слова, входящія въ составъ *рѣчи*, называются *частями* ея.

Части рѣчи.

Въ Рускомъ языкѣ считается различій словъ или частей рѣчи *восемь:*

1. *Имя.*	5. *Нарѣчіе.*
2. *Мѣстоименіе.*	6. *Предлогъ.*
3. *Глаголъ.*	7. *Союзъ.*
4. *Причастіе.*	8. *Междометіе.*

Первыя четыре *измѣняются* въ окончаніяхъ: свѣтъ, свѣта; иду, идешь; а послѣднія четыре *не измѣняются*: всегда, вотъ.

Имя изображаетъ *предметъ, свойство* предмета и *число*: *мать, земля, плодоносная земля, тридцать два* зуба.

Имя бываетъ:

Существительное, которое изображаетъ одушевленный или неодушевленный предметъ, въ природѣ или въ умѣ существующій, и познается по вопросамъ: *кто?* человѣкъ, и *что?* зданіе, радость.

Прилагательное — изображаетъ свойство лица или вещи, и познается по вопросу: *какой?* вѣрный, смѣлый, пріятный.

Числительное — показываетъ число предметовъ; бываетъ *количественное* и *порядочное*; — *порядочное* означаетъ порядокъ, въ какомъ предметы одинъ за другимъ слѣдуютъ, и познается по вопросу: *который?* вторый, сотый; *количественное* означаетъ число предметовъ, взятыхъ вмѣстѣ, и узнается по вопросу: *сколько?* два, десять. Количественныя имена бываютъ *прилагательныя*: два, двѣ, двое, и *существительныя*: десять, тысяча, четверть.

Существительное имя бываетъ: — *общее*, принадлежащее многимъ предметамъ одного рода: человѣкъ, городъ, рѣка; *собственное*, принадлежащее одному предмету: Петръ, Москва, Нева; *собирательное*, которое означаетъ множество, въ одно цѣлое соединенное: войско, толпа, лѣсъ.

Имена имѣютъ *числа*, *падежи*, *роды* и *склоненія*.

Числа.

Чиселъ два: *единственное* и *множественное.* Единственное показываетъ одинъ предметъ: Москва древняя Столица; множественное означаетъ многіе предметы: въ столичныхъ городахъ живутъ тысячи людей.

Не всѣ имена имѣютъ оба числа; нѣкоторые *только единственное*; золото, молоко: другія *множественное:* ножницы, ворота.

Падежи.

Измѣненія окончаній въ именахъ называются *падежами.*

Въ Русскомъ *языкѣ семь падежей:*

Именительный узнается по вопросамъ: *кто* и *что?* Кто создалъ свѣтъ? *Богъ.* Что всего дороже? *время.*

Родительный по вопросамъ: *чей, чья, чье?* и *кого, чего?* Чей совѣтъ полезенъ? *мужа благоразумнаго.* Чья жизнь щастлива и завидна? *человѣка добродѣтельнаго.* Для кого не должно беречь жизни? для *Государя* и *Отечества.* Чего ищетъ Герой? *славы.*

Дательный по вопросамъ: *кому? чему?* Кому учиться должно? *дѣтямъ.* Чему болѣе всего? *благонравію.*

Винительный по вопросамъ: *кого* и *что?* Кого всегда помнить должно? *друга.* Что пріобрѣтаемъ мы добрымъ поведеніемъ? *похвалу* и *уваженіе.*

Въ *звательномъ* падежѣ увѣщеваемъ, просимъ, призываемъ: *молодые люди!* убѣгайте праздности. *О Боже! о времена!*

Творительный узнается по вопросамъ: *кѣмъ? чѣмъ?* Кѣмъ побѣжденъ Карлъ XII? *Петромъ Великимъ.* Чѣмъ отличается человѣкъ отъ прочихъ животныхъ? *разумомъ.*

Предложный по вопросамъ: *о комъ? о чемъ? на чемъ? въ чемъ?* О комъ жалѣть должно? *о человѣкѣ развращенномъ.* О чемъ мы любимъ вспоминать? *о добрыхъ дѣлахъ.* На чемъ основана связь обществъ? *на взаимныхъ выгодахъ.*

Въ чемъ состоитъ истинное щастіе? *въ спокойной, непорочной совѣсти.*

Р о д ы.

Существительныя имена бываютъ четырехъ родовъ: *мужескаго*, *женскаго*, *средняго* и *общаго*: сей *домъ*, сія *книга*, сіе *дерево*, сей, сія, *ворожея*.

Роды узнаются по *значенію* именъ и по *окончаніямъ*. Окончаній *семь*: *а*, *е*, *о*, *й*, *ъ*, *ь*, *я*.

Имена, кончащіяся на *а женскаго рода*: слава, долина.

Выключаются имена *мужескаго* рода, означающія мужей и званія, приличныя мужамъ: Агриппа, вельможа, и *общаго* рода: порука, убійца.

На *е* и *о средняго рода*: солнце, украшеніе, слово.

Выключаются *увеличительныя* имена, произведенныя отъ именъ мужескаго рода: ножъ, *ножище*.

На *й* и *ъ мужескаго рода*: рай, храмъ,

На *ь женскаго рода*: добродѣтель.

Названія мѣсяцевъ и другія многія *мужескаго* рода: Февраль, звѣрь, огонь.

На *я женскаго рода*: земля, воля.

Выключаются имена *мужескаго* рода, означающія мужеской полъ: витія, дядя, судья; *общаго* — ворожея; *средняго* рода, означающія молодыхъ животныхъ: дитя, теля; всѣ кончащіяся на *мя*: имя, время.

Прилагательныя имена бываютъ трехъ родовъ: *мужескаго*, *женскаго* и *средняго*. Въ мужескомъ кончатся на *ый* или *ой*, *ій*, усѣченно на *ъ*: добрый, честной, прежній; добръ, честенъ; въ женскомъ на *ая*, *яя*, *ья*, усѣченно на *а* и *я*: добрая, прежняя, птичья, добра; въ среднемъ на *ое*, *ее*, *ье*, усѣченно на *о* и *е*: стройное, синее, птичье; стройно, сине.

Числительныя имена *количественныя*, кончащіяся на *ъ*, *мужескаго* рода: десятокъ, милліонъ; на *а*, *ь*, *я*, *женскаго*: дюжина, треть, сотня. *Два* или *двое* мужескаго и средняго рода, *двѣ* женскаго: два стола, два зеркала; двое гусей, двое стеколъ; двѣ картины. *Порядочныя*, какъ и прилагательныя имена, трехъ родовъ —

мужескаго, *женскаго* и *средняго*: седьмой, седьмая, седьмое.

Склоненія.

Имена перемѣняются въ окончаніяхъ по *склоненіямъ*.

Склоненій *пять*; *четыре* для именъ существительныхъ и *одно* для прилагательныхъ.

Къ *первому склоненію* принадлежатъ имена существительныя, кончащіяся въ именительномъ падежѣ на *а* и *я мужескаго*, *женскаго* и *общаго рода*; слава, душа, богиня, витія.

Таблица перваго склоненія.				
а.			я.	ія.
ба, ва, да за, ла, ма на, ра, са та, фа, ѳа	жа, ша, ща, ча,	га, ка, ха,	дя, ня, ля, ря, тя, ся,	ія.

Единственное.				
И. а.	а.	а.	я.	ія.
Р. ы.	и.	и.	и.	іи.
Д. ѣ.	ѣ.	ѣ.	ѣ.	іѣ.
В. у.	у.	у.	ю.	ію.
З. а.	а.	а.	я.	ія.
Т. ою, ой.	ою, ой.	ею, ей.	ею, ей.	іею, іей.
П. ѣ.	ѣ	ѣ.	ѣ.	іѣ, іи.
Множественное.				
И. ы.	и.	и.	и.	іи.
Р. ъ.	ъ.	ь, ей.	ь, ей, енъ.	ій.
Д. амъ.	амъ.	амъ.	ямъ.	іямъ.
В. ы. ъ.	и.	и.	и, ь, ей.	ій, іи.
З. ы.	и.	и.	и.	іи.
Т. ами.	ами.	ами	ями.	іями.
П. ахъ.	ахъ.	ахъ.	яхъ.	іяхъ.

Примѣры
1го *склоненія.*
Единственное.

И.	Воевода,	нога,	кожа,	земля,	молнія.
Р.	Воеводы,	ноги,	кожи,	земли,	молніи.
Д.	Воеводѣ,	ногѣ,	кожѣ,	землѣ,	молніи.
В.	Воеводу,	ногу,	кожу,	землю,	молнію.
З.	Воевода,	нога,	кожа,	земля,	молнія.
Т.	Воеводою,	ногою,	кожею,	землею,	молніею.
П.	О воеводѣ,	о ногѣ,	о кожѣ,	о землѣ,	о молніи.

Множественное.

И.	Воеводы,	ноги,	кожи,	земли,	молніи.
Р.	Воеводъ,	ногъ,	кожъ,	земель,	молній.
Д.	Воеводамъ,	ногамъ,	кожамъ,	землямъ,	молніямъ.
В.	Воеводъ,	ноги,	кожи,	земли,	молніи.
З.	Воеводы,	ноги,	кожи,	земли,	молніи.
Т.	Воеводами,	ногами,	кожами,	землями,	молніями.
П.	О воеводахъ,	о ногахъ,	о кожахъ,	о земляхъ,	о молніяхъ.

Рука, скамья, дядя, сосна, буря, тыква.

Когда передъ слогами *ка*, *ня* и *ля* стоятъ буквы согласныя или безгласныя, тогда въ родительномъ падежѣ множественнаго числа перемѣняются: — *ка* на *окъ* или *екъ*: бабка, *бабокъ*; чашка, *чашекъ*; дядька, *дядекъ*; а *ня* и *ля* на *енъ* и *ель* или на *ей*: вишня, *вишенъ*, *вишней*; кровля, *кровель*, *кровлей*. Естьлижъ напротивъ стоятъ гласныя, тогда въ родительномъ падежѣ множественнаго числа сіи гласныя не перемѣняются: рука, *рукъ*; дыня, *дынь*; пуля, *пуль*.

Втораго склоненія имена существительныя *мужескаго рода* на ъ, й, ь, и *средняго* на е, іе, о: покой, домъ, строитель; лице, имѣніе, серебро.

Таблица втораго склоненія.			
	Ъ.	Й.	Ь.
	Единственное.		
Им.	ъ.	й.	ь.
Род.	а, у.	я, ю.	я, ю.
Дат.	у.	ю.	ю.
Вин.	а, ъ.	я, й,	я, ь.
Зват.	ъ.	й.	ь.
Твор.	омъ, емъ.	емъ.	емъ.
Пред.	ѣ, у.	ѣ, ю.	ѣ.

	Множественное.		
И.	ы, и, а, ья, е.	и.	и.
Р.	овъ, енъ, ьевъ, ей, ъ.	евъ.	ъ, ей.
Д.	амъ, ьямъ.	ямъ.	ямъ.
В.	ъ, ы, и, а, я. озъ, енъ, ьевъ, ей.	езъ, и.	ей, и.
З.	ы, и, а, ья, е.	и.	и.
Т.	ами, ьями.	ями.	ями.
П.	ахъ, ьяхъ.	яхъ.	яхъ.
	Единственное.		
	е.	іе.	о.
И.	е.	іе.	о.
Р.	а, я.	ія.	а.
Д.	у, ю.	ію.	у.
В.	е.	іе.	о.
З.	е.	іе.	о.
Т.	емъ.	іемъ.	омъ.
П.	ѣ.	іи.	ѣ.
	Множественное.		
И.	а, я.	ія.	а, ья.
Р.	ъ, ей, евъ.	ій.	ъ, ьевъ.
Д.	амъ, ямъ.	іямъ.	амъ, ьямъ.
В.	а, я.	ія.	а, ья.
З.	а, я.	ія.	а, ья.
Т.	ами, ями.	іями.	ами, ьями.
П.	ахъ, яхъ.	іяхъ.	ахъ, ьяхъ.

Примѣры

2го *склоненія.*

Единственное.

И.	Столъ.	Рой.	Корабль.
Р.	стола.	роя.	корабля.
Д.	столу.	рою.	кораблю.
В.	столъ.	рой.	корабль.
З.	столъ.	рой.	корабль.
Т.	столомъ.	роемъ.	кораблемъ.
П.	о столѣ.	о роѣ.	о кораблѣ.

Множественное.

И.	Столы.	Рои.	Корабли.
Р.	столовЪ.	роевЪ.	кораблей.
Д.	столамЪ.	роямЪ.	кораблямЪ.
В.	столы.	рои.	корабли.
З.	столы.	рои.	корабли.
Т.	столами.	роями.	кораблями.
П.	о столахЪ.	о рояхЪ.	о корабляхЪ.

Единственное.

И.	Лице.	Слово.	Собраніе.
Р.	лица.	слова.	собранія.
Д.	лицу.	слову.	собранію.
В.	лице.	слово.	собраніе.
З.	лице.	слово.	собраніе.
Т.	лицемЪ.	словомЪ.	собраніемЪ.
П.	о лицѣ.	о словѣ.	о собраніи.

Множественное.

И.	Лица.	Слова.	Собранія.
Р.	лицЪ.	словЪ.	собраній.
Д.	лицамЪ.	словамЪ.	собраніямЪ.
В.	лица.	слова.	собранія.
З.	лица.	слова.	собранія.
Т.	лицами.	словами.	собраніями.
П.	о лицахЪ.	о словахЪ.	о собраніяхЪ.

ХрамЪ, воскЪ, соловей, день, кольцо, небо, число, зданіе, золото, хранитель, собраніе.

Имена, кончащіяся на *ре, ле, ье,* вЪ родительномЪ перемѣняются на *я:* море, *моря*; поле, *поля*; жилье, *жилья.*

Нѣкоторыя имена, кончащіяся на ь и Ъ, имѣющія предЪ конечнымЪ слогомЪ гласную букву *е* или *о*, вЪ родительномЪ и вЪ другихЪ падежахЪ буквы сіи **теряютЪ:** день, *дня*; шатерЪ, *шатра*; огонь, *огня.*

Большая часть именЪ производныхЪ отЪ глаголовЪ, кончащихся вЪ именит. на Ъ, вЪ родительномЪ падежѣ единств. числа кончатся на *а* и на *у*: успѣхЪ, *успѣха* и *успѣху.*

Многія односложныя и двусложныя слова, кончащіяся на Ъ, а вЪ родительномЪ на *у*, *время* или *мѣсто* означающія, вЪ предложномЪ сЪ предлогами *вЪ* или *на* кончатся на *у*: лѣсЪ, *лѣсу, вЪ лѣсу*; кончащіяся же на Ъ и *й* перемѣняютЪ вЪ предложномЪ падежѣ единственнаго числа Ъ на *у*, *й* на *ю* сЪ предлогами *вЪ* и *на*, а сЪ предлогомЪ *о* на *ѣ*: садЪ, вЪ *саду*, *о садѣ*; край, на *краю*, *о краѣ.*

Нѣкоторыя имена, кончащіяся на ъ, въ имен. множеств. вмѣсто *ы* или *и* имѣютъ на *а*: глазъ, *глаза*; другія, кончащіяся на ъ и ь, въ просторѣчіи употребляются на *ья*: братъ, *братья*; камень, *каменья*.

Неправильно имѣютъ именительный падежъ множественнаго числа: небо, *небеса*; чудо, *чудеса*; око, *очи*; судно, *суда*; ухо, *уши*; дерево, *дерева* и *деревья*; перо, *перья*; крыло, *крылья*; полѣно, *полѣнья*.

Къ *третьему склоненію* принадлежатъ существительныя имена *средняго рода* на *я*: сѣмя, ягня.

Таблица третьяго склоненія.		
я.		
	Единственное.	*Множественное.*
Имен.	я.	на, та.
Род.	ни, ти.	нѣ, тѣ.
Дат.	ни, ти.	намъ, тамъ.
Вин.	я.	на, та.
Зват.	я.	на, та.
Твор.	немъ, темъ.	нами, тами.
Пред.	и.	нахъ, тахъ.

Примѣры

3го склоненія.

Единственное.

И.	Время.	Теля.
Р.	времени.	теляти.
Д.	времени.	теляти.
В.	время.	теля.
З.	время.	теля.
Т.	временемъ.	телятемъ.
П.	о времени.	о теляти.

Множественное.

И.	Времена.	Телята.
Р.	временъ.	телятъ.
Д.	временамъ.	телятамъ.
В.	времена.	телята.
З.	времена.	телята.
Т.	временами.	телятами.
П.	о временахъ.	о телятахъ.

Имя, племя, порося.

Дитя во множественномъ именит. ***дѣти***, род. ***дѣтей***, дател. ***дѣтямъ***, вин. ***дѣтей***, твор. ***дѣтьми***, предл. ***о дѣтяхъ.***

Четвертаго склоненія существительныя *женскаго рода* на ь: рѣчь, вещь.

Таблица четвертаго склоненія.

ь.		
Единственное.		*Множественное.*
Имен.	ь.	и.
Родит.	и.	ей.
Дат.	и.	ямъ, амъ.
Винит.	ь.	ей, и.
Дат.	ь.	и.
Твор.	ію, ью.	ями, ами.
Пред.	и.	яхъ, ахъ.

Примѣры

4го склоненія.

Единственное.

И.	Добродѣтель.	Ночь.
Р.	добродѣтели.	ночи.
Д.	добродѣтели.	ночи.
В.	добродѣтель.	ночь.
З.	добродѣтель.	ночь.
Т.	добродѣтелію.	ночью.
П.	о добродѣтели.	о ночи.

Множественное.

И.	Добродѣтели.	Ночи.
Р.	добродѣтелей.	ночей.
Д.	добродѣтелямъ.	ночамъ.
В.	добродѣтели.	ночи.
З.	добродѣтели.	ночи.
Т.	добродѣтелями.	ночами.
П.	о добродѣтеляхъ.	о ночахъ.

Мудрость, рѣчь, юность, ложь.

Имена *мать* и *дочь* въ родительномъ кончатся на *ри* и удерживаютъ во всѣхъ падежахъ *р*: *матери*, *дочерямъ*.

Къ *пятому склоненію* относятся имена *прилагательныя*: мудрый, грубой, пригожій, древній.

Таблица пятаго склоненія.			
ый, ой.			
Единственное.			
	Мужескій.	*Женскій.*	*Средній.*
Им.	ый, ой.	ая.	ое.
Род.	аго.	ыя, ей.	аго.
Дат.	ому.	ой.	ому.
Вин.	аго, ый, ой.	ую.	ое.
Зват.	ый, ой.	ая.	ое.
Твор.	ымъ.	ою.	ымъ.
Пред.	омъ.	ой.	омъ.
Множественное.			
	Мужескій.	*Женскій*	*Средній.*
Им.	ые.	ыя.	ыя.
Род.	ыхъ.	ыхъ.	ыхъ.
Дат.	ымъ.	ымъ.	ымъ.
Вин.	ыхъ, ые.	ыхъ, ыя.	ыхъ, ыя.
Зват.	ые.	ыя.	ыя.
Твор.	ыми.	ыми.	ыми.
Пред.	ыхъ.	ыхъ.	ыхъ.

ій, ой.

Единственное.

	Мужескій.	Женскій.	Средній.
И.	ій, ой.	яя, ая, ья.	ее, ое, ье.
Р.	яго, аго, ьяго.	іе, ей, ой, ьей.	яго, аго, ьяго.
Д.	ему, ому, ьему.	ей, ой, ьей.	ему, ому, ьему.
В.	яго, аго, ій, ой.	юю, ую, ью.	ее, ое, ье.
З.	ій, ой.	яя, ая, ья.	ее, ое, ье.
Т.	имъ.	ею, ей, ою. ой, ьею, ьей.	имъ, ьимъ.
П.	емъ, омъ.	ей, ой, ьей.	емъ, омъ.

Множественное.

	Мужескій.	Женскій.	Средній.
И.	іе, ьи.	ія, ьи.	ія, ьи.
Р.	ихъ, ьихъ.	ихъ, ьихъ.	ихъ, ьихъ.
Д.	имъ, ьимъ.	имъ, ьимъ.	имъ, ьимъ.
В.	ихъ, іе, ьи.	ихъ, ія, ьи.	ихъ, ія, ьи.
З.	іе, ьи.	ія, ьи.	ія, ьи.
Т.	ими, ьими.	ими, ьими.	ими, ьими.
П.	ихъ, ьихъ.	ихъ, ьихъ.	ихъ, ьихъ.

Ъ.

Единственное.			Множеств.
Мужескій.	Женскій.	Средн.	Три рода.
И. ъ.	а.	о.	ы.
Р. а.	ой.	а.	ыхъ.
Д. у.	ой.	у.	ымъ.
В. а, ъ.	у.	о.	ыхъ, ы.
Т. ымъ.	ою.	ымъ.	ыми.
П. омъ.	ой.	омъ.	ыхъ.

Примѣры

5го склоненія.

Единственное.

	Мужескій.	Женскій.	Средній.
И.	Добрый.	Добрая.	Доброе.
Р.	добраго.	доброй.	добраго.
Д.	доброму.	доброй.	доброму.
В.	добраго. / добрый.	добрую.	доброе.
З.	добрый.	добрая.	доброе.
Т.	добрымъ.	доброю.	добрымъ.
П.	о добромъ.	о доброй.	о добромъ.

Множественное.

	Мужескій.	Женскій.	Средній.
И.	Добрые.	Добрыя.	Добрыя.
Р.	добрыхъ.	добрыхъ.	добрыхъ.
Д.	добрымъ.	добрымъ.	добрымъ.
В.	добрыхъ. / добрые.	добрыхъ. / добрыя.	добрыхъ. / добрыя.
З.	добрые.	добрыя.	добрыя.
Т.	добрыми.	добрыми.	добрыми.
П.	о добрыхъ.	о добрыхъ.	о добрыхъ.

Единственное.

	Мужескій.	Женскій.	Средній.
И.	Древній.	Древняя.	Древнее.
Р.	древняго.	древней.	древняго.
Д.	древнему.	древней.	древнему.
В.	древняго. / древній.	древнюю.	древнее.
З.	древній.	древняя.	древнее.
Т.	древнимъ.	древнею.	древнимъ.
П.	о древнемъ.	о древней.	о древнемъ.

Множественное.

	Мужескій.	Женскій.	Средній.
И.	Древніе.	Древнія.	Древнія.
Р.	древнихъ.	древнихъ.	древнихъ.
Д.	древнимъ.	древнимъ.	древнимъ.
В.	древнихъ. / древніе.	древнихъ. / древнія.	древнихъ. / древнія.
З.	древніе.	древнія.	древнія.
Т.	древними.	древними.	древними.
П.	о древнихъ.	о древнихъ.	о древнихъ.

Единственное.

	Мужескій.	*Женскій.*	*Средній.*
И.	Рыбій.	Рыбья.	Рыбье.
Р.	рыбьяго.	рыбьей.	рыбьяго.
Д.	рыбьему.	рыбьей.	рыбьему.
В.	рыбій.	рыбью.	рыбье.
З.	рыбій.	рыбья.	рыбье.
Т.	рыбьимъ.	рыбьею.	рыбьимъ.
П.	о рыбьемъ.	о рыбьей.	о рыбьемъ.

Множественное.

И.	Рыбьи.	Трехъ родовъ.
Р.	рыбьихъ.	
Д.	рыбьимъ.	
В.	рыбьи.	
З.	рыбьи.	
Т.	рыбьими.	
П.	о рыбьихъ.	

Единственное.

	Мужескій.	*Женскій.*	*Средній.*
И.	Братнинъ.	Братнина.	Братнино.
Р.	братнина.	братниной.	братнина.
Д.	братнину.	братниной.	братнину.
В.	братнина. / братнинъ.	братнину.	братнино.
Т.	братнинымъ.	братниною.	братнинымъ.
П.	о братниномъ.	о братниной.	о братниномъ.

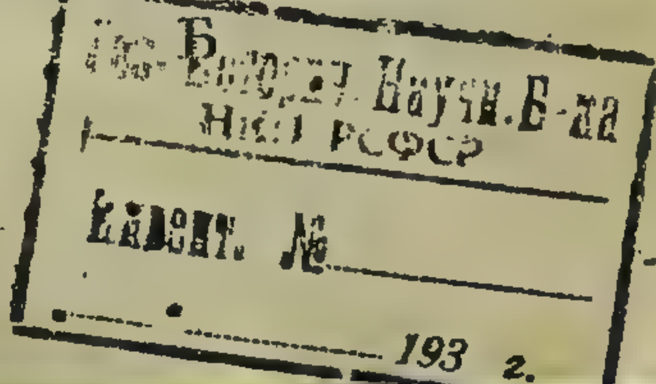
Множественное.

И.	Братнины.	Трехъ родовъ.
Р.	братниныхъ.	
Д.	братнинымъ.	
В.	братниныхъ. / братнины.	
Т.	братниными.	
П.	о братниныхъ.	

Прилѣжный, Божій, иный, дорогой, искренній, птичій, скупой, боязливъ, строгъ.

Имена *одушевленныхъ предметовъ* въ первомъ, третьемъ и четвертомъ склоненіяхъ множественнаго числа и во второмъ обоихъ чиселъ сходны въ *родительномъ* и *винительномъ* падежахъ: Умная мать ничего не жалѣетъ для воспитанія *дочерей* своихъ. Умная мать любитъ своихъ *дочерей* безъ пристрастія.

Имена *неодушевленныхъ предметовъ* въ первомъ склоненіи множественнаго числа и во второмъ обоихъ чи-

селъ, также всѣ имена третьяго и четвертаго склоненія въ единственномъ числѣ, и неодушевленныхъ предметовъ во множественномъ сходны въ *именительномъ* и *винительномъ* падежахъ: *Судьбы* Божіи неисповѣдимы. Кто можетъ проникнуть *судьбы* Божіи!

Звательный падежъ во всѣхъ именахъ и въ обоихъ числахъ сходенъ съ *именительнымъ*, выключая: ***Богъ Господь***, въ звательномъ ***Боже Господи***.

Существительныя имена третьяго склоненія, означающія ***молодыхъ животныхъ***, не употребительны въ единственномъ числѣ: вмѣсто *теля*, *ягня*, говорится ***теленокъ***, ***ягненокъ***. Во множественномъ склоняются они по третьему склоненію.

Существительныя ***собственныя*** на ***евъ***, ***овъ***, ***инъ***, ***ынъ*** мужескаго рода, на ***а*** и ***о*** женскаго и средняго съ тѣми же предыдущими буквами, какія въ мужескомъ родѣ, склоняются какъ прилагательныя сокращенныя, кромѣ ***предложнаго*** падежа, который въ единственномъ числѣ мужескаго и средняго рода оканчивается на ***ѣ***: ***о Годуновѣ***, въ ***Царицынѣ***; также склоняются кончащіяся на ***скъ*** и ***цкъ***: ***Смоленскъ***, ***Полоцкъ***.

Существительныя имена женскаго рода, употребляющіяся только ***во множественномъ числѣ***, принадлежатъ къ первому склоненію: ***четки***, ***латы***; мужескаго и средняго ко второму: ***щеты***, ***побои***.

Прилагательныя на ***ый*** и съ предыдущими буквами ***г***, ***к***, ***х*** на ***ій***, перемѣняютъ окончанія свои на ***ой***, когда употребляются въ простомъ слогѣ: ***сильный***, ***строгій***, ***великій***, ***ветхій***; простѣе: ***сильной***, ***строгой***, ***великой***, ***ветхой***.

С к л о н е н і я

именъ числительныхъ.

Числительныя имена склоняются или какъ существительныя, или какъ прилагательныя.

Количественныя на *а* и *я*: *дюжина*, *тысяча*, *сотня*, склоняются какъ существительныя перваго склоненія; на *ъ* и *о*: *десятокъ*, *сорокъ*, *девяносто*, *сто*, какъ втораго, а на *ь*: *треть*, *четверть*, *пять*, *десять*, какъ существительныя четвертаго склоненія. Сложенныя изъ двухъ или многихъ именъ склоняются во всѣхъ своихъ частяхъ: двадцать пять, *двадцати пяти*.

Количественныя *существительныя* имѣютъ два числа: сотня, *сотни*; тысяча, *тысячи*; но *безродныя* только единственное: *девять*, *сто*.

Порядочныя склоняются въ обоихъ числахъ, какъ прилагательныя имена: *пятый*, *десятый*.

Порядочныя сложныя: *первый-надесять*, *вторый-надесять*, *третій-надесять*, перемѣняются только въ первой части своей: *перваго-надесять*, *второму-надесять*, *о третьемъ-надесять*.

Примѣры

неправильныхъ склоненій.

Единственное.

	Мужескій.	*Женскій.*	*Средній.*
И.	Одинъ.	Одна.	Одно.
Р.	одного.	одной.	одного.
Д.	одному.	одной.	одному.
В.	одного. / одинъ.	одну.	одно.
Т.	одинъ.	одною.	однимъ.
П.	объ одномъ.	объ одной.	объ одномъ.

Множественное.

	Мужескій.	*Женскій.*	*Средній.*
И.	Одни.	однѣ.	Одни.
Р.	однихъ.	однѣхъ.	однихъ.
Д.	однимъ.	однѣмъ.	однимъ.
В.	однихъ. / одни.	однѣхъ. / однѣ.	однихъ. / одни.
Т.	одними.	однѣми.	одними.
П.	объ однихъ.	объ однѣхъ.	объ однихъ.

	Мужескій. Женскій.	*Мужескій и Средній.*
Имен.	Два, двѣ.	Двое.
Родит.	двухъ.	двоихъ.
Дат.	двумъ.	двоимъ.
Вин.	двухъ. / два, двѣ.	двоихъ. / двое.
Твор.	двумя.	двоими.
Пред.	о двухъ.	о двоихъ.

Трое, *четверо*, *пятеро*, склоняются какъ *двое*.

Мужескій и средній.		*Женскій.*
И.	Оба.	Обѣ.
Р.	обоихъ.	обѣихъ.
Д.	обоимъ.	обѣимъ.
В.	обоихъ. оба.	обѣихъ. обѣ.
Т.	обоими.	обѣими.
П.	въ обоихъ.	въ обѣихъ.

Всѣхъ трехъ родовъ.

И.	Три.	Четыре.
Р.	трехъ.	четырехъ.
Д.	тремъ.	четыремъ.
В.	трехъ. три.	четырехъ. четыре.
Т.	тремя.	четырьмя, ью.
П.	о трехъ.	о четырехъ.

Мужескій и средній.		*Женскій.*
И.	Полтора.	Полторы.
Р.	полутора.	полуторы.
Д.	полутору.	полуторѣ.
В.	полтора.	полторы.
Т.	полуторомъ.	полуторью.
П.	о полуторѣ.	о полуторѣ.

Также склоняются *полтретья*, и творительнаго падежа не имѣетъ.

И.	Пятьдесятъ.	Двѣсти.
Р.	Пятидесяти.	двухъ сотъ.
Д.	пятидесяти.	двумъ стамъ.
В.	пятьдесятъ.	двѣсти.
Т.	пятьюдесятью.	двумя стами.
П.	о пятидесяти.	о двухъ стахъ.

Шестьдесятъ, *семьдесятъ*, *восемдесятъ* склоняются какъ *пятьдесятъ*.

Степени уравненія.

Прилагательныя имена имѣютъ три степени: *положительную*, *сравнительную* и *превосходную*.

Положительная просто означаетъ качество: *пріятный*, *веселый*, *скорый*.

Сравнительная показываетъ сравненіе: *пріятнѣе*, *скорѣе*, или пріятнѣйшій, скор*ѣйшій*.

Превосходная изображаетъ отличное преимущество: самый *пріятный*, *самой скорой*.

Сравнительная степень дѣлается изъ положительной, чрезъ перемѣну окончательныхъ буквъ на *ѣе* или *ѣйшій*: полезный, *полезнѣе*, *ѣйшій*; честный, *честнѣе*, *ѣйшій*.

Прим. Полная сравнительная степень на *ѣйшій* иногда употребляется вмѣсто превосходной.

Имена прилагательныя, кончащіяся въ положительномъ на *дъ*, *гъ*, *окъ*, *стъ* и *хъ*, въ сравнительномъ перемѣняютъ:

Дъ и *гъ* на *же*: молодъ, *моложе*; дорогъ, *дороже*.

Выключая: милосердъ, *милосердѣе*; сѣдъ, *сѣдѣе*; долгъ, *долѣе*; гордъ, *гордѣе*.

Окъ на *че*; крѣпокъ, *крѣпче*; легокъ, *легче*.

Выключая: сладокъ, *слаще*: узокъ, *уже*; тонокъ, *тонѣе*; низокъ, *ниже*; глубокъ, *глубже*; высокъ, *выше*; широкъ, *шире*; близокъ, *ближе*; жидокъ, *жиже*; горекъ, *горчѣе*.

Стъ на *ще*: чистъ, *чище*; густъ, *гуще*.

Происходящія же *отъ существительныхъ* слѣдуютъ общему правилу: рѣчистъ, *рѣчистѣе*; пушистъ, *пушистѣе*.

Хъ на *ше*: тихъ, *тише*; сухъ, *суше*.

Великъ, *малъ*, *хорошъ* имѣютъ сравнительную степень неправильно: *больше*, *меньше*, *лучше*; нѣкоторыя же прилагательныя по разному знаменованію имѣютъ разно: добръ, *лучше* и *добрѣе*; красенъ, *краснѣе* и *краше*.

Прилагательныя имена въ сравнительной степени *не склоняются*.

Превосходная степень дѣлается изъ положительной и частицъ: *пре* и *все*, и изъ словъ: *самый*, *очень*, *весьма*: *пресвѣтлое солнце*, *всещедрый Богъ*, *самый добрый*, *очень тихій* и *весьма умный человѣкъ*.

Прилагательныя имена, означающія *принадлежность*, *матерію* или *вещество*, *время года* и *число*, не имѣютъ степеней: *сыновній*, *мраморный*, *лѣтній*, *пятый*.

Уменьшительныя и увеличительныя имена.

Уменьшаются и *увеличиваются* имена въ Русскомъ языкѣ многоразлично: мужикъ, *мужичище*; уголъ, *уголокъ*; покой, *покоецъ*; шаръ,

шарикъ; шляпа, *шляпка*; дѣло, *дѣльцо*; ухо, *ушко*; узкій, *узенькій*.

Мужескія имена *перемѣняются* въ женскія *чрезъ прибавленіе* одного или двухъ *слоговъ* къ мужескимъ именамъ: гость, *гостья*; свидѣтель, *свидѣтельница*; покровитель, *покровительница*; — *чрезъ перемѣну окончаній*: знакомецъ, *знакомка*; свекоръ, *свекровь*; левъ, *львица*; голубь, *голубка*; купецъ, *купчиха*; Грекъ, *Гречанка*.

Уменьшительныя имена удерживаютъ роды своихъ первообразныхъ именъ и означаютъ или *привѣтливость*: голубь, *голубокъ*; роща, *рощица*; скамья, *скамейка*; дерево, *деревцо*; — или *неуваженіе*; дворъ, *дворишка*; мальчикъ, *мальчишка*; рука, *рученка*.

Сравнительная степень, съ частицею *по*, означаетъ уменьшеніе; мягче, ближе; *помягче*, *поближе*.

Существительныя *увеличительныя* непріятны для слуха и неупотребительны въ чистомъ слогѣ: домъ, *домища*; глыба, *глыбище*; сани, *санищи*.

Прилагательныя *увеличительныя* употребляются усѣченно: *бѣлехонекъ*, *тихохонекъ*. *Уменьшительныя* имѣютъ полное и усѣченное окончаніе: *маленькой*, *легонькой*; *маленекъ*, *легонекъ*, или бѣловатый, *бѣловатъ*.

МѢСТОИМЕНІЕ.

Мѣстоименіе употребляется вмѣсто имени.

Есть мѣстоименія:

Личныя: *я*, *ты*, *онъ*.

Указательныя: *сей*, *тотъ*, *этотъ*, *самъ*.

Возносительныя: *который*, *кой*, *кто*, *что*, *оный*.

Возвратительныя: *себя*.

Вопросительныя: *который*, *кой*, *кто*, *что*, *чей*, *какой*.

Притяжательныя: *мой*, *твой*, *свой*, *нашъ*, *вашъ*.

Неопредѣленныя: нѣкоторый, нѣкто, кто-нибудь, кто-то, кой-кто, нѣчто, что-нибудь, что-то, кой-что, самый, такой, всякой, иной, каждой.

Я, ты, себя, кто, что, нѣкто, никто употребляются какъ *существительныя*; прочія всѣ какъ *прилагательныя*. Нѣкоторыя изъ нихъ *первообразныя: ты, онъ*; другія *производныя: твой; оной.*

Мѣстоименія имѣютъ *числа, роды, падежи* и *склоненія.*

Числъ два: единственное: *я, онъ*, и множественное: *мы, они.*

Падежей семь, какъ и въ именахъ; но не всѣ употребляются.

Родовъ три: мужескій *чей, нашъ, весь*; женскій *чья, наша, вся*; средній *чье, наше, все.*

Кто, ставится въ мужескомъ и женскомъ родѣ, *что, ты, себя, я*, во всѣхъ трехъ родахъ.

Склоненія

мѣстоименій.

	Един.	*Множ.*	*Един.*	*Множествен.*
И.	Я.	Мы.	Ты.	Вы.
Р.	меня.	насъ.	тебя.	васъ.
Д.	мнѣ.	намъ.	тебѣ.	вамъ.
В.	меня.	насъ.	тебя.	васъ.
Т.	мною.	нами.	тобою.	вами.
П.	о мнѣ.	о насъ.	о тебѣ.	о васъ.

Число единственное.

И.	—	Кто.	Что.
Р.	себя.	кого.	чего.
Д.	себѣ.	кому.	чему.
В.	себя.	кого.	что.
Т.	собою.	кѣмъ.	чѣмъ.
П.	о себѣ.	о комъ.	о чемъ.

Единственное.

	Мужескій.	*Женскій.*	*Средній.*
И.	Онъ.	Она.	Оно.
Р.	его.	ея, ее.	его.
Д.	ему.	ей.	ему.
В.	его.	ее.	его.
Т.	имъ.	ею.	имъ.
П.	о немъ.	о ней.	о немъ.

Множественное.

	Мужескій.	*Женскій.*	*Средній.*
И.	Сни.	Овѣ.	Они.
Р.	ихъ.	ихъ.	ихъ.
Д.	имъ,	имъ,	имъ.
В.	ихъ.	ихъ.	ихъ.
Т.	ими,	ими,	ими.
П.	о нихъ.	о нихъ.	о нихъ.

	Единственное.			*Множествен.*
	Мужескій.	*Женскій.*	*Средній.*	*Трехъ родовъ.*
И.	Сей.	Сія.	Сіе.	Сіи.
Р.	сего.	сея, сей.	сего.	сихъ.
Д.	сему.	сей.	сему.	симъ.
В.	сего, сей.	сію.	сіе.	сихъ.
Т.	симъ.	сею.	симъ.	сими.
П.	о семъ.	о сей.	о семъ.	о сихъ.

	Единственное.			*Множествен.*
	Мужескій.	*Женскій.*	*Средній.*	*Трехъ родовъ.*
И.	Тотъ.	Та	То.	Тѣ.
Р.	того.	той.	того.	тѣхъ.
Д.	тому.	той.	тому.	тѣмъ.
В.	того, тотъ.	ту.	то.	тѣхъ, тѣ.
Т.	Тѣмъ.	тою.	тѣмъ.	тѣми.
П.	о томъ.	о той.	о томъ.	о тѣхъ.

Также склоняется *этотъ*.

	Единственное.			*Множествен.*
	Мужескій.	*Женскій.*	*Средній.*	*Трехъ родовъ.*
И.	Самъ.	Сама.	Само.	Сами.
Р.	самаго.	самой.	самаго.	самихъ.
Д.	самому.	самой.	самому.	самихъ.
В.	самаго.	самую.	само.	самихъ.
Т.	самимъ.	самою.	самимъ.	самими.
П.	о самомъ.	о самой.	о самомъ.	о самихъ.

	Единственное.			*Множествен.*
	Мужескій.	*Женскій.*	*Средній.*	*Трехъ родовъ.*
И.	Чей.	Чья.	Чье.	Чьи.
Р.	чего.	чьей.	чьего.	чьихъ.
Д.	чьему.	чьей.	чьему.	чьимъ.
В.	чьего. чей.	чью.	чье.	чьихъ, чьи.
Т.	чьимъ.	чьею.	чьимъ.	чьими.
П.	о чьемъ.	о чьей.	о чьемъ.	о чьихъ.

	Единственное.			*Множествен.*
	Мужескій.	*Женскій.*	*Средній.*	*Трехъ родовъ.*
И.	Мой.	Моя.	Мое.	Мои.
Р.	моего.	моея. моей.	моего.	моихъ.
Д.	моему.	моей.	моему.	моимъ.
В.	моего. мой.	мою.	мое.	моихъ, мои.
Т.	моимъ.	моею.	моимъ.	моими.
П.	о моемъ.	о моей.	о моемъ.	о моихъ.

Также склоняются ***твой*** и ***свой***.

	Единственное.			*Множествен.*
	Мужескій.	*Женскій.*	*Средній.*	*Трехъ родовъ.*
И.	Нашъ.	Наша.	Наше.	Наши.
Р.	нашего.	нашей. нашея.	нашего.	нашихъ.
Д.	нашему.	нашей.	нашему.	нашимъ.
В.	нашего. нашъ.	нашу.	наше.	нашихъ, наши.
Т.	нашимъ.	нашею.	нашимъ.	нашими.
П.	о нашемъ.	о нашей.	о нашемъ.	о нашихъ.

Также склоняется ***вашъ***.

Который, ***самый***, ***оный*** склоняются какъ имена прилагательныя, кончащіяся на ***ый***.

ГЛАГОЛЪ.

Глаголъ изображаетъ *дѣйствіе*, *страданіе* и *состояніе* предмета: *пишу*, *хожу*; *люблю*, *лежу*, *бываю*.

Глаголы бываютъ *дѣйствительные*, *страдательные*, *средніе*, *возвратные*, *взаимные* и *общіе*.

Дѣйствительный изображаетъ дѣйствіе одного предмета на другой и принимаетъ винительный падежъ: *пишу*, что? *письма*; *почитаю*, кого? *родителей*.

Страдательный изображаетъ страданіе предмета: *я гонимъ*, кѣмъ? *врагомъ*; онъ *будетъ посланъ*, отъ кого? *отъ Государя*.

Средній показываетъ дѣйствіе и состояніе предмета и не принимаетъ винительнаго падежа: *стою*, *хожу*, *краснѣю*.

Возвратный изображаетъ дѣйствіе предмета самаго на себя, и составляется изъ дѣйстви-

тельнаго глагола и частицы *ся*: *хваяюся*, *возношуся*.

Взаимный изображаетъ взаимное дѣйствіе двухъ или многихъ предметовъ: *борюсь*, съ чѣмъ? *со страстьми*; *знакомлюсь*, съ кѣмъ? *съ честнымъ человѣкомъ*.

Общій имѣетъ смыслъ дѣйствительнаго и средняго, и безъ частицы *ся* ничего не значитъ: *надѣюсь*, *стараюсь*.

Глаголы имѣютъ *наклоненія*, *времена*, *числа*, *лица*, *роды* и *спряженія*.

Наклоненій три: *изъявительное* изображаетъ просто дѣйствіе: науки *просвѣщаютъ* разумъ; *повелительное* означаетъ прошеніе, совѣтованіе и запрещеніе: *уповай* на Бога, *удаляйся* порочныхъ людей; *неокончательное* не опредѣляетъ ни времени, ни числа, ни лица: *писать*, *двинуть*.

Временъ три: — *настоящее*: *читаю*, *пою*; *прошедшее* a) неопредѣленное: *читалъ*, *пѣлъ*; b) однократное: *прочелъ*, *спѣлъ*; c) многократное: *читывалъ*, *пѣвалъ*; *будущее* a) неопредѣленное: *буду читать*, *пѣть*; b) однократное: *прочту*, *спою*.

Прим. Сіи разныя прошедшія и будущія времена можно принимать за одно прошедш. неопр. отъ разныхъ только глаголовъ. Такъ отъ глаг. читать, прош. *читалъ*; отъ гл. прочитать, *прочиталъ*; отъ прочесть. *прочелъ*; равно и будущія: *буду читать*, *прочту*. По сему прилично самые глаголы раздѣлить на *неопредѣленные*, *однократные* и *многократные*, каковы: читать, читывать, прочитать. Въ этомъ сущность Русскихъ глаголовъ.

Чиселъ два: — единственное: *вижу*, *преодолѣю*; множественное: *видимъ*, *преодолѣемъ*.

Лицъ три: первое *я* желаю, *мы* желаемъ; второе *ты* желаешь, *вы* желаете; третье *онъ* желаетъ, *они* желаютъ.

Въ прошедшихъ временахъ единственнаго числа три рода: мужескій *сіялъ*, *обратился*; женскій *сіяла*, *обратилась*; средній *сіяло*, *обратилось*. Страдательные же глаголы имѣютъ

три рода во всѣхъ временахъ: *буду любимъ, ма, мо.*

Глаголы перемѣняютъ свои окончанія по *спряженіямъ.*

Спряженій два: *перваго* спряженія глаголы кончатся на *ешь*, а *втораго* на *ишь*, во второмъ лицѣ единственнаго числа настоящаго времени изъявительнаго наклоненія: думаю, *думаешь*; хвалю, *хвалишь*; надѣюсь, *надѣешься*; тружусь, *трудишься.*

Спряженіе глаголовъ включаютъ въ себѣ ***Причастія*** и ***Дѣепричастія***, какъ слова, происходящія отъ глаголовъ.

Первое спряженіе.

Изъявительнаго наклоненія

Настоящее время.

Я посылаю,	Мы посылаемъ,
Ты посылаешь,	Вы посылаете,
Онъ посылаетъ.	Они посылаютъ.

Прошедшее.

a) *Неопределенное.*

Я	посылалъ	Мы	посылали,
Ты		Вы	
Онъ		Они	

b) *Однократное.*

Я	послалъ.	Мы	послали,
Ты		Вы	
Онъ		Они	

c) *Многократное.*

Я	посылывалъ.	Мы	посылывали,
Ты		Вы	
Онъ		Они	

Будущее.

a) *Неопредѣленное.*

Я буду.	посы-	Мы будемъ	посы-
Ты будешь		Вы будете	
Онъ будетъ	лать.	Они будутъ	лать.

b) *Однократное.*

Я пошлю,	Мы пошлемъ.
Ты пошлешь,	Вы пошлете.
Онъ пошлетъ,	Они пошлютъ.

Повелительнаго наклоненія
неопредѣленное время.

—	—
Посылай.	Посылайте.
Посылай онъ.	Посылайте они.

Однократное.

—	Пошлемъ.
Пошли.	Пошлите.
Пошли онъ.	Пошли они.

Неокончательное наклоненіе.

Неопредѣленное:	Посылать.
Однократное:	Послать.

Причастіе.

Настоящее:	Посылающій.
Прошедшее неопредѣл.	Посылавшій.
Прошед. однократное:	Пославшій.

Дѣепричастіе.

Настоящее:	Посылая, посылаючи.
Прошед. неопр.	Посылавъ, посылавши.
Прошед. однокр.	Пославъ, пославши.

Перваго спряженія глаголы въ первомъ лицѣ настоящаго времени кончатся на *бу*, *ву*, *гу*, *ду*, *зу*, *ку*, *ну*, *пу*, *ру*, *су*, *ту* и на *ю* съ предыдущею гласною буквою: *читаю*, *двигаю*, *воюю*, *краснѣю*, *пишу*, *цвѣту*, *веду*, *стерегу*.

Второе спряженіе.

Изъявительнаго наклоненія.

Настоящее время.

Я хожу.	Мы ходимъ.
Ты ходишь.	Вы ходите.
Онъ ходитъ.	Они ходятъ.

Прошедшее.

a) *Неопредѣленное.*

Я, Ты, Онъ } ходилъ. — Мы, Вы, Они } ходили.

b) *Однократное.*

Я, Ты, Онъ } сходилъ. — Мы, Вы, Они } сходили.

c) *Многократное.*

Я / Ты / Онъ — хаживалъ. Мы / Вы / Они — хаживали.

Будущее.

a) *Неопредѣленное.*

Я буду / Ты будешь / Онъ будетъ — ходить. Мы будемъ / Вы будете / Они будутъ — ходить.

b) *Однократное.*

Я схожу. Мы сходимъ.
Ты ходишь. Вы сходите.
Онъ сходитъ. Они сходятъ.

Повелительнаго наклоненія
неопредѣленное время.

—— ——
Ходи. Ходите.
Сходи онъ. Ходи они.

Однократное.

—— Сходимъ.
Сходи. Сходите.
Сходи онъ. Сходи они.

Неокончательное наклоненіе.

Неопредѣленное: Ходить.
Однократное: Сходить.

Причастіе.

Настоящее: Ходящій.
Прошедшее неопредѣл. Ходившій.

Дѣепричастіе.

Настоящее: Ходя, ходючи.
Прошедшее неопр. Ходивъ, ходивши.
Прошед. однокр. Сходивъ, сходивши.

Втораго спряженія глаголы въ первомъ лицѣ настоящаго времени кончатся на *жу*, *чу*, *шу*, *щу* и на *ю* съ предыдущею согласною буквою: *молю*, *кричу*, *вижу*, *люблю*, *говорю*, *крещу*, *крашу*.

Глаголы на *у* съ предыдущими буквами *г*, *к*, перемѣняютъ *г* на *ж*, *к* на *ч* во второмъ и третьемъ лицѣ единственнаго числа, въ первомъ и второмъ лицѣ множественнаго числа: стерегу, *стережешь*, *стережетъ*, *стережете*, *стерегутъ*; влеку, *влечешь*, *влечетъ*, *влечете*, *влекутъ*.

Всѣ *дѣйствительные* и *средніе* глаголы спрягаются по образцу перваго и втораго спряженія; *возвратные взаимные* и *общіе* также только на концѣ удерживаютъ во всѣхъ наклоненіяхъ, временахъ и числахъ частицу *ся* и *сь*: являюсь, *являться*, *являлся*; боюся, *боялся*, *боюсь*.

Страдательные глаголы составляются изъ усѣченнаго причастія и *вспомогательныхъ* глаголовъ *есмь* и *бываю*.

Спряженіе

вспомогательныхъ глаголовъ

есмь и бываю.

Настоящее время.

Я есмь. Ты еси. Онъ есть.	не употребительны.	Вы есте. Мы есмы. Они суть.	не употребительны.
Я бываю.		Мы бываемъ.	
Ты бываешь.		Вы бываете.	
Онъ бываетъ.		Они бываютъ.	

Прошедшее.

a) *Неопредѣленное* и b) *Однократное.*

Я, Ты, Онъ	былъ	Мы, Вы, Они	были.

Многократное.

Я, Ты, Онъ	бывалъ.	Мы, Вы, Они	бывали.

Будущее.

Я буду.	Мы будемъ.
Ты будешь.	Вы будете.
Онъ будетъ.	Они будутъ.

Повелительное наклоненіе.

—	Будемъ.
Будь, бывай.	Будьте, бывайте.
Будь онъ, пусть онъ бываетъ.	Будь они, пусть они будутъ, пусть бываютъ.

Неокончательное наклоненіе.

Быть, бывать, бывывать.

Причастіе.

Настоящее: Сущій.
Прошедшее: Бывшій, бывавшій.
Будущее: Будущій.

Дѣепричастіе.

Настоящее: Будучи.
Прошедшее: Бывъ, бывши, бывавши.

Глаголъ *стану* употребляется иногда какъ вспомогательный: *стану* писать, *сталъ* ходить.

Спряженіе страдательнаго глагола.

Изъявительнаго наклоненія

Настоящее время.

Я бываю Ты бываешь Онъ бываетъ	посылаемъ.	Мы бываемъ Вы бываете Они бываютъ	посылаемы.

Прошедшее.

a) *Неопредѣленное.*

Я Ты Онъ	былъ посыланъ.	Мы Вы Они	были посыланы.

b) *Однократное.*

Я Ты Онъ	былъ посланъ.	Мы Вы Они	были посланы.

c) *Многократное.*

Я Ты Онъ	бывалъ посланъ.	Мы Вы Они	бывали посланы.

Будущее a) *Неопредѣленное.*

Я буду Ты будешь Онъ будетъ	посыланъ.	Мы будемъ Вы будете Они будутъ	посыланы.

b) *Однократное.*

Я буду Ты будешь Онъ будетъ	посланъ.	Мы будемъ Вы будете Они будутъ	посланы.

Повелительнаго наклоненія неопредѣленное время.

пусть	Я буду Ты будешь Онъ будетъ	посыланъ.	пусть	Мы будемъ Вы будете Они будутъ	посыланы.

Однократное.

Будь я посланъ. Будь мы посланы.
Будь ты посланъ. Будьте вы посланы.
Будь онъ посланъ. Будь они посланы.

Неокончательное наклоненіе.

Неопредѣленное: Быть посылану.
Однократное: Быть послану.

Причастіе.

Настоящее: Посылаемый.
Прошедшее неопред. Посыланный.
Прошед. однократное: Посланный.

Дѣепричастіе.

Настоящее: Будучи посыланъ.
Прошед. неопред. Бывъ посыланъ.
Прошед. однократ. Бывъ посланъ.

Я званъ, я хвалимъ, я любимъ, я записанъ.

Въ спряженіи страдательныхъ глаголовъ употребляются причастія: *прошедшее неопредѣленное* и *прошедшее однократное*, а за недостаткомъ, *причастіе настоящее*: бываю любимъ, былъ любимъ, бывалъ любимъ.

Иногда въ страдательныхъ глаголахъ настоящее время изъявительнаго наклоненія изображается *чрезъ одно причастіе*: я любимъ, я уважаемъ, но и тогда подразумѣвается глаголъ *есмь*.

Вмѣсто страдательнаго повелительнаго чаще употребляются глаголы дѣйствительные въ третьемъ лицѣ настоящаго или будущаго времени съ частицею *пусть* или *да*: пусть его *хвалятъ*, да *погибнетъ*.

Произведеніе временъ.

Времена бываютъ *первообразныя*, *производныя*, *простыя* и *сложныя*.

Первообразныхъ три: *настоящее*, *прошедшее неопредѣленное* и *прошедшее однократное* изъявительнаго наклоненія; всѣ прочія *производныя*.

Будущее неопредѣленное одно *сложное* время, прочія же *простыя* времена.

Настоящее изъявительнаго наклоненія кончится на *у* и *ю* въ первомъ лицѣ единственнаго числа: *живу*, *ласкаю*, *служу*, *мирю*. Третіе лице множественнаго числа въ глаголахъ пер-

ваго спряженія оканчивается на *утъ* или на *ютъ*: цвѣту, *цвѣтутъ*; блистаю, *блистаютъ*; а въ глаголахъ втораго спряженія на *атъ* или на *ятъ*: звучу, *звучатъ*; славлю, *славятъ*.

Прошедшее неопредѣленное и *однократное* кончится на *лъ*: *звалъ*, *вѣрилъ*; *позвалъ*, *повѣрилъ*.

Многократное производится отъ *настоящаго времени* того же наклоненія чрезъ перемѣну окончательныхъ буквъ, одной или нѣсколькихъ перваго лица единственнаго числа на *валъ*, *ивалъ*, *ывалъ* или просто на *алъ*: сижу, *сиживалъ*; мою, *мывалъ*; знаю, *знавалъ*; сплю, *сыпалъ*; сѣку, *сѣкалъ*; ѣзжу, *ѣзжалъ*.

Не всѣ глаголы имѣютъ многократное время. Простые глаголы перемѣняются по большей части въ сложные въ прошедшемъ однократномъ времени: дремлю, *подремалъ*; дѣлаю, *сдѣлалъ*; *понадѣялся*. Есть много простыхъ глаголовъ, которые имѣютъ различно прошедшее однократное время: крашу, *выкрасилъ*, *покрасилъ*.

Иногда первообразные и производные глаголы имѣютъ одинаково прошедшее однократное время: смотрю, *посмотрѣлъ*; посматриваю, *посмотрѣлъ*.

Иные глаголы принимаютъ вспомогательный *бываю* въ прошедшемъ неопредѣленномъ и многократномъ времени: *бывало навѣщалъ*, *бывало сказывалъ*, *бывало хаживалъ*, *бывало читывалъ*.

Будущее неопредѣленное составляется изъ *неокончательнаго неопредѣленнаго* и глаголовъ *буду* и *стану*: *буду ходить*, *стану работать*.

Будущее однократное производится отъ *прошедшаго однократнаго* того же наклоненія чрезъ отнятіе окончательныхъ буквъ *лъ*: блеснулъ, *блесну*; грянулъ, *гряну*.

Выключая: бросилъ, *брошу*; велѣлъ, *велю*; воротилъ, *ворочу*; далъ, *дамъ*; дѣвалъ, *дѣну*; женилъ, *женю*; кончилъ, *кончу*; легъ, *лягу*; лишилъ, *лишу*; палъ, *паду*; плѣнилъ, *плѣню*; простилъ, *прощу*; пустилъ, *пущу*; родилъ, *рожу*; рѣшилъ, *рѣшу*; рушилъ, *рушу*; свободилъ, *свобожу*; ступилъ, *ступлю* и другіе.

Естьли простой глаголъ перемѣняется въ сложной въ прошедшемъ однократномъ времени, то *будущее однократное* составляется изъ на-

стоящаго того же наклоненія и *предлога*, которой обыкновенно ставится въ началѣ слова: написалъ, *напишу*, изъ настоящаго времени *пишу* и предлога *на*; подарилъ, *подарю*, отъ настоящаго времени *дарю* и предлога *по*. Когда же глаголъ будетъ сложной и въ настоящемъ и въ прошедшемъ однократномъ, то *будущее однократное* составляется изъ предлога и настоящаго времени первообразнаго глагола *смотрю* и предлога *разъ*.

Повелительное неопредѣленное производится отъ настоящаго времени изъявительнаго наклоненія: въ глаголахъ перваго спряженія отъ *перваго лица* единственнаго числа черезъ перемѣну окончательной буквы *ю* на *и* или на *й*, *у* на *и* или на *ь*; стелю, *стели*; убираю, *убирай*; зову, *зови*; прячу, *прячь*; въ глаголахъ втораго спряженія отъ *втораго лица* единственнаго числа, чрезъ отнятіе *шь*, или чрезъ перемѣну *ишь* на *ь*: сидишь, *сиди*; вѣришь, *вѣрь*.

Повелительное однократное производится отъ *будущаго однократнаго* времени изъявительнаго наклоненія. Когда второе лице единственнаго числа будущаго однократнаго времени кончится на *ешь*, то *перваго лица* окончательная буква *ю* перемѣняется на *й*, *у* на *и* или *ь*; смою; *смой*; дохну, *дохни*; дуну, *дунь*; когда же второе лице кончится на *ишь*, то отъ сего лица отнимается *шь*, или перемѣняется *ишь* на *ь*: простишь, *прости*; исправишь, *исправь*.

Неокончательное неопредѣленное производится отъ *прошедшаго неопредѣленнаго* времени изъявительнаго наклоненія чрезъ перемѣну послѣднихъ буквъ *лъ* на *ть*: зналъ, *знать*; смотрѣлъ, *смотрѣть*.

Выключая: берегъ, *беречь*; велъ, *вести*; грызъ, *грызть*; жегъ, *жечь*; клалъ, *класть*; мелъ, *мести*; несъ, *нести*; пекъ, *печь*; плелъ, *плести*; росъ, *рости*; стригъ, *стричь*; толокъ, *толочь*; теръ, *тереть*; трясъ, *трясти*; цвѣлъ, *цвѣсти*; ѣлъ, *ѣсть* и другіе.

Неокончательное однократное производится отъ *прошедшаго однократнаго* времени изъявительнаго наклоненія чрезъ перемѣну *лъ* на *ть*: сыгралъ, *сыграть*; раздѣлилъ, *раздѣлить*.

Выключая: вымелъ, *вымести*; выросъ, *вырости*; выцвѣлъ, *выцвѣсти*; испекъ, *испечь*; истолокъ, *истолочь*; остригъ, *остричь*; повелъ, *повести*; поклалъ, *покласть*; понесъ, *понести*; сберегъ, *сберечь*; сгрызъ, *сгрысть*; сжегъ, *сжечь*; плелъ, *сплести*; стеръ, *стереть*; съѣлъ, *съѣсть* и другіе.

Времена *возвратныхъ*, *взаимныхъ* и *общихъ* глаголовъ производятся по тѣмъ же правиламъ, удерживая въ окончаніи слогъ *ся*.

Недостаточные, безличные и неправильные глаголы.

Въ Русскомъ языкѣ большая часть глаголовъ *недостаточны*: *владѣю*, *занимаюсь* не имѣютъ многократно: *охуждаю*, *путешествую* прошедшаго однократнаго и многократнаго; *ловлю*, *гощу* причастія и дѣепричастія настоящаго, и прочіе.

Безличные имѣютъ одно только третье лице единственнаго числа: *хочется*, *удается*, *мнится*.

Иногда и личные глаголы употребляются безлично: *кажется*, *снится*, *случается*.

Неправильные спрягаются въ нѣкоторыхъ временахъ несходно съ общими правилами.

Хочу: изъявит. наклон. наст. время *хочу*, *хочешь*, *хочетъ*, *хотимъ*, *хотите*, *хотятъ*.

Даю: изъяв. накл. буд. однокр. *дамъ*, *дашь*, *дастъ*, *дадимъ*, *дадите*, *дадутъ*; повел. неопред. *давай*; повелит. однокр. *дай*, *дадимъ*.

Ѣмъ: изъявит. накл. настоящ. вр. *ѣмъ*, *ѣшь*, *ѣстъ*, *ѣдимъ*, *ѣдите*, *ѣдятъ*; давнопр. *ѣдалъ*; будущ однокр. *съѣмъ*, *съѣшь*, *съѣстъ*, *съѣдимъ*, *съѣдите*, *съѣдятъ*; повелит. неопр. *ѣшь*; повелит. однокр. *съѣшь*.

Беру: изъявит. накл. прошед. однокр. *взялъ*; давнопр. *биралъ*; буд. опред. *возьму*; пов. однокр. *возми*; неокон. *взять*; прич. однокр. *взявшій*; дѣепр. однокр. *взявъ*, *взявши*.

Иду: изъявит. накл. прошед. неопред. *шелъ*; будущ. однокр. *пойду*; повел. однокр. *поди*; неоконч. неопр. *идти*; неоконч. однокр. *пойти*; прич. неопр. *шедшій*; причастіе однокр. *пошедшій*; дѣепр. неопр. *шедъ*, *шедши*; дѣепр. однокр. *пошедъ*, *пошедши*.

Сажусь, *становлюсь*, *ложусь*: изъявит. прошед. однокр. *сѣлъ*, *сталъ*, *легъ*; будущ. однокр. *сяду*, *стану*, *лягу*; пов. однокр. *сядь*, *стань*, *лягъ*; неоконч. однокр. *сѣвшій*, *ставшій*, *легшій*; дѣепр. однокр. *сѣвъ*, *сѣвши*; *ставъ*, *ставши*; *легши*.

Падаю: буд. однокр. *паду*; неоконч. однокр. *пасть*; прич. прошед. однокр. *падшій*; дѣепр. прош. однокр. *падъ*, *падши*.

Могу: прошед. неопр. *могъ*; прош. однокр. *возмогъ*; будущ. однокр. *возмогу*; прич. прош. однокр. *возмогшій*; дѣепр. прош. неопр. *могши*; дѣепр. прошед. однокр. *возмогши*.

Запираю: прошед. однокр. *заперъ*; неоконч. однокр. *запереть*; прич. прошед. однокр. *запершій*; дѣепр. прош. однокр. *заперевъ*, *заперши*.

Кладу, *пряду*: неоконч. неопред. *класть*, *прясть*; неоконч. однокр. *покласть*, *напрясть*.

Пеку, *сѣку*: прошед. неопред. *пекъ*, *сѣкъ*; прош. однокр. *испекъ*, *высѣкъ*; давно. прош. *пекалъ*, *сѣкалъ*; неоконч. неопр. *печь*, *сѣчь*; неоконч. однокр. *испечь*, *высѣчь*; дѣепр. прош. неопр. *пекши*, *сѣкши*; дѣепр. однок. *испекши*, *высѣкши*.

Блюду, *веду*, *мету*, *плету*, *цвѣту*: неоконч. неопр. *блюсть*, *блюсти*; *весть*, *вести*; *месть*, *мести*; *плесть*, *плести*; *цвѣсть*, *цвѣсти*; неоконч. однокр. соблюсть, *соблюсти*; повесть, *повести*; выместь, *вымести*; сплесть, *сплести*; выцвѣсть, *выцвѣсти*; дѣепр. прошед. однокр. *поведши*, *выметши*, *сплетши*, *выцвѣтши*, *соблювъ* правильно.

Грызу, *лѣзу*: прошед. неопред. *грызъ*, *лѣзъ*; прош. однокр. *сгрызъ*, *полѣзъ*; неоконч. неопр. *грызть*, *лѣзть*; неоконч. однокр. *сгрызть*, *полѣзть*; дѣепр. прош. однокр. *сгрызши*, *полѣзши*.

Везу, *несу*, *росту*, *трясу*: прошед. неопр. *везъ*, *несъ*, *росъ*, *трясъ*; прош. однокр. *повезъ*, *понесъ*, *выросъ*, *потрясъ*; неоконч. неопр. *везть*, *везти*; *несть*, *нести*; *рость*, *рости*; *трясть*, *трясти*; неок. однок. *повезть*, *повезти*; *понесть*, *понести*; *вырость*, *вырости*; *потрясть*, *потрясти*; дѣепр. прошед. однокр. *повезши*, *понесши*, *выросши*, *потрясши*.

Берегу, *жгу*, *стерегу*, *стригу*, *теку*, *тру*, *толку*: прошед. неопред. *берегъ*, *жегъ*, *стерегъ*, *стригъ*,

текъ, *теръ*, *толокъ*; прошед. однокр. *сберегъ*, *сжегъ*, *устерегъ*, *остригъ*, *потекъ*, *стеръ*, *истолокъ*; неоконч. неопред. *беречь*, *жечь*, *стеречь*, *стричь*, *течь*, *тереть*, *толочь*; неоконч. однокр. *сберечь*, *сжечь*, *устеречь*, *остричь*, *потечь*, *стеречь*, *истолочь*; дѣепр. прошед. неопр. *берегши*, *жегши*, *стерегши*, *стригши*, *текши*, *терши*, *толокши*; дѣепр. прошед. однокр. *сберегши*, *сжегши*, *устерегши*, *остригши*, *потекши*, *стерши*, *столокши*.

Знаю, *пою*, *сплю*, *ѣзжу*: давнопр. *знавалъ*, *пѣвалъ*, *сыпалъ*, *ѣзжалъ*.

Бросаю, *бѣгу*, *велю*, *ворочаю*, *дѣваю*, *женю*, *кончаю*, *лишаю*, *плѣняю*, *прощаю*, *пускаю*, *рождаю*, *рущу*, *свобожу*, *ступаю*, *сужу*: будущ. однокр. *брошу*, *бѣгу*, *велю*, *ворочу*, *дѣну*, *женю*, *кончу*, *лишу*, *плѣню*, *прощу*, *рожу*, *рушу*, *свобожу*, *ступлю*, *сужу*.

ПРИЧАСТІЕ.

Причастіе сокращаетъ въ себѣ *глаголъ* и возносительное мѣстоименіе *который*: *любящій*, который любитъ; *почитаемый*, котораго почитаютъ; *возносящійся*, который возносится.

Причастія, какъ и глаголы бываютъ:

Дѣйствительныя.

Настоящаго времени: посылающій.
Прошедшаго неопредѣл. посылавшій.
Прошедшаго однократ. пославшій.

Страдательныя.

Настоящаго времени: посылаемый.
Прошедшаго неопредѣл посыланный.
Прошедшаго однократ. посланный.
Давнопрошедшаго: посылыванный.

Средніе.

Настоящаго времени: идущій.
Прошедшаго неопредѣл. шедшій.
Прошедшаго однократ. пошедшій.

Возвратныя.

Настоящаго времени: возносящійся.
Прошедшаго неопред. возносившійся.
Прошедшаго однокр. вознесшійся.

Взаимныя.

Настоящаго времени: сражающійся.
Прошедшаго неопредѣл. сражавшійся.
Прошедшаго однократ. сразившійся.

Общія.

Настоящаго времени: боящійся.
Прошедшаго неопред. боявшійся.
Прошедшаго однократ. убоявшійся.

Причастіе настоящее производится отъ *третьяго лица* множественнаго числа настоящаго времени изъявительнаго наклоненія чрезъ перемѣну окончательныхъ буквъ *тъ* на *щій*: блѣднѣютъ, *блѣднѣющій*; держатъ, *держащій*. *Причастіе прошедшее неопредѣленное* производится отъ *прошедшаго неопредѣленнаго* времени изъявительнаго наклоненія. *Причастіе прошедшее однократное* отъ прошедшаго однократнаго времени того же наклоненія чрезъ перемѣну окончательныхъ буквъ *лъ* на *вшій*: блисталъ, *блиставшій*; страдалъ, *страдавшій*; блеснулъ, *блеснувшій*; пострадалъ, *пострадавшій*.

Страдательное причастіе происходитъ отъ дѣйствительныхъ глаголовъ. *Страдательное настоящее* производится отъ *перваго лица* множественнаго числа настоящаго времени изъявительнаго наклоненія чрезъ перемѣну окончательной буквы *ъ* на *ый*: избираемъ, *избираемый*; носимъ, *носимый*. *Страдательное прошедшее неопредѣленное* производится отъ *прошедшаго неопредѣленнаго* времени изъявительнаго наклоненія чрезъ перемѣну окончательныхъ буквъ *лъ* на *тый*: грѣлъ, *грѣтый*; крылъ, *крытый*; на *ный* съ повтореніемъ буквы *н*, или безъ повторенія: видѣлъ, *видѣнный*; звалъ, *званный*. *Страдательное прошедшее однократное* производится отъ *прошедшаго однократнаго* времени изъявительнаго наклоненія чрезъ перемѣну окончательныхъ буквъ *лъ* на *тый*: тронулъ, *тронутый*; двинулъ, *двинутый*; на *ный* съ повтореніемъ буквы *н*: разорилъ, *разоренный*; усмотрѣлъ, *усмотрѣнный*.

Глаголы, кончащіеся въ настоящемъ времени на *ду* и *ту*, удерживаютъ буквы *д* и *т* передъ *шій:* веду, *ведшій.*

Причастія употребляются больше въ высокомъ слогѣ, и потому отъ *глаголовъ*, употребляемыхъ въ *просторѣчіи*, не производятся: *лѣзу*, *мараю.*

Причастія *склоняются* какъ прилагательныя имена, и имѣютъ тѣ же *роды* и *падежи.*

Страдательныя причастія сокращаются во всѣхъ трехъ родахъ: *избираемъ*, *избираема*, *избираемо*; *посыланъ*, *посылана*, *посылано*; *тронутъ*, *тронута*, *тронуто.*

Причастія, употребляемыя въ смыслѣ прилагательныхъ именъ, имѣютъ степени сравненія: *знающій*, *знающѣе*, самой *знающій*; *совершенный*, *совершеннѣе*, *совершеннѣйшій.*

Кромѣ причастій есть еще *дѣепричастія.*

Дѣепричастіе.

Дѣепричастіе сокращаетъ въ себѣ *глаголъ* и нарѣчіе *когда*: молодой человѣкъ, *читая* хорошія книги, просвѣщаетъ умъ; *вмѣсто*: молодой человѣкъ, *когда читаетъ* хорошія книги, просвѣщаетъ умъ.

Прим. Можно принимать дѣепричастія за усѣченныя причастія; смыслъ въ выраженіяхъ: молодой человѣкъ **читая** и **читающій** полезныя книги просвѣщаетъ умъ — одинъ и тотъ же.

Дѣепричастія бываютъ:

Дѣйствительныя.

Наст. времени: посылая, посылаючи.
Прошедш. неопр. посылавъ, посылавши.
Прошедш. однокр. пославъ, пославши.

Страдательныя.

Настоящ. времени: будучи посыланъ.
Пр. неопредѣленнаго: бывъ посыланъ.
Пр. однократнаго: бывъ посланъ.

Среднія.

Настоящаго времени: идучи.
Прошедшаго неопредѣлен. шедши.
Прошедшаго однократнаго; пошедши.

Возвратныя.

Настоящаго времени: возносясь.
Прошедшаго неопред. возносившись.
Прошедшаго однократ. вознесшись.

Взаимныя.

Нас. времени: сражаясь, сражаючись.
Пр. неопредѣленнаго: сражавшись.
Прошед. однократнаго: сразившись.

Общія.

Настоящаго времени: боясь.
Прошед. неопредѣленнаго: боявшись.
Прошед. однократнаго: убоявшись.

Дѣепричастіе настоящее въ глаголахъ перваго спряженія производится отъ *перваго лица* единственнаго числа настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, чрезъ перемѣну окончательной буквы *у* на *а* и *я*, *ю* на *я*: плачу, *плача*; веду, *ведя*; блѣднѣю, *блѣднѣя*; или чрезъ прибавленіе къ первому лицу слога *чи*: пишу, *пишучи*; знаю, *знаючи*. Въ глаголахъ втораго спряженія сіе *дѣепричастіе* производится отъ третьяго лица множественнаго числа настоящаго времени изъявительнаго наклоненія, чрезъ отнятіе окончательныхъ буквъ *тъ*: стучатъ, *стуча*; видятъ, *видя*.

Дѣепричастіе прошедшее неопредѣленное производится отъ *прошедшаго неопредѣленнаго* времени изъявительнаго наклоненія; *дѣепричастіе прошедшее однократное* отъ *прошедшаго однократнаго* времени того же наклоненія, чрезъ перемѣну окончательныхъ буквъ *лъ* на *въ* или на *ши* съ предыдущею буквою *в*: дѣлалъ, *дѣлавъ дѣлавши*; зналъ, *знавъ*, *знавши*; сдѣлалъ, *сдѣлавъ*, *сдѣлавши*; узналъ, *узнавъ*, *узнавши*.

Дѣепричастіе однократное въ нѣкоторыхъ глаголахъ перемѣняетъ *въ* съ предыуущею гласною буквою на *а* и *я*, *ши* на *я*: *возложа*, *посмотря*, *выцвѣтя*: вмѣсто: *возложивъ*, *посмотрѣвъ*, *выцвѣвши*.

Прошедшее неопредѣленное время дѣепричастій дѣйствительныхъ, среднихъ, возвратныхъ, взаимныхъ и общихъ мало употребительно: лучше употребляется настоящее. Дѣепричастія дѣйствительныя и среднія въ прошедшемъ однократномъ времени вмѣсто *ивъ* оканчиваются на *а* или на *я*; а дѣепричастія возвратныя, взаимныя и общія вмѣсто на *шись* оканчиваются иногда на *ась* или на *ясь*: *раздѣля* вмѣсто *раздѣливъ*; *устрашась* вмѣсто *устрашившись*, *сразясь* вмѣсто *сразившись*.

Средніе глаголы на *ну* дѣепричастій не имѣютъ: *пахну*, *чахну*.

НАРѢЧІЕ.

Нарѣчіе ставится передъ *глаголомъ*, *прилагательными* именами и передъ *самыми нарѣчіями*, и показываетъ *обстоятельства* ихъ: гроза *нѣсколько* утихла; вѣтеръ *очень* силенъ; *весьма* пріятно; *чрезвычайно* легко.

Нарѣчія означаютъ:

Время: теперь, тотчасъ, нынѣ, всегда, издавна, уже, поздно, рано, давно, прежде, вскорѣ, послѣ.

Мѣсто: здѣсь, тамъ, вездѣ, напротивъ, мало, внутрь, далеко, близко, всюду.

Количество: много, мало, довольно, столько, нѣсколько, полно.

Качество: хорошо, худо, прекрасно, изрядно.

Число: однажды, дважды, трояко, сугубо, многократно.

Порядокъ: прежде, потомъ, наконецъ, вновь, опять, еще, вопервыхъ, вовторыхъ, сызнова.

Увѣреніе: ей, да, такъ, конечно, подлинно, точно, право.

Отрицаніе: не, ни, нѣтъ, никакъ, ни мало, ни чуть, не такъ.

Напряженіе: очень, весьма, столь, такъ, гораздо, пуще, даже, крайне.

Ослабленіе: едва, чуть, насилу, почти.

Соединеніе: вмѣстѣ, купно, заодно, обще, вообще.

Уподобленіе: какъ, такъ, какъ-бы, подобно, точь вточь.

Разность: иначе, равно, прочь, наединѣ, вопреки, отмѣнно.

Сомнѣніе: авось, авось-либо, никакъ, едва-ли, чуть-ли.

Скорость: вдругъ, внезапно, невзначай.

Указаніе: се, вотъ, на!

Изъясненіе: то есть, а именно, какъ-то.

Изъятіе: только, лишь, единственно, развѣ.

Вопрошеніе: гдѣ, что, почто, развѣ какъ?

Удаленіе: вонъ, прочь!

Нѣкоторыя нарѣчія, особливо тѣ, которыя происходятъ отъ именъ прилагательныхъ и означаютъ качество, имѣютъ *степени*, и могутъ *уменьшаться* и *увеличиваться:* скоро, *скорѣе*, *очень скоро;* легко, *легче*, *весьма легко*, *скоренько*, *легонько*, *полегоньку*, *скорехонько*, *легохонько;* также *рано*, *поздно*, *близко*, *далеко*, *много*, *мало*.

Для уменьшенія нарѣчія ставятъ иногда частицу *по:* поздно, *попозже.*

Существительныя имена иногда въ *творительномъ падежѣ* употребляются какъ нарѣчія *оптомъ*, *тайкомъ*, *верхомъ*, *даромъ*. Также вмѣсто нарѣчій употребляютъ: *дома*, *вдвоемъ*, *поверхъ*, *вкругъ*, *слегка*, *сподвалъ*, *вдаль*, и проч.

ПРЕДЛОГЪ.

Предлогъ ставится предъ *именемъ*, *мѣстоименіемъ*, *причастіемъ* и управляетъ *падежами:*

Родительнымъ: для, отъ, ради, у, изъ, съ, со, между, безъ, кромѣ, опричь, противъ, окрестъ, близь, изъ-за, съ-изъ, изъ-подъ.

Дательнымъ: по, къ, ко.

Винительнымъ: въ, во, за, на, подъ, о, объ, съ, со, про; сквозь, черезъ.

Творительнымъ: за, надъ, подъ, передъ, съ, со, между.

Предложнымъ: на, при, въ, во, о, объ, по.

Можно отнести къ числу предлоговъ и тѣ *нарѣчія*, которыя управляютъ падежами: *близко*, *внѣ*, *вдоль*, *внутри*, *мимо*, *около*, *прежде*, *послѣ*, *позади*.

Предлоги : *вы*, *возЪ*, *низЪ*, *разЪ*, *пре*, *пере*, не управляютЪ падежами, а входятЪ вЪ составЪ словЪ: *вынести*, *возвратить*, *низвергнуть*, *раздѣлить*, *претворить*, *передѣлать*. Есть предлоги, которые и падежами управляютЪ, и вЪ составЪ слова входятЪ; *про*, *до*, *во*, *на*: злые люди *нападаютЪ на добрыхЪ*.

СОЮЗЪ.

СоюзЪ связываетъ *смыслЪ рѣчи*. Союзы бываютъ: —

Соединительные: и, да, также, какъ, такъ, не только, но и.

Раздѣлительные: или, либо, ли.

Условные: буде, ежели, естьли, когда, лишь только, то, чтобъ, коли.

Противуположные: но, однако, а, же, хотя, впрочемъ, да, только.

Винословные: ибо, что, потому что, поелику, понеже.

Заключительные: и такъ, почему, для того, почему, слѣдовательно.

Позволительные: пусть, да.

МЕЖДОМЕТІЕ.

Междометіе изображаетъ *страсти*, или разныя движенія души.

Радость: ура! га!

Печаль: ахъ! охъ! увы! горе! ахти!

Удивленіе: о! ахъ! сколь! не уже ли! не ужто! ойли!

СмѣхЪ: ха! ха! ха!

Презрѣніе: фу! и! э! у! эхъ!

Боязнь: ай! охъ! ухъ! ой!

Негодованіе: тьфу!

Запрещеніе: цыцъ, цс!

Призываніе: эй! гей!

Восклицаніе: о!

Понужденіе: ну!

Угрозу: аа! ужо! вотъ! оо!

Внезапность: ба! ба! ба!

ОткликЪ: а! ась! что!

Примѣры

для Грамматическаго разбора.

I.

Есть много искуствъ, кои, кажется, забыты. Таково искуство: хорошо читать и хорошо произносить. Чтобы тономъ голоса изобразить различныя движенія души и сердца, изобразить игру страстей, и вообще, чтобы дать жизнь тому, что читаешь; для сего надобно имѣть самому душу и сердце; надобно имѣть тонкое чувство и образованный умъ; надобно имѣть хорошій органъ, а особливо умѣть читать. Искусный мастеръ можетъ играть хорошо и на дурномъ инструментѣ.

II.

Наставники! помыслите, какое сильное вліяніе имѣютъ на умъ, сердце, на самое щастіе и нещастіе дѣтей первыя, получаемыя ими впечатлѣнія, первыя понятія; и вы найдете, что нѣтъ ничего пагубнѣе, какъ позволять имъ читать безъ разбору всякую, попадающую въ руки ихъ книгу, или говорить при нихъ безъ осторожности.

III.

Лице есть зеркало души. При первомъ взглядѣ на злаго и развращеннаго человѣка мы чувствуемъ къ нему отвращеніе: но въ глазахъ, во всѣхъ чертахъ добродѣтельнаго и кроткаго находимъ нѣчто болѣе, нежели прелестное — нѣчто такое, что привлекаетъ къ нему нѣкоею тайною силою и заставляетъ любить его.

IV.

Не въ пиршествахъ и непозволенныхъ забавахъ, не въ угожденіи чувствамъ и пресыщеніи искать должно крѣпости силъ; но въ дѣятельности, воздержаніи, въ простой жизни и умѣренности.

V.

Скука есть наказаніе праздныхъ; а награда за трудъ сладчайшее удовольствіе для любящихъ трудиться.

Скука, имя существ. простое, женскаго рода, перваго склон. число единств. именит. падежъ.

Наказаніе, имя существ, нарицательное, производное, сред. рода, трет. склон. числа един. имен. падежъ.

Праздныхъ, имя прилагат. простое, производное, числа множ. родит. падежъ, положительн. степени.

А, союзъ противословный.

Награда, имя существ. простое, нарицательн., женскаго рода, перваго склонен. именит. пад. числа единственнаго.

За, предлогъ, требующій винительн. падежа.

Труды, имя существ. простое, нарицательное, мужес. рода, втор. склон. винит. пад. числа множественнаго.

Сладчайшее, имя прилагат., сравнит. степен. вм. превосходной, средн. рода числа единственнаго.

Удовольствіе, имя существ. производное, рода средн., третьяго склон. именит. пад. числа единственнаго.

Для, предлогъ требуетъ родител. падежа.

Любящихъ, причастіе настоящее, въ родит. падежѣ числа множеств. въ мужеск. родѣ.

Трудиться, глаголъ возвратный, втораго спряженія, неокончательнаго наклоненія, неопредѣленнаго времени.

ПРАВОПИСАНІЕ.

Правописаніе учитъ *правильно писать*, или показываетъ *начертаніе*, *число* и *свойство буквъ*, научаетъ правильному изображенію *слоговъ* и *цѣлыхъ реченій*, и предписываетъ правила, гдѣ ставить *строчные* и *надстрочные знаки*.

БУКВЫ.

Россійская Гражданская Азбука составлена изъ Славянской, которая *Моравскимъ Епископомъ Кирилломъ* частію *изобрѣтена*, а частію *занята* изъ Греческаго Алфавита.

Въ Славянской или церковной печати считается 44 буквы; многія изъ нихъ не буквы, а цѣлые слоги: ѿ (отъ); или согласныя буквы сложныя: ѯ (кси), ѱ (пси).

Исключивъ излишнія, которыхъ около 10 буквъ, Гражданская печать будетъ имѣть только 34 какъ *прописныхъ* или большихъ, такъ и *строчныхъ* или малыхъ: Аа, Бб, Вв, Гг, Дд, Ее, Жж, Зз, Ии, Іі, Кк, Лл, Мм, Нн, Оо, Пп, Рр, Сс, Тт, Уу, Фф, Хх, Цц, Чч, Шш, Щщ, Ъъ, Ыы, Ьь, Ѣѣ, Ээ, Юю, Яя, Ѳѳ.

Нѣкоторые принимаютъ въ число Гражданскихъ буквъ Славянскую букву ѵ (ижицу); но ее, подобно другимъ излишнимъ, можно исключить: ибо она выговаривается предъ гласною какъ в, а послѣ согласной какъ и. *Еѵангеліе* и *Евангеліе*, *мѵро* и *миро*, *Сѵнодъ* и *Синодъ* выговариваются одинакимъ образомъ.

Прим. Напротивъ, вмѣсто умноженія числа буквъ, приличнѣе можно бы сократить оное, какъ то; *щ* сложена изъ с и ч; *ѣ* изъ і и е; *ъ* и ь можно бы замѣнить знаками.

Буквы раздѣляются на *гласныя*, *согласныя* и *полугласныя*.

Гласная выговаривается сама собою, безъ соединенія съ другою: а, е, и, і, о, у, ы, ѣ, э, ю, я.

Гласныя раздѣляются на *простыя* и *сложныя*. Простыя: а, е, и, і, о, у, э; сложенныя: ы, ѣ, ю, я; ы составлено изъ *ъ* и *и*, ѣ изъ *і* и *е*, ю изъ *і* и *о*, я изъ *і* и *а*.

Изъ гласныхъ дѣлаются *двоегласныя*; онѣ тѣ же гласныя, только соединяются съ краткою буквою *й*: ай, ей, ій, ой, уй, ый, ѣй, эй, юй, яй.

Согласная, безъ соединенія съ гласною, не можетъ быть выговорена: б, в, г, д, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, ѳ.

Буквы: г, ж, к, х, ц, ч, ш, щ, называются *измѣняющимися* по тому, что онѣ въ произвольныхъ словахъ и въ спряженіяхъ не рѣдко перемѣняются: — *г* на *ж*: другъ, *дружба*; *ж* на *д* или на *з*: сижу, *сидишь*, вожу, *возишь*; *к* на *ч*: рука, *ручный*; *х* на ш: духъ, *душистъ*; ц на *ч*: отецъ, *отечество*; *ш* на *с*: прошу, *просить*, *просьба*; *ч* на *т*: шучу, *шутить*; *щ* на *ст*: чищу, *чистишь*. Но естьли послѣ *г* стоитъ *ъ*, то въ произведеніи *г* не перемѣняется: Выборгъ, *Выборгскій*; Петербургъ, *Петербургскій*.

Полугласная въ связи съ другими буквами составляетъ *ползвука*. Сихъ буквъ только двѣ: ъ, ь. Первая употребляется для означенія твердаго звука: *перстъ*, *цѣпъ*, *былъ*, *пылъ*; а вторая для означенія звука мягкаго: *перст*ь *цѣпь*, *быль*, *пыль*.

Полугласными называются по тому, что *ъ* выражаетъ ползвука буквы *ы*, а *ь* ползвука буквы *і*. Онѣ употребляются не только на концѣ словъ, но и въ срединѣ; *ь* для того, чтобы выразить мягкой звукъ: *тьма*, *весьма*; ъ для того, чтобы согласная не сливалась съ самогласною: *сверхъ - естественной*; *предъ - являю*. Иные совсѣмъ не пишутъ *ъ*; а чтобъ въ срединѣ словъ согласная не сливалась съ гласною, то употребляютъ знакъ: *Ученик требует об'ясненія в'задачах*.

Гласныя и согласныя произносятся неодинаково; въ иныхъ больше дѣйствуютъ *губы*, въ произношеніи другихъ *зубы*, *языкъ*, *гортань*. Губныя: б, в, м, н, ф; зубныя: ж, з, с, т; подпебныя: р, к: гортанныя: г, х. Иныя имѣютъ произношеніе *жестокое*; а, е, ы, о, у, з, к, л, с, ф, х, ц, ч, ш, щ, ѳ, р; другія *мягкое*: я, ѣ, и, і, ю, б, г, д, ж, э.

СЛОГИ и РЕЧЕНІЯ.

Изъ соединенія гласныхъ, согласныхъ и полугласныхъ буквъ составляются *слоги*, а изъ соединенія слоговъ *реченія* или *слова*.

Слова, состоящія изъ одной гласной съ одною, или нѣсколькими согласными, съ полугласною, или безъ сей послѣдней, составляютъ *одинъ* только *слогъ*: *я*, *мы*, *онъ*, *перстъ*, *тьма*, и называются *односложными словами* или *реченіями*; другія по числу гласныхъ, входящихъ въ ихъ составъ, *двусложными*, *тресложными* и *многосложными* называются: *рука*, *бумага*, *гостепріимство*.

Правила для буквъ и слоговъ.

Прав. I. Буквы пишутся *большія* или *прописныя*, *малыя* или *строчныя*.

Прописныя должно писать:

1) Въ началѣ всякой рѣчи, послѣ точки, и нерѣдко послѣ знака вопросительнаго и восклицательнаго, когда сіи знаки имѣютъ силу точки.

2) Въ началѣ каждаго стиха въ стихотворствѣ.

3) Въ имени истиннаго Бога, также въ именахъ Ангеловъ и во всѣхъ собственныхъ именахъ.

4) Въ именахъ, означающихъ достоинства, чины и отличія.

5) Въ именахъ судебныхъ, правительственныхъ мѣстъ и публичныхъ заведеній.

6) Въ именахъ наукъ, художествъ и другихъ словахъ, составляющихъ главный предметъ рѣчи.

Строчныя употребляются всегда въ срединѣ рѣчи, т. е. въ строкахъ.

Прав. 2. Послѣ буквъ: *г*, *ж*, *к*, *ч*, *ш*, *щ*, *ѳ*, никогда не должно писать *ы*, *я*, *ю*, *и*, *а*, *у*: чертогъ, *чертога*, *чертоги*, *чертогу*.

Прав. 3. Букву *і* (которая зовется десятеричною, потому что она въ церковной печати значитъ цыфру 10) должно писать предъ всякою самогласною: *сіяніе*, а *и* (осьмеричное) предъ согласною: *миръ* (тишина), выключая: *міръ* (вселенная).

Осьмеричное *и* бываетъ *долгое* и *короткое*. Долгимъ называется то, которое пишется просто и выговаривается протяжно: *твои*, *мои* долги; а короткимъ то, надъ которымъ пишется знакъ короткой й), и которое выговаривается коротко: *твой*, *мой* долгъ.

Нѣкоторые въ словахъ, сложенныхъ изъ предлога *при* и начинающихся съ самогласной, удерживаютъ букву *и*: *приемъ*, *приѣздъ*, *приятный*.

Прав. 4. **Буква ѣ всегда пишется:**

1) Въ именахъ перваго склоненія единственнаго числа въ дательномъ и предложномъ падежахъ: жертвуютъ *славѣ*, пекутся *о славѣ;* не вѣрятъ *книгѣ*, говорятъ *о книгѣ.*

2) Въ именахъ втораго склоненія въ предложномъ падежѣ един. числа: *о столѣ*, *о кораблѣ*, *о раѣ*, *о яблокѣ*, *о сердцѣ.*

Имена перваго склоненія, кончащіяся на *ія*, и втораго, кончащіяся на *іе*, въ предложномъ падежѣ имѣютъ *и*, а не *ѣ* : *о молніи*, *о сіяніи*, а не о молніѣ, о сіяніѣ. Имена перваго склоненія и въ дательномъ удерживаютъ *и* : *молніи*, *Маріи*, *Философіи.*

Имена втораго склоненія, кончащіяся нь *ъ* и *й*, въ предложномъ падежѣ иногда имѣютъ *у* и *ю* : *въ саду*, *въ раю*, а не *въ садѣ*, *въ раѣ.*

3) Въ мѣстоименіяхъ *я*, *ты*, *себя* въ дательномъ и предложномъ падежахъ един. числа: *мнѣ*, *тебѣ*; *о мнѣ*, *о себѣ.* Въ мѣстоименіи *онъ* въ именительномъ падежѣ множеств. числа въ женскомъ родѣ *онѣ.* Въ мѣстоименіяхъ *тотъ*, *кто* и *что* въ творительномъ единственномъ: *тѣмъ*, *чѣмъ*, *кѣмъ*; а въ словѣ *тотъ* и во множественномъ числѣ во всѣхъ падежахъ пишется *ѣ* : *тѣхъ*, *тѣ*, *тѣми.*

4) Объ имени прилагательномъ *весь* то же замѣтить надобно, что и о мѣстоименіи *тотъ* : *всѣмъ* сердцемъ и *со всѣмъ* умомъ не угодить *всѣмъ* людямъ.

5) Въ правильной уравнительной степени именъ прилагательныхъ пишется передпослѣдняя буква *ѣ* : *темнѣе*, *свѣтлѣе*, и въ превосходной, произходящей отъ такой же уравнительной: *свѣтлѣйшій.*

6) Въ глаголахъ, кончащихся на *ѣю*, и во всѣхъ отъ нихъ происходящихъ словахъ: *имѣю*, *имѣніе.*

7) Въ прошедшихъ временахъ глаголовъ, гдѣ слогъ *ѣлъ* не произносится какъ *іолъ* : *пѣлъ*, *сидѣлъ*, не льзя произнесть *піолъ*, *сидіолъ*, и въ неопредѣленномъ наклоненіи такихъ глаголовъ пишется *ѣ* : *видѣть*, *сидѣть*, *пѣть.* Слова производныя отъ нихъ удерживаютъ также сію букву: *видѣніе*, *пѣніе.*

8) Въ нарѣчіяхъ: *нынѣ*, *развѣ*, *вездѣ*, *доколѣ*, *доселѣ*, *внѣ*, *кромѣ*, *послѣ*; также всѣ нарѣчія сложныя, происходящія отъ другихъ словъ: *вмѣстѣ*, *вкупѣ*, *вскорѣ*, *поистиннѣ*, и нѣкоторыя принятыя изъ Славянскаго языка: *явѣ*, *помалѣ*, имѣютъ на концѣ букву *ѣ*.

9) Въ числительныхъ именахъ *обѣ*, *двѣ* пишется *ѣ*, а въ словѣ *обѣ* во всѣхъ падежахъ.

Прав. 5. Буква *е* пишется:

1) Въ глаголахъ изъявительнаго наклоненія во второмъ лицѣ настоящаго времени множественнаго числа на концѣ: *читаете*, *дѣлаете*, хотя слогъ *те* произносится очень мягко; также въ повелительномъ наклоненіи: *читайте*, *подите*.

2) Въ слогѣ *тель*: *свидѣтель*, *усладительный*, *слѣдовательно*.

3) Въ имени прилагательномъ *весь* во всѣхъ падежахъ единственнаго числа, изключая падежъ творительный мужескаго и средняго рода: *весь*, *всего*, *всей*, *всему*.

4) Во всѣхъ тѣхъ словахъ, гдѣ произносится *е* за *іо*; *свое*, *темно*.

5) Въ отрицательной частицѣ *не*: *не хочу*, *не говорю*.

Прав. 6. Въ словахъ, принятыхъ изъ другихъ языковъ, буква *ф* пишется тамъ, гдѣ въ иностранномъ находится ph, а *ѳ* тамъ, гдѣ th: *Философія* (Philosophia), *Ѳракія* (Thracia), изключая слова, которыя уже издавна такъ не выговариваются: *театръ* (theatrum), *теорія* (theoria). По произведенію должно бы писать *ѳеатръ*, *ѳеорія*, но такъ не употребляется.

Прав. 7. Буква э выговаривается твердо. Она пишется въ началѣ словъ, взятыхъ съ Латинскаго языка и начинающихся съ двоегласной *ae*: *Эней*, *экваторъ* (Aeneas, aequator); также въ Рускихъ словахъ: *эй*, *этотъ*.

Прав. 8. Буквы: б, в, д, ж, з, въ слогахъ предъ буквами: к, п, с, ф, х, ц, ш, щ, также и въ концѣ словъ передъ ъ и ь въ произношеніи часто перемѣняются изъ жесткихъ въ мягкія, и изъ мягкихъ въ жесткія: *догатка* вмѣсто *догадка*, *лошка* вмѣсто *ложка*, *align* *ознопъ* вм. *ознобъ*, *офца* вм. *овца*, *друхъ* вмѣсто *другъ*, *Бохъ* вм. *Богъ*. Равнымъ образомъ с предъ буквами: *б*, *г*, *д*, *ж*, выговариваютъ какъ *з*: *зборъ* вм. *сборъ*, *згараю* вм. *сгараю*; однакожъ въ письмѣ всегда надобно сообразоваться съ Словопроизведеніемъ.

Прав. 9. Слова, съ буквы *г* начинающіяся, въ сложеніи съ предлогами: *без*, *воз*, *раз*, *низ*, *съ*, въ правописаніи не имѣютъ никакой пере-

мѣны: *безчещу*, а не *бещещу*; *счислить*, а не *щислить*; *счетъ*, а не *щетъ*.

Прав. 10. Букву ъ удерживаютъ слова и предлоги, сложенныя съ другими словами, начинающимися съ *е*, *ѣ*, *ю*, *я*: *сверхъ-естественный*, *съѣстный*, *предъявляю*.

Прав. 11. Предъ самогласными *а*, *о*, *у* буква ъ выпускается: *безотлучно*, *разумный*.

Прав. 12. Естьли въ такихъ же случаяхъ послѣ ъ будетъ слѣдовать *и*, тогда обѣ сіи буквы превращаются въ *ы*: *обыскъ*, *предыдущій*.

Прав. 13. Въ именахъ прилагательныхъ во множественномъ числѣ въ именительномъ падежѣ въ мужескомъ родѣ должно писать на концѣ *е*, а въ женскомъ и среднемъ *я*: *умные* люди, *быстрыя* лошади, *голубыя* облака.

Прав. 14. Выговариваютъ иногда *о* какъ *а*; но на письмѣ не должно смѣшивать ихъ. Вездѣ надобно писать *о* тамъ, гдѣ можно выговаривать и *о* и *а*. Говорятъ: *харашо*, *вайна*, по употребленію, но можно сказать *хорошо*, *война*; слѣд. тутъ надобно писать *о*, а не *а*. Разумѣется, что тамъ должно всегда писать *о*, гдѣ *о* не льзя выговорить какъ *а*: *строй*. Въ тѣхъ словахъ, гдѣ надъ о́ удареніе, никогда не произносится *о* какъ *а*: *добръ*, *легко*; а гдѣ надъ *о* нѣтъ ударенія, тамъ большею частію *о* выговаривается за *а*: *добро*, *одно*.

Прав. 15. Часто *п* выговаривается вмѣсто *б*, *т* вмѣсто *д*, *ф* вмѣсто *в*, *к* вм. *г*, *ц* вмѣсто *тс*; говорятъ *дупъ* вм. *дубъ*, *офца* вм. *овца*, *у нокъ* вм. *у ногъ*, *дѣлаетца*, вм. *дѣлается*. Но на письмѣ надобно всегда сообразжаться съ Словопроизведеніемъ: *дубъ*, во множ. числѣ *дубы*, а не *дупы*; *овца* въ уменьшительномъ *овечка*, а не *офечка*.

Прав. 16. Отрицательная частица *не* отдѣляется отъ всѣхъ словъ, которыя имѣютъ свои знаменованія: *не* имѣю, *не* самъ, *не* красный. Изключаются слова, не имѣющія положительнаго значенія: *ненавижу*, *невѣжа*, *неусыпный*,

и тѣ, которыя, безъ сей частицы, имѣютъ совершенно противное значеніе: *негодный*, *нещастіе*, *незыблемый*.

Прав. 17. Частица *ни* пишется всегда отдѣльно: *ни* одинъ, *ни* тотъ, *ни* другой, исключая слова: *никто*, *никакъ*, *нигдѣ*, *ничто*, *никакій*.

ПЕРЕНОСЪ СЛОВЪ ИЗЪ ОДНОЙ СТРОКИ ВЪ ДРУГУЮ.

Прав. 1. Односложныя слова никогда не переносятся: *день* не можно перенести *де - нь* или *ду - хъ*.

Прав. 2. Слова сложныя переносятся отдѣльно: *без - силіе*, *раз - умный* *про - свѣщеніе*. Равнымъ образомъ и слова производныя или получившія приращеніе: *город - скій*, *гнѣв - ный*.

Прав. 3. Во всякомъ словѣ при переносѣ *ст* и *ск* никогда не отдѣляются: *ненавист - ный*, *мір - скій*, *Выборг - скій*.

Прав. 4. Когда въ словѣ послѣ самогласной находится много согласныхъ, тогда ближайшая согласная относится къ той самогласной, которая остается въ первой строкѣ, а прочія переносятся въ другую: *сред - ство*, *серд - це*, *солн - це*.

СТРОЧНЫЕ ЗНАКИ.

Строчныхъ знаковъ или знаковъ препинанія *девять*:

1. Запятая (,)
2. Точка съ запятою (;)
3. Двѣ точки или двоеточіе (:)
4. Точка (.)
5. Знакъ вмѣстительный [ ] или ( )
6. Знакъ внесенія или вносный („)
7. Знакъ вопросительный (?)
8. Знакъ восклицательный или удивительный (!)
9. Знакъ соединительный (-).

О юноши! берегите время; что можетъ быть его дороже? Нѣтъ сокровищь, которыми бы можно купить потерянное время.

Польза знаковъ препинанія очевидна: безъ нихъ нельзя понятно ни читать, ни писать. Чтобъ показать употребленіе знаковъ строчныхъ, для сего нужно знать напередъ, какъ человѣкъ понимаетъ *вещи* или *предметы.*

Мы понимаемъ вещи двоякимъ образомъ: или *отдѣльно*, или въ *связи.* Въ первомъ случаѣ простое представленіе какого-нибудь предмета въ умѣ нашемъ называется *понятіемъ* или *идеею;* а во второмъ, т. е. представленіе какого-нибудь предмета въ связи съ его свойствами, или съ окружающими его другими предметами, называется уже *мыслію*, *мнѣніемъ*; на *прим.* я думаю *о небѣ — небо* есть *идея*: представляю себѣ, что *небо усѣяно звѣздами* — сіи слова: *небо усѣяно звѣздами*, будетъ *мысль.*

Идея, изображенная приличными знаками, называется уже *терминомъ* или просто *словомъ*; на прим. *небо*; а *мнѣніе* или *мысль* называется *предложеніемъ*; на пр. *небо усѣяно звѣздами; предложеніе же*, распространенное приличнымъ образомъ, называется *періодомъ.*

И такъ *періодомъ* мы называемъ *составъ словъ, сложенныхъ изъ нѣсколькихъ предложеній, въ которомъ видѣнъ нѣкоторой размѣръ, или искуственное словъ разположеніе, въ которомъ находится полнота и круглость, которой иногда состоитъ изъ многихъ отдѣленій, членами называемыхъ, и взаимное отношеніе между собою имѣющихъ и отдѣленныхъ извѣстными знаками препинанія.*

Предложеніе, какъ соединеніе нѣсколькихъ простыхъ идей или понятій, дѣлится на три части: на *подлежащее*, *сказуемое* и *связь.*

Подлежащее есть то, о чемъ говорится въ предложеніи; *сказуемое* есть то, что о подлежащемъ говорится; а *связь* соединяетъ и то и другое между собою: *земля есть шаровидна. Земля*, подлежащее; *шаровидна*, сказуемое; *есть*, связь.

Предложеніе бываетъ *простое* и *сложенное. Простое* состоитъ изъ *одного подлежащаго* и *одного сказуемаго*; *сложенное* состоитъ изъ *многихъ подлежащихъ* и *многихъ сказуемыхъ.*

Какъ изъ предложеній составляются періоды, то и *періоды* могутъ быть *простые* и *сложные.*

Періодъ простой иначе называется *одночленнымъ* и состоитъ изъ одного предложенія: *доброе воспитаніе сберегаетъ въ молодыхъ людяхъ здоровье, раскрываетъ въ нихъ способности души и управляетъ ихъ страстями.*

Сложный періодъ состоитъ изъ многихъ предложеній, соединенныхъ приличными частицами, безъ которыхъ сложный періодъ существовать не можетъ: *естьли — то, когда — тогда, хотя — однако.*

Сложный періодъ можетъ быть *двучленный трехчленный* и *четырехчленный.*

Примѣръ двучленнаго: *естьли бы мнѣ удалось получить желаемое; то я былъ бы щастливъ.*

Прим. трехчлен. *естьли бы всѣ стихіи возмутились; естьли бы небо поколебалось: то и тогда мужъ добродѣтельный остался бы невредимъ.*

Прим. четырехчлен.: *хотя мы всегда думаемъ укрыть себя отъ порока; хотя всегда говоримъ, что надобно убѣгать всѣхъ порочныхъ; хотя подаемъ другимъ хорошіе совѣты быть добродѣтельными: однако сами не рѣдко падаемъ въ сѣть сего же самаго порока.*

Запятая (,) означаетъ самую короткую остановку голоса, и пишется:

1) Между подлежащими и сказуемыми, естьли случится ихъ много въ одномъ предложеніи, безъ союза или съ союзомъ, нѣсколько разъ повтореннымъ: *небо, земля, воздухъ и вода повѣдаютъ славу Творца своего.*

2) Между словами, кои сами по себѣ не составляютъ предложенія: *во всю жизнь нашу мы боремся съ бѣдами, болѣзнями, а паче со страстями.*

3) Предъ словами, употребляемыми съ повтореніемъ: *изыдите, изыдите, отверженныя чада! я былъ одинъ, одинъ съ своимъ сердцемъ!*

4) Предъ мѣстоименіями: *которой, кой, кто, что*, и послѣ словъ, къ нимъ относящихся: *средство, которое спасло его. Тотъ, кто имѣетъ доброе сердце, имѣетъ величайшее сокровище.*

5) Предъ причастіями и послѣ: *воинъ, презирающій смерть, достоинъ называться неустрашимымъ.*

6) Предъ дѣепричастіями и послѣ: *Герой, побѣдивъ непріятеля, ожидаетъ награды.*

7) Предъ союзами и другими частицами, отдѣляющими одну половину предложенія отъ другой, естьли онѣ связаны: *я не рѣшился бы, естьлибъ не заставили меня. Пока щастливъ, много друзей.*

8) Предъ падежемъ звательнымъ и послѣ него въ срединѣ рѣчи: *ты знаешь, другъ мой, что все на свѣтѣ тлѣнно.*

9) Слова: *кажется, мнится, можетъ быть, такъ сказать, такъ думаю* и проч. въ срединѣ предло-

женія окружаются запятыми: *нѣтъ, кажется, человѣка, которой бы жребіемъ своимъ былъ доволенъ.*

Тогка съ запятою (;) означаетъ большую остановку голоса, нежели запятая, и пишется:

1) Между членами періода, естьли они довольно велики: *естьли бы Тюрень сражаться и побѣждать только умѣлъ; естьли бы добродѣтелями своими не превзошелъ онъ прочихъ людей, естьли бы благоразуміе и мужество его не были оживляемы духомъ вѣры, и любви: то я поставилъ бы его на ряду съ прочими жителями земли.*

2) Между членами періода и выраженіями, противное означающими, также предъ союзами и прочими противозначительными частицами. *а, но: прилѣжный обогащаетъ умъ свой познаніями; а лѣнивый живетъ въ невѣжествѣ.*

3) Естьли слогъ не періодической, а отрывистой, то между всякою частію пишется точка съ запятою: *вѣтръ благопріятный надуваетъ паруса наши; гребцы разсѣкаютъ пѣнистыя волны; вода клубится подъ рулемъ.*

Двоеточіе (:) означаетъ второе большее отдохновеніе въ чтеніи, нежели запятая, и пишется:

1. Во всѣхъ періодахъ предъ второю ихъ частію: *естьли бы не ты, другъ мой, явился ко мнѣ на помощь: то я бы погибъ невозвратно.*

2. Иногда между предложеніемъ и причиною: *о воспитаніи дѣтей надобно всего болѣе стараться: ибо оно послужитъ имъ основаніемъ будущаго благополучія.*

3. Предъ вводными или чужими рѣчьми, предъ вычисленіями чего нибудь; *когда сказали Александру, что сынъ его умеръ, тогда онъ такъ отвѣчалъ: я зналъ, что онъ родился смертнымъ. Пословица говоритъ: вѣкъ живи вѣкъ учись.*

Тогка (.) означаетъ самую большую остановку голоса, и ставится въ концѣ всякой рѣчи, полной смыслъ заключающей: *добрыя дѣла не остаются безъ награды.*

Вмѣстительный знакъ () заключаетъ въ себѣ слова, употребляемыя для объясненія: *когда Александръ ввелъ въ городъ свою фалангу* (регулярное Македонское войско), *варвары разбѣжались.*

Вносной знакъ („) употребляется, когда въ рѣчи приводятся чужія слова, или какія нибудь изреченія изъ другаго Автора: Нѣкто сказалъ: „*солдату зимою служитъ шубою снѣгъ, а лѣтомъ дождь банею.*"

Вопросительной (?) ставится послѣ словъ, или предложеній, заключающихъ въ себѣ вопросъ: *Что дороже здоровья?*

Восклицательной (!) ставится при изображеніи въ словахъ удивленія или сильнаго желанія: *О Всемогущій Боже! О естьли бы сбылось!*

Единственный или *соединительный* (-) служитъ знакомъ слоговъ, переносимыхъ изъ одной строки въ другую: *силь-ный, могущественный.*

НАДСТРОЧНЫЕ ЗНАКИ.

Надстрочныхъ знаковъ три:

1. Краткой (˘)
2. Острой (´)
3. Тяжкой (`)

Надстрочные знаки ставятся иногда надъ гласными буквами, чтобы показать, которые слоги должно выговаривать протяжно или коротко.

Короткой знакъ (˘) становится всегда надъ буквою *и*, для того, чтобы произносить ее коротко: *безчисленный рой.*

Острой (´) ставится всегда надъ гласною въ срединѣ слова, чтобы показать удареніе: *му́ка, стро́ю.*

Тяжкой (`) ставится надъ гласною въ концѣ слова, для означенія ударенія: *мукà, стою̀, крою̀.*

Послѣдніе два знака пишутся иногда надъ тѣми словами, которыя въ начертаніи совершенно сходны, а въ знаменованіи различны: ужасная ***му́ка***, ржаная ***мукà***, ***стои́тъ*** крѣпко, ***сто́итъ*** денегъ.

Примѣры

для Правописанія.

I.

Спортанцы прѣтпогитали публишное воспитаніе дамашниму пѣщисЪ атомЪ, было у нихЪ дела негастныхЪ людѣй; норѣспублики. дети аставались врукахЪ радитѣлѣй только до сѣми летЪ: а патомЪ атѣгества брало ихЪ насвой атгѣтЪ и васпитывало всехЪ вместѣ, избираемы были старѣйшины; кои находилисЪ приихЪ угеніи и забавахЪ: кои поощряли ихЪ купрашнениямЪ произвадили дажѣ разныя мѣжду ими прѣния штобы узнавЪ такимЪ образомЪ ихЪ спасобности инравы сболшимЪ успехомЪ употребить ихЪ после вабщѣствѣнные долшности.

I.

Спартарцы предпочитали публичное воспитаніе домашнему. Пещись о томъ было у нихъ дѣло не частныхъ людей, но Республики. Дѣти оставались въ рукахъ родителей только до семи лѣтъ, а потомъ отечество брало ихъ на свой отчетъ и воспитывало всѣхъ вмѣстѣ; избираемы были старѣйшины, кои находились при ихъ ученіи и забавахъ, кои поощряли ихъ къ упражненіямъ, производили даже разныя между ними пренія, чтобы, узнавъ такимъ образомъ ихъ способности и нравы, съ большимъ успѣхомъ употребить ихъ послѣ въ общественныя должности.

II.

Нихто нѣ вышилЪ савѣршенны мЪ изрукЪ угителя. нодавольно быть исдали зритѣлемЪ на тѣатре мира: натопно угитца самому нанѣмЪ деиствавать;

II.

Никто не вышелъ совершеннымъ изъ рукъ учителя: не довольно быть издали зрителемъ на театрѣ міра; надобно учиться самому на немъ дѣйствовать.

III.

Дрѣвнія мудрѣцы вѣличайшую славу сваю паставляли втомѣ штобѣ ненанесть удара блишнѣму безѣвинна. Законы Христіанства повѣлеваютѣ нѣтолко недѣлать друхимѣ абиды но любить вѣсѣхѣ; любить самыхѣ враховѣ своихѣ и благословить кленущихѣ.

IV.

Надлешитѣ сколька мошна ранее пріучать дѣтѣй кперѣменамѣ внешняго восдуха иваабщѣ кпрастотѣ жисни.

V.

Прѣимущественна долѣжно заниматся отѣчественнымѣ языкомѣ. аставлять внѣбрѣженіи такіи языкѣ каторимѣ писаны все гражданскіе пастававлѣния; каторои должна употреблять при всѣхѣ дѣлахѣ Привсѣхѣ вѣстречающихся опстоятельствахѣ; естѣ краинѣ непрастительное заблуждѣние.

III.

Древніе мудрецы величайшую славу свою поставляли въ томъ, чтобъ не нанесть удара ближнему безвинно. Христіанство повелѣваетъ не только не дѣлать другимъ обиды, но любить всѣхъ, любить самыхъ враговъ своихъ и благословлять клянущихъ.

IV.

Надлежитъ, сколько можно ранѣе, пріучать дѣтей къ перемѣнамъ внѣшняго воздуха и вообще къ простотѣ жизни.

V.

Преимущественно должно заниматься отечественнымъ языкомъ; оставлять въ небреженіи такой языкъ, которымъ писаны всѣ гражданскія постановленія, которой должно употреблять при всѣхъ дѣлахъ, при всѣхъ встрѣчающихся обстоятельствахъ, есть крайне непростительное заблужденіе.

ПРИМѢРЫ

Синтаксической согласовки.

I.

Одинъ ненавистникъ талантъ, собрать весь погрѣшность и ошибка изизвѣстный стихотворецъ, заслуживающій удивленіе и признательность современникъ и потомокъ посвятить трудъ свой Аполлонъ, — надѣяться получить хорошая награда. — Парнасскій богъ дать онъ снопъ пшеница и приказать обмолотить. Когда Зоилъ кончить свой работа и принесть Аполлонъ пшеница, то богъ подарить онъ солома. Достойный награда тотъ, который искать недостатокъ, а не красота твореніе великій писатель.

I.

Одинъ ненавистникъ талантовъ, собравъ всѣ погрѣшности и ошибки извѣстнаго стихотворца, заслужившаго удивленіе и признательность современниковъ и потомковъ, посвятилъ труды свои Аполлону, надѣясь получить хорошую награду. Парнасскій богъ далъ ему снопъ пшеницы и приказалъ обмолотить. Когда Зоилъ кончилъ свою работу и принесъ Аполлону пшеницу, то богъ подарилъ ему — солому. Достойная награда тѣмъ, которые ищутъ недостатковъ, а не красотъ въ твореніяхъ великихъ писателей.

II.

Юноша! берегъ свой здоровье. Вѣрить, что онъ подобный нѣжный цвѣтокъ, который дыханіе холодный вѣтеръ вянуть и сохнуть зной солнечный. Злой страсть губить здоровье; не давать мѣсто сердце вашъ зависть и гнѣвъ; убѣгать праз-

II.

Юноши! берегите свое здоровье. Вѣрьте, что оно подобно нѣжному цвѣтку, который отъ дыханія холоднаго вѣтра вянетъ и сохнетъ отъ зноя солнечнаго. Злыя страсти губятъ здоровье: не давайте мѣста въ сердцѣ вашемъ зависти и гнѣву; убѣ-

дность и лѣность; беречься роскошь. Онъ, подобно черве, таиться корень растѣніе, медленно и невидимо точить здоровье. Трудолюбіе онъ укрѣплять: тѣлесный сила и способность духъ дѣиствую хорошо. Стараться, что бы здравый тѣло и умъ есть здравый. — Здоровье столь же драгоцѣнный какъ и время: потерянный время не возвратиться, а испортить здоровье не поправиться. Болѣзнь и горькій раскаяніе есмъ неминуемый слѣдствіе неумѣренность и невоздержаніе.

гайте праздности и лѣности; берегитесь роскоши. Онъ, подобно червямъ, таящимся подъ корнемъ растѣнія, медленно и невидимо точатъ здоровье. Трудолюбіе его укрѣпляетъ; при тѣлесныхъ силахъ и способности духа дѣйствуютъ лучше. Старайтесь, чтобы въ здравомъ тѣлѣ и умъ былъ здравый. — Здоровье столь же драгоцѣнно, какъ и время: потерянное время не возвратится, а испорченное здоровье не поправится. Болѣзни и горькое раскаяніе суть неминуемыя слѣдствія неумѣрености и невоздержанія.

III.

Чтеніемъ полезныхъ и умною книгою доставляемъ мы величайшее наслажденіе, неизвѣстнымъ людямъ праздное. Свободная должность наша часы мудрецовъ бесѣдовали намъ, искренно преподадимъ мы уроками нравственностію, дружеска и безкорыстна учила меня великая наука — живу; Историку, повѣствую происшествіе міромъ, откры-

III.

Чтеніе полезныхъ и умныхъ книгъ доставляетъ намъ величайшее наслажденіе, неизвѣстное людямъ празднымъ. Въ свободные отъ должности нашей часы мудрецы бесѣдуютъ съ нами, искренно преподаютъ намъ уроки нравственности, дружески и безкорыстно учатъ насъ великой наукѣ — жить; Историки, повѣствуя о произшествіяхъ міра, открыва-

ваю я всѣмъ тайну, всѣмъ изгибъ сердце человѣческая: поеты плѣняя я красоты природою и добродѣтелью! одна только глупца и невѣжа убѣжала бесѣда сія вѣрная и неразлучная друзьямъ челоѣкамъ образованнымъ и просвѣщеннымъ — человѣкъ, истинно благородный!

IV.

Весь не одинъ: раздаю благотворю и. Дарю кто разборъ, знаю не кто что и — обыкновенно повинуюся внушеніе гордое самолюбіе. Такой щедрость есть не добродѣтель, тщеславіе а благодѣтельствую тотъ, кто пекуся и семейственный хозяйственный дѣло, избытокъ а свой удѣляю другой выборъ, разсмотрѣніе польза и. Бладѣтельный человѣкъ всегда открываюся случай способъ и творю добро есть и полезный. Воспитаніе юношество, ободреніе трудолюбіе, упокоеніе старость, облегченіе немощь и, призрѣніе невинный нищета: хорошій вотъ способъ доставляю другая польза

ютъ намъ всѣ тайны, всѣ изгибы сердца человѣческаго; поэты плѣняютъ насъ красотами природы и добродѣтели! — Одинъ только глупецъ и невѣжа убѣгаетъ бесѣды сихъ вѣрныхъ и неразлучныхъ друзей человѣка образованнаго и просвѣщеннаго.

IV.

Не все одно: раздавать и благотворить. Кто даритъ безъ разбору, не зная кому и для чего — обыкновенно повинуется внушенію гордаго самолюбія. Такая щедрость не есть добродѣтель, а тщеславіе. Благодѣтельствуетъ тотъ, кто печется о семейственныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ, а избытки свои удѣляетъ другимъ по выбору, разсмотрѣнію и съ пользою. Благодѣтельному человѣку всегда открывается случай и способъ творить добро и быть полезнымъ. Воспитаніе юношества, ободреніе трудолюбія, упокоеніе старости, облегченіе немощи и призрѣніе невинной нищеты: вотъ лучшіе спо-

себя и истинный удовольствіе.

V.

Извѣстно наша Исторія что Владиміру Великому Князю Кіевскому любили даю пиры свои бояре и тогдашнее время жили великолѣпно гости однажды жаловаться, что онѣ стыдно сидѣть Княжескій столѣ ѣмѣ деревянная ложка тогда еще не есмь извѣстный Россія нынѣшній роскошь, Владимірѣ отвѣчать бояринѣ сей достопамятный слово сребро и золото я не приобрѣсть, другѣ а другѣ всегда могу приобрѣтаю сребромѣ и золотомѣ.

VI.

Упражненіе часть большой человѣческій два зависѣть причина побудительный привязанность или пристрастіе и удовольствіе жизнь, или опасеніе нищета. Сей если усилиться побужденіе, первый то роскошь и превращаться нѣга, вторый а корыстолюбіе скупость и. Сей различно сердце человѣче-

собы доставишь другимъ пользу и себѣ истинное удовольствіе.

V.

Извѣстно изъ нашей Исторіи, что Владиміръ, Великій Князь Кіевскій, любилъ давать пиры своимъ Боярамъ и по тогдашнему времени жилъ великолѣпно. Гости однажды жаловались, что имъ стыдно, сидя за Княжескимъ столомъ, ѣсть деревянными ложками (тогда еще не была извѣстна въ Россіи нынѣшняя роскошь). Владиміръ отвѣчалъ Боярамъ сими достопамятными словами: „сребромъ и золотомъ я не пріобрѣту друзей; а чрезъ друзей всегда могу пріобрѣсть сребро и золото.“

VI.

Большая часть человѣческихъ упражненій зависитъ отъ двухъ побудительныхъ причинъ: или отъ привязанности и пристрастія къ удовольствіямъ жизни, или отъ опасенія нищеты. Если сіи побужденія усилятся, то первое превращается въ роскошь и нѣгу, а второе въ корыстолюбіе и скупость. Сіи двѣ пру-

ское пружина дѣйствую два. Весьма Персіи изображаю онъ хорошій, молодой человѣкъ представлять, разбудить корыстолюбіе, принуждать встаю онъ постель предпріемлю трудный и продолжительный путешествіе; между тотъ, какъ нѣга лѣность роскошь сопровождать, тотъ время самый же онъ остаюся покой увѣщеваю дома. — Всякой пагубный вредный и. Благо умѣренный наслажденіе міръ имѣніе и благоразумный бережливость: средина вотъ человѣкъ который держуся! должный!

жины различно дѣйствуютъ надъ сердцемъ человѣческимъ. Персій изображаетъ ихъ весьма хорошо, представляя молодаго человѣка, разбужденнаго корыстолюбіемъ, понуждающимъ его встать съ постели и предпринять трудное и продолжительное путешествіе, между тѣмъ какъ роскошь, сопровождаемая лѣностью и нѣгою, въ то же самое время увѣщеваетъ его остаться съ покоемъ дома. — Всякая крайность вредна и пагубна. Умѣренное наслажденіе благами міра и благоразумная бережливость имѣнія: вотъ средина, которой человѣкъ долженъ держаться!

СЛОВОСОЧИНЕНІЕ.

Синтаксиса или *Словосочиненія* главный предметъ есть — показать правила, какъ изъ многихъ *словъ*, которыя отдѣльно разсматриваетъ Этимологія, составлять *рѣчь*.

Важнѣйшія правила Русскаго языка для составленія рѣчи суть слѣдующія:

Въ именахъ должно знать *употребленіе падежей*, которые или отъ *предлоговъ* зависятъ, или бываютъ независимы. И такъ

Именительный

именуетъ предметъ, *подлежащій* разсужденію, а потому онъ въ рѣчи есть всегда subjectum, на пр. *Богъ* сотворилъ міръ.

При глаголѣ *есть*, *суть* (NB. первое и второе лице сего глагола не употребляются) и подлежащее и сказуемое ставятся въ падежѣ именительномъ, и тогда глаголъ сочиняется въ одномъ числѣ съ подлежащимъ, на пр. *развратныя книги* суть *ядъ* для молодыхъ людей.

Сей падежъ ставится послѣ вопроса *что* съ частицею *за*, на пр. что *за шумъ?* что за *люди?*

Предлогъ *въ* требуетъ именительнаго падежа въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на пр. въ слѣдующихъ: идти въ *гости*, въ *монахи*, отдать въ *солдаты*, въ *матросы*, принять въ *товарищи*, въ *слушатели*, и пр. т. п.

Родительный

безъ предлога означаетъ владѣніе, принадлежность, зависимость предмета отъ предмета; на пр. житель *города*, любитель *словесности*, оды *Ломоносова*.

Имена числительныя: *два*, *три*, *четыре*, требуютъ родительнаго падежа числа единст-

веннаго; а *пять*, *шесть* и т. д. множественнаго, на пр. три *лица* Св. Троицы, четыре *Евангелиста*, пять *чувствъ*.

Имена и нарѣчія, означающія мѣру и количество, требуютъ родительнаго падежа безъ предлога; на пр. пудъ *муки*, стаканъ *воды*, много *денегъ*.

Послѣ сравнительной степени прилагательныхъ ставится падежъ родительный; на пр. человѣкъ лучше *всѣхъ животныхъ*, плоды полезнѣе *цвѣтовъ*.

Слѣдующіе предлоги принимаютъ послѣ себя родительный падежъ: *безъ*, *внѣ*, *для*, *до*, *изъ*, *кромѣ*, *мимо*, *около*, *окрестъ*, *отъ*, *подлѣ*, *послѣ*, *прежде*, *противъ*, *ради*, *у*, также *съ* или *со*, когда означаетъ движеніе съ поверхности мѣста. Примѣры: не льзя жить *безъ помощи* другихъ; быть *внѣ законовъ*; *для друга* все готовъ я сдѣлать; *изъ Москвы* ѣхалъ *до Владиміра*; онъ вышелъ *изъ города*; *кромѣ васъ*, *у меня* нѣтъ знакомыхъ; я хожу *мимо церкви*; непріятель сталъ *около*, *окрестъ города*; ѣду *отъ брата*; домъ мой *подлѣ заставы*; *послѣ ужина* горчица; онъ пришелъ *прежде товарища*; онъ живетъ *противъ* моего *дому*; *ради Бога* помогите; *у человѣка* есть разумъ; вѣтеръ дуетъ *съ моря*.

Дательный

показываетъ отношеніе или обращеніе предмета къ предмету; на пр.

> Хвалу *Всевышнему Владыкѣ*
> Потщися, духъ мой, возсылать!
>
> *Ломоносовъ*.

Сей падежъ ставится при глаголахъ безличныхъ; на пр. *другу моему* мечтается, *брату* хотѣлось. . . .

При неокончательномъ наклоненіи, когда оно употребляется вмѣсто будущаго времени; на пр. быть *грому*, идти *дождю*.

Въ Славянскомъ языкѣ *два дательные* отвѣчаютъ Латинскимъ *двумъ творительнымъ;* на пр. царствующу Августу Кесарю, regnante Caesare Augusto; умершу Петру Великому, mortuo Petro Magno.

Изъ предлоговъ, принимающихъ дательный падежъ, только два: *къ* или *ко* и *по.*

Примѣры: писать письмо къ *другу;* прогуливаться по *полю.*

Междометія *увы! ахти! исполать!* принимаютъ дательный падежъ; на пр. горе *тебѣ*, Вавилоне! ахти *мнѣ!* исполать *тебѣ*, *доброму молодцу!*

Винительный

означаетъ *вину* или причину дѣйствія; на пр. я люблю *Бога* и *людей.*

Глаголы дѣйствительные и средніе, употребляемые въ видѣ дѣйствительныхъ, принимаютъ падежъ винительный; на пр. писать *письмо;* читать *книгу; лѣто* я живу въ деревнѣ, а *зиму* въ городѣ.

Примѣчаніе 1. Ежели при глаголѣ дѣйствительномъ находится отрицательная частица *не*, то вмѣсто винительнаго падежа ставится родительный; на пр. не желай никому *зла;* не дѣлай ближнему *обиды.*

Примѣчаніе 2. Когда при глаголѣ дѣйствительномъ подразумѣвается *часть* или *нѣсколько*, то вмѣсто винительнаго употребляется родительный падежъ: дай мнѣ *хлѣба*, пожалуйте *бумаги.*

Предлоги, принимающіе падежъ винительный, суть слѣдующіе: *за*, *на*, *подъ*, *предъ*, *въ* или *во.* Примѣры: благодарить за *письмо;* надѣяться на *Бога;* подпасть подъ *иго;* предстать предъ *судъ;* бросаться въ *море.*

Творительный

безъ предлога означаетъ: 1) *орудіе* дѣйствія; на пр. что написано *перомъ*, не вырубишь

топоромъ; 2) *подобіе*, на пр. онъ живетъ *бариномъ*, т. е. какъ баринъ.

Творительный падежъ поставляется послѣ глаголовъ *казаться* и *быть*; на пр. онъ мнѣ кажется *добрымъ человѣкомъ*; птичій полетъ былъ у Римлянъ *признакомъ* щастія и нещастія.

Творительный нерѣдко употребляется безъ предлога, вмѣсто дательнаго съ предлогомъ *по* и вмѣсто винительнаго съ предлогомъ *чрезъ*; на пр. плыть *моремъ* (по морю); ѣхать *лѣсомъ* (чрезъ лѣсъ).

Предлоги, принимающіе творительный падежъ, суть: *за*, *подъ*, *предъ*, *съ* или *со*, *между*. Примѣры: за *Богомъ* молитва, а за *Царемъ* служба не пропадаютъ; быть подъ *присмотромъ*; оправдаться предъ *судьями*; бесѣдовать съ *Богомъ*.

Предложный

никогда не употребляется безъ предлога, отъ чего и получилъ свое названіе; а предлоги, которые съ нимъ сочиняются, суть: *о* или *объ*, *въ* или *во*, *на*, *при*, *по*. Примѣры: тужить о *потерѣ* друга; рыба живетъ въ *водѣ*; сидѣть на *престолѣ*; служить при *Дворѣ*; по *Царѣ* первой вельможа.

О прилагательномъ.

Прилагательныя сочиняются съ именами *въ одномъ родѣ*, *числѣ* и *падежѣ*; на пр. большой свѣтъ, въ большомъ свѣтѣ; красное солнце, красному солнцу; добрые люди, съ добрыми людьми.

Прилагательное, относящееся ко многимъ именамъ, полагается въ числѣ множественномъ; на пр. отецъ мой и мать уже *стары*.

Прилагательныя употребляются и безъ имени. Вотъ примѣры: *Смертный*! научайся познавать себя. *Всевышній* видитъ мое сердце. Онъ *бѣлое чернымъ* дѣлаетъ. Аще Мене послу-

шаете, *благая* земли снѣсте. Почитаю за *нужное* увѣдомить васъ, что. . .

О мѣстоименіи.

Мѣстоименія употребляются вмѣсто имени, для избѣжанія повторенія; но должно замѣтить, что и мѣстоименій избѣгать надлежитъ, а употреблять ихъ нужно въ необходимыхъ только случаяхъ; ибо онѣ въ слогѣ красоты не дѣлаютъ.

Мѣстоименія *онъ* и *который* всегда относятся къ ближайшему имени; на пр. я получилъ письмо отъ *друга*, съ *которымъ* долго не видался. Противъ сего правила многіе неопытные погрѣшаютъ и говорятъ:

Я получилъ отъ друга *письмо*, съ *которымъ* долго не видался.

Мѣстоименіе *что* часто употребляется вмѣсто который; на пр. ступай въ тотъ домъ, *что* въ концѣ улицы.

О ты, *что* въ горести напрасно
На Бога ропщешь человѣкъ!

Ломоносовъ.

О глаголѣ.

Глаголъ есть *душа* рѣчи. Сборъ словъ есть мертвое тѣло; глаголъ даетъ ему жизнь и дѣйствіе. Но онъ часто подразумѣвается и дѣйствуетъ скрытно, какъ солнце въ облакахъ. Лучшіе сему примѣры находятся въ стихотвореніяхъ *Жуковскаго.*

Мы селы въ пепелъ, грады въ прахъ,
Въ мечи серпы и плуги.

Здѣсь подразумѣвается глаголъ *обратимъ*, а выпущенъ отъ сильнаго волненія души.

Настоящее время употребляется часто вмѣсто будущаго; на пр. завтра я *ѣду* обѣдать къ N. N.

Повелительное наклоненіе относится всегда, какъ извѣстно, ко второму лицу; на пр. *читай* книгу, *поди* ко мнѣ. Но нерѣдко оно мо-

жетъ сочиняться съ третьимъ лицемъ; на пр. *скажи онъ* одно слово; *живи онъ*, какъ люди живутъ.

Наклоненіе неокончательное употребляется иногда: 1) вмѣсто повелительнаго, на пр. *сообщить* въ Гражданскую Палату; *молчать!* не *дѣлать* шуму! 2) вмѣсто будущаго времени, на пр. *быть* бѣдѣ; *умереть* ему.

О причастіи.

Причастія, какъ слова, произшедшія отъ глаголовъ, управляютъ тѣми же падежами, съ которыми сочиняются глаголы; на пр. надѣюся *на Бога*, надѣющійся *на Бога*; живу *въ городѣ*, живущій *въ городѣ*; люблю *правду*, любящій *правду*.

Причастія, какъ отглагольныя прилагательныя, сочиняются съ именемъ въ *одномъ родѣ*, *числѣ* и *падежѣ*.

О нарѣчіи.

Нарѣчія обыкновенно означаютъ обстоятельства, въ которыхъ совершается дѣйствіе, и потому онѣ ставятся при глаголахъ; а слѣдующія нарѣчія употребляются съ прилагательными, для выраженія высокой степени качества: *весьма*, *очень*, *вельми*, *зѣло*.

Нарѣчія, произшедшія отъ прилагательныхъ, управляютъ тѣми же падежами, съ которыми, сочиняются прилагательныя; на пр. достоинъ похвалы, достойно похвалы; угодный Богу, угодно Богу.

О предлогѣ.

Предлогъ показываетъ различную *связь предмета съ дѣйствіемъ*, т. е. имени съ глаголомъ. Возьмемъ, на примѣръ, два предмета: книга и столъ, а глаголъ лежать. Предлоги *въ*, *на*, *подъ*, слѣдующимъ образомъ сдѣлаютъ связь дѣйствія съ предметами: книга лежитъ *въ столѣ*, *на столѣ*, *подъ столомъ*.

Предлоги часто повторяются: 1) въ высокомъ слогѣ, на пр. не надѣйтеся *на* Князи, *на* сыны человѣческія; 2) въ многосложныхъ числительныхъ именахъ, на пр. *по* пяти рублей, *по* шестидесяти, *по* пяти копѣекъ; 3) въ Русскихъ пѣсняхъ, на пр. *за* лѣсами, *за* дремучими.

Два предлога вмѣстѣ составляютъ одинъ: въ такомъ случаѣ первый управляетъ падежемъ; на пр. *изъ*-за *лѣсу*, *изъ*-подъ *камня*.

Въ предлогахъ *въ*, *къ*, *съ* и во всѣхъ кончащихся на *ъ* сія буква, при стеченіи многихъ согласныхъ, перемѣняется на *о*; на пр. во всякомъ, ко всѣмъ, со Святыми, изо льда, предо мною, и проч.

Предлоги, какъ извѣстно, всѣ ставятся предъ именами, но *ради* можетъ стоять и послѣ имени; на пр. ради Бога и Бога ради. Ломоносовъ оканчиваетъ періодъ симъ предлогомъ; „Приносится" говоритъ онъ „благодареніе Государынѣ Благочестивѣйшей: свидѣтельствуютъ созидаемые и украшаемые храмы Господни, молебства, прощенія, трудныя путешествія благоговѣнія *ради*."

О союзѣ.

Союзы соединяютъ и раздѣляютъ слова, стоящія *въ одномъ окончаніи*, т. е. имена въ однихъ падежахъ, а глаголы въ однихъ временахъ; на пр. книга и перо, книгою и перомъ; пришелъ и увидѣлъ, приду и увижу; дѣлать или молчать.

Союзы *а*, *но* всегда ставятся предъ словами, а *же*, *ли*, *бы* послѣ словъ; на пр. *а* я утверждаю, *но* вы сказали, что... онъ *же* думаетъ; знаешь *ли* ты? я *бы* сдѣлалъ.

Союзы *да*, *чтобъ*, *дабы* всегда ставятся при глаголахъ: первый съ настоящимъ и будущимъ временами, на пр. да вижу дѣла твои; да воскреснетъ Богъ; а послѣдніе съ прошедшимъ временемъ и неокончательнымъ наклоненіемъ;

на пр. *чтобъ* ты *узналъ*, *дабы выполнить препорученіе*.

Въ мѣстоименіяхъ *никто*, *ничто* союзъ *ни* отдѣляется, когда при сихъ мѣстоименіяхъ находится предлогъ, управляющій падежемъ; на пр. *ни* къ *кому*, *ни* къ *чему*, *ни* за *кого*, *ни* за *что*.

Вотъ важнѣйшія правила Россійскаго Синтаксиса! — Впрочемъ, чтобъ научиться *правильно говорить*, должно со вниманіемъ слушать разговоры умныхъ и ученыхъ людей и замѣчать разные обороты рѣчи, читать хорошія книги, а примѣчательныя по слогу мѣста выписывать и учить наизусть. Наконецъ собственныя упражненія въ сочиненіяхъ и переводахъ ведутъ къ точному и вѣрному познанію языка. Слѣдующія общія правила словосочиненія должно всегда сохранять въ памяти:

I. Правильное измѣненіе окончанія въ частяхъ рѣчи измѣняемыхъ; на пр. не должно говорить вмѣсто мѣстъ — *мѣстовъ*.

II. Выборъ словъ, приличныхъ матеріи, т. е. должно избѣгать старинныхъ словъ, вышедшихъ изъ употребленія, обветшалыхъ, каковы суть: трегубый, на прикладъ; не должно употреблять словъ новосочиненныхъ, ежели онѣ не одобрены общимъ мнѣніемъ, на пр. кругозоръ, лицедѣй; надобно избѣгать словъ иностранныхъ, ежели можно замѣнять ихъ своими собственными. На что писать вмѣсто нравственный — моральный, вмѣсто поразить — фраппировать?

III. Употребленіе каждаго слова въ собственномъ его знаменованіи, или въ приличномъ *метафорическомъ*. Во всѣхъ языкахъ находятся слова, имѣющія съ перваго взгляду нѣкоторое сходство въ своемъ значеніи; на пр. око и глазъ, хочу и желаю. Сіи слова называются *синонимами*. Но всѣ синонимы, ежели ихъ разсмотрѣть со вниманіемъ, во многомъ различе-

ствуютъ: то надлежитъ дѣлать изъ нихъ строгой выборъ, чтобъ не поставить одного слова вмѣсто другаго.

IV. Естественный и сообразный употребленію порядокъ словъ, или *кострукція*. Слова, безъ сомнѣнія, какъ *знаки понятій*, должны слѣдовать теченію мыслей. Языкъ, какъ выраженіе души, долженъ имѣть тѣ же правила, которыми руководствуются душевныя способности.

СИНТАКСИСЪ.

Словосочиненіе есть часть Грамматики, въ которой показываются правила взаимнаго сопряженія словъ и реченій по свойству языка. Сопрягать слова между собою значитъ измѣнять ихъ правильно, наблюдать управленіе однихъ словъ другими и разполагать оныя по мѣстамъ приличнымъ.

О сочиненіи именъ вообще.

1. Имя существительное согласуется съ прилагательнымъ, числительнымъ порядочнымъ мѣстоименіемъ и причастіемъ въ одинакомъ родѣ, числѣ и падежѣ; на пр. *благоразумный Фабій* побѣдилъ Аннибала не оружіемъ, но *своею предусмотрительностію.*

a) Если имя прилагательное, или причастіе относится къ двумъ, или многимъ именамъ существительнымъ: то оно ставится въ числѣ множественномъ, родѣ мужескомъ; на пр. разумъ и добродѣтель *лучшіе друзья* человѣка.

b) Если имя прилагательное относится къ такимъ двумъ именамъ существительнымъ, изъ которыхъ одно нарицательное, а другое собственное: тогда должно согласовать его съ нарицательнымъ; на пр. *рѣка Донъ глубока.*

2. Два существительныхъ, имѣющихъ разное значеніе, при глаголѣ въ единственномъ числѣ, оба въ именительномъ падежѣ стоять не могутъ, но одно изъ нихъ поставляется въ падежѣ родительномъ; на пр. *правленіе Августа* ознаменовано успѣхами въ наукахъ и искусствахъ.

a) Въ семъ случаѣ иногда существ. имя можно перемѣнить въ прилагательное; на пр. *Берегъ моря*, или морской берегъ. — Но сіе чаще случается тогда, когда одно имя будетъ

собственное, а другое нарицательное; на пр. *Германскія племена; Кирѣ, Царь Персидскій.*

b) Если же два имена существительныя означаютъ одинъ и тотъ же предметъ: то онѣ должны стоять оба въ одномъ падежѣ; на пр. *Маркѣ Туллій Цицеронѣ* былъ славнѣйшій Ораторъ въ Римѣ.

Имена прилагательныя и существительныя требуютъ часто падежей. — При семъ должно наблюдать слѣдующее общее правило:

3. Если корень какого-либо слова требуетъ извѣстнаго падежа: то и производныя отъ него могутъ требовать того же падежа. *Вредѣ кому? вредный кому? врежу кому? вредящій кому? вредно кому?* —

Примѣч. 1. Имена собственныя и предметовъ физическихъ, какъ на пр. Иванъ, Петръ, береза, желѣзо и т. д. не требуютъ падежей.

Примѣч. 2. Имена существ., означающія мѣру и количество, требуютъ падежа родительнаго: *стаканѣ воды, пудѣ муки.*

a) Прилагательныя, означающія *качество*, которымъ одинъ предметъ отличается отъ другаго, требуютъ творительнаго падежа: *Добрѣ душею, ростомѣ великанѣ.* Въ семъ случаѣ прилагательныя, показывающія исключительно качество *доброе* (достоинство), вмѣсто творительнаго, принимаютъ и дательный съ предлогомъ *по: отличенѣ по уму;* а если *худое, смѣшное* (недостатокъ), требуютъ винительнаго съ предл. *на: гораздѣ на выдумки.*

b) Прилагательныя, значащія *свойство*, требуютъ разныхъ падежей по *значенію* свойствъ; на пр. прилагательныя, значащія *пользу* и *вредѣ*, *пріятность* и *непріятность*, *легкость* и *трудность*, *приличіе* и *неприличіе*, требуютъ дательнаго, или родительнаго съ предлогомъ *для: пріятный кому? или для кого?* — Прилагательныя, означающія *способность* или *неспособность*, *охоту*, *склонность* и *страсть*, требуютъ дательнаго съ предл. *кѣ*, или роди-

тельнаго съ предлогомъ *до: склонный къ чему? или до чего?*

c) Прилагательныя, значащія *мѣсто, время, матерію*, какъ: *здѣшній, вчерашній, желѣзный*, не требуютъ падежей.

d) Прилагательныя отглагольныя требуютъ тѣхъ же падежей, какъ и ихъ глаголы (прав. 3).

e) Прилагательныя числительныя порядочныя, если показываютъ часть изъ цѣлаго, или имѣютъ силу превосходной степени, требуютъ родительнаго съ предлогомъ *изъ: первый изъ знатоковъ.* Если же показываютъ числомъ отличительное качество предмета: то какъ прилагательныя *качества* требуютъ творительнаго, или дат. съ предл. *по: первый по прилѣжанію, прилѣжаніемъ.* Если означаютъ достоинство лица: то требуютъ предложнаго съ предлогомъ *по: второй человѣкъ по Государѣ.*

4) Имена числительныя количественныя требуютъ послѣ себя родительнаго падежа.

a. *Два, три, четыре* требуютъ родительнаго падежа въ единственномъ числѣ, а всѣ прочія, начиная отъ пяти, тогожъ падежа въ числѣ множественномъ. — Имена прилагательныя какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ поставляются въ числѣ множественномъ. — *Два деревянныхъ стола, пять крѣпкихъ деревъ.*

Примѣчаніе 1. Сравнительная степень сочиняется съ падежемъ родительнымъ: *Свѣтлѣе солнца.*

Прим. 2. Если нужно поставить сравнительную степень, относительно имени существительнаго, въ родѣ, числѣ и падежѣ: тогда ставится она въ окончаніи *ѣйшій* или *шій: Побуждаемый ненасытною жадностію, честолюбіемъ еще ненасытнѣйшимъ* (болѣе ненасытнымъ), и т. д.

Примѣч. 3. Прилагательное усѣченное употребляется въ предложеніи какъ сказуемое: *онъ прилѣженъ*, и т. д.

Примѣг. 4. На вопросъ *когда*, при названіи дней седмичныхъ ставится падежъ винительный единст. числа съ предлогомъ *въ*, или дательный съ предлогомъ *по*, числа множественнаго: въ *пятницу*, по *пятницамъ*; въ означеніи времени неопредѣленнего винительный съ предлогомъ *съ*: *съ мѣсяцъ тому назадъ*; или дательный съ предлогомъ *по*: *по мѣсяцу*, *по недѣлѣ*; — время года ставится въ падежѣ творительномъ единств. числа: *весною*, *лѣтомъ*; — названіе недѣль, въ предлож. падежѣ съ предлогомъ *на*: *на Святой недѣлѣ*.

О сочиненіи мѣстоименій.

1. Мѣстоименіе прилагательное *свой*, *своя*, *свое*, относится ко всѣмъ тремъ лицамъ: живи въ *своемъ* домѣ, а я останусь въ *своемъ*.

2. Мѣстоименія относительныя должны согласоваться съ ближайшимъ именемъ: я получилъ письмо *отъ друга*, съ *которымъ* давно не видался. Если мѣстоименіе относительное стоитъ съ глаголомъ: то оно можетъ быть выпущено; и въ семъ случаѣ глаголъ перемѣняется въ причастіе: *кто почиталъ добродѣтель*, или *почитавшій добродѣтель*.

3. Мѣстоименіе вопросительное *что* требуетъ родительнаго падежа, или именительнаго съ предл. *за*: *что нужды? что за нужда?*

5. Мѣстоименіе *что* употребляется въ просторѣчіи вмѣсто *который*, для краткости: *это тотъ говорилъ*, *что со мною служитъ*. — Такъ употребляютъ его иногда Стихотворцы: *О ты*, *что въ горести напрасно*, и пр.

5. Мѣстоименіе *самый*, полагаемое предъ именемъ прилагательнымъ, составляетъ превосходную степень: — *самый прилѣжный*. Усѣченное мѣстоименіе *самъ* ставится для усилія: *я самъ это видѣлъ*.

О сочиненіи глаголовъ.

Въ Русскомъ языкѣ должно различать три *наклоненія глаголовъ*: — неопредѣленное, изъявительное и повелительное.

1. Неопредѣленное наклоненіе не изъявляетъ ни рода, ни числа, ни лица; не смотря на сіе, оно употребляется иногда вмѣсто повелительнаго, *быть по сему*, вмѣсто *пусть будетъ по сему*; иногда вмѣсто будущаго времени изъявительнаго наклоненія: *быть бѣдѣ*, вмѣсто *будетъ бѣда*; иногда вмѣсто именительнаго падежа имени существительнаго: *повиноваться закономъ есть долгъ гражданина*; вмѣсто *повиновеніе закономъ есть долгъ гражданана.*

2. Изъявительное наклоненіе выражаетъ дѣйствіе во времени, родѣ, числѣ и падежѣ. — Если дѣйствіе должно выразить условно: то къ прошедшему времени и неопредѣленному наклоненію прибавляются частицы *бы*, *было*, *чтобы* и т. д.; на пр. *я сдѣлалъ бы* и пр., *сдѣлать бы тебѣ.*

3. Повелительное наклоненіе показываетъ запрещеніе, просьбу, совѣтъ и приказаніе. Если же хотимъ выразить *согласіе* или *попущеніе*; въ такомъ случаѣ къ настоящему и будущему времени изъявительнаго наклоненія прибавляютъ: *пусть*, *пускай*, *да*, и пр.: *пусть дѣлаетъ.*

4. Всѣ дѣйствительные глаголы, при коихъ бываетъ *предметъ* дѣйствія на вопросъ *кого* или *что*, требуютъ винительнаго падежа: *я люблю всѣхъ людей.*

Примѣч. Если средніе глаголы перейдутъ въ дѣйствительные, то и они требуютъ винительнаго падежа.

а) Если предъ глаголомъ дѣйствительнымъ будетъ отрицательная частица *не*; тогда, вмѣсто винительнаго падежа, полагается родительный: *я не терялъ этой книги.*

b) Если дѣйствіе простирается на часть какой нибудь вещи; тогда дѣйст. глаголъ принимаетъ также падежъ родительный: *дайте мнѣ воды.*

c) Если дѣйствіе простирается только на нѣкоторое время; дѣйст. глаг. требуетъ также родит. падежа: *дайте ножичка.*

d) Когда глаголъ дѣйствительный перемѣняется въ страдательный; то винительный падежъ дѣлается именительнымъ, а именительный перемѣняется въ творительный и въ родительный съ предлогомъ *отъ*: *добрый Государь любитъ подданныхъ; подданные любимы добрымъ Государемъ*, или отъ *добраго Государя.*

Примѣч. Иногда дѣйствительный глаголъ, чрезъ прибавленіе частицы *ся*, превращается въ страдательный: *вѣтеръ колеблетъ дерево; дерево колеблется вѣтромъ.*

6. Глаголы сложные съ предлогами, перемѣняя свое значеніе, требуютъ послѣ себя тѣхъ же предлоговъ, съ какими сложны сами, изключая предлоговъ: *при*, *вы*, *возъ*, изъ которыхъ послѣ перваго поставляется *къ*, послѣ втораго *изъ*, послѣ третьяго *на*: *дойти до крайности, отойти отъ зла, взойти на корабль.*

7. Всѣ глаголы, значащія *боязнь* и *осторожность*, *желаніе* и *ожиданіе*, *стыдъ* и *искательство*, *лишеніе* и *удостоеніе*, требуютъ родительнаго падежа. — Нѣкоторые изъ нихъ требуютъ къ родительному предлоговъ *отъ* и *до*: *избавиться* отъ бѣдъ, *добиться до чиновъ.* (пр. 3. о им. существ.).

8. Всѣ глаголы, значащіе *пользу* и *вредъ*, *угожденіе* и *прекословіе*, *зависть* и *соревнованіе*, *удивленіе*, *подражаніе* и *ученіе*, требуютъ дательнаго падежа (пр. 5. о им. сущ.).

9. Безличные глаголы требуютъ также дательнаго падежа (пр. 3. о им. сущ.): *мнѣ надобно* видѣть его.

10. Глаголы, употребляемые въ неопредѣленномъ наклоненіи, вмѣсто будущаго времени, требуютъ также дательнаго: *быть грому*, *идти дождю.*

11, Всѣ глаголы, значащіе *гнѣвъ* и *жалобу*, *упованіе* и *ссылательство*, требуютъ вини-

тельнаго падежа съ предлог. *на: радоваться на людей.*

12. Всѣ глаголы взаимные требуютъ падежа творительнаго съ предлогомъ *съ: сражаться съ непріятелями.*

13. Вообще послѣ глаголовъ, выражающихъ дѣйствіе, совершаемое посредствомъ какого-нибудь орудія, или средства, ставится падежъ творительный: *смотрѣть глазами, предводительствовать войскомъ.*

а) Послѣ глаголовъ *казаться* и *быть* слѣдуетъ творит. падежъ: *казаться добрымъ человѣкомъ* (пр. 10 о глаг.).

14. Всѣ глаголы, значащіе *памятованіе* и *забвеніе, радость* и *печаль, заботу* и *размышленіе*, требуютъ падежа предложнаго съ предлогомъ *о*, или *объ: я забочусь о твоемъ расположеніи къ наукамъ.* Немногіе изъ нихъ употребляются просто, въ значеніи дѣйствительныхъ, съ винительнымъ.

15. Глаголы, значащіе *производство* въ *чинъ*, или *званіе*, требуютъ падежа именительнаго съ предлогомъ *въ: произвести въ Генералы.*

Примѣч. 1. Два глагола, показывающіе разное значеніе, оба въ изъявительномъ наклоненіи стоять не могутъ; но всегда одинъ изъ нихъ ставится въ неопредѣленномъ.

Примѣч. 2. Глаголы часто подразумѣваются только въ предложеніяхъ:

Мы села въ пепелъ, грады въ прахъ,
Въ мечи серпы и плуги. Здѣсь подразумѣется глаголъ: обратимъ.

Примѣч. 3. Причастія и дѣепричастія, какъ слова, произшедшія отъ глаголовъ, требуютъ тѣхъ же падежей, съ которыми сочиняются ихъ глаголы. (прав. 3 о им. существ.).

а) Причастія *знающъ* и *свѣдущъ* требуютъ падежа предложнаго съ предлогомъ *въ*: *свѣдущъ въ дѣлахъ.*

b) Дѣепричастія въ Русскомъ языкѣ согласуются въ предложеніи съ однимъ лицемъ.

c) Какъ причастіе, такъ и дѣепричастіе могутъ перемѣниться въ глаголъ изъявительнаго наклоненія, первое съ мѣстоименіемъ *который*, а другое съ нарѣчіемъ времени *когда*.

О сочиненіи нарѣчій.

Нарѣчіе есть производная часть рѣчи отъ другихъ, означенныхъ въ Грамматикѣ; а по сему оно должно имѣть свой корень, отъ котораго происходитъ.

Понятія *отвлеченныя* почти всѣ бываютъ, или могутъ быть въ четырехъ видахъ или частяхъ рѣчи: *вредъ*, *вредный*, *врежу*, *вредно*; понятія *Физическія* могутъ быть только въ двухъ первыхъ видахъ, рѣдко въ трехъ, а въ четырехъ еще рѣже; но сіи понятія кромѣ дѣйствительныхъ глаголовъ) ни въ какомъ языкѣ, чему послѣдуетъ и Русскій, не требуютъ падежей. — Изъ сего можно заключить:

1. Нарѣчія, какъ слова производныя отъ общаго корня, должны требовать тѣхъ падежей, какими управляетъ коренное слово: *врежу здоровью*, *вредно здоровью; соглашаюсь съ твоимъ мнѣніемъ*, *согласно съ твоимъ мнѣніемъ* и т. д. (прав. 3. о имен. существ.).

Примѣч. 1. Нарѣчіе *не*, дважды повторяемое служитъ къ подтвержденію: *Не неприятно*, т. е. *приятно*.

Примѣч. 2. Послѣ нарѣчій отрицательныхъ: *нѣтъ*, *отнюдь*, *никакъ*, *никогда* и т. далѣе, слѣдуетъ всегда другое отрицательное нарѣчіе: *нѣтъ*, *это не правда; я никогда не лгалъ*.

О сочиненіи предлоговъ.

Предлоги: *безъ*, *внѣ*, *для*, *до*, *мимо*, *окрестъ*, *вокругъ*, *около*, *опричь*, *кромѣ*, *отъ*, *подлѣ*, *послѣ*, *прежде*, *до*, *изъ* и *съ* или *со* (означая движеніе съ мѣста), требуютъ родительнаго падежа.

Предлоги: *къ* или *ко* и *по* требуютъ дательнаго падежа.

Предлоги: *про*, *чрезъ*, *сквозь*, *за*, *на*, *подъ*, *предъ*, *въ*, *по* (означая предѣлъ) и *съ*, (означая равенство или подобіе), требуютъ падежа винительнаго.

Предлоги: *за*, *подъ*, *предъ*, *надъ*, *между* (означающіе положеніе предмета въ одномъ мѣстѣ,) и *съ* (въ означеніи совокупности) требуютъ падежа творительнаго.

Предлоги: *о*, *объ*, *въ* или *во*, *на*, требуютъ падежа предложнаго.

Примѣч. 1. Предлоги, относящіеся ко многимъ подлежащимъ, или повторяются при каждомъ изъ нихъ, или только при первомъ: *любовь къ Богу*, *Государю и къ ближнимъ*.

Примѣч. 2. Два предлога: вмѣстѣ составляютъ одинъ; въ такомъ случаѣ первый управляетъ падежемъ: *изъ-подъ камня*.

Примѣч. 3. Всѣ предлоги ставятся впереди имени, кромѣ *ради*, который ставится послѣ падежа своего.

О сочиненіи союзовъ.

Союзы соединяютъ и раздѣляютъ слова, стоящія въ одномъ окончаніи, т. е. имена въ однихъ падежахъ и глаголы въ однихъ временахъ.

1. Союзы: *а*, *но*, всегда ставятся предъ словами; союзы: *же*, *ли*, *бы*, послѣ словъ: *а я* утверждаю; онъ *же* думаетъ; знаешь *ли* ты?

2. Союзы: *да*, *чтобъ*, *дабы*, всегда ставятся при глаголахъ: *да* съ настоящимъ и будущимъ временами, а прочіе съ прошедшимъ временемъ и неокончательнымъ наклоненіемъ: *да воскреснетъ Богъ! чтобы исполнить предложеніе* и т. д.

3. Въ мѣстоименіяхъ: *никто*, *ничто*, союзъ *ни* отдѣляется, когда при нихъ находится предлогъ, управляющій падежемъ: *ни къ сему*, *ни къ тому нейдетъ*.

4. Нѣкоторымъ союзамъ противополагаются другіе, соотвѣтственные имъ, какъ то: *ежели — то*; *хотя — но*, *однако*, *но еще*.

О сочиненіи междометій.

1. Междометія: *ахъ*, *вотъ*, *то-то*, *эй*, *ну*, сочиняются съ падежемъ именительнымъ.

2. Междометіе *о* сочиняется съ падежемъ звательнымъ.

3. Междометія: *увы*, *ахти*, *горе*, *бѣда*, требуютъ падежа дательнаго.

ПРИМѢРЫ

Синтаксической согласовки.

I.

Одинъ ненавистникъ талантъ, собрать весь погрѣшность и ошибка извѣстный стихотворецъ, заслуживающій удивленіе и признательность современникъ и потомокъ посвятить трудъ свой Аполлонъ, — надѣяться получить хорошая награда. — Парнасскій богъ дать онъ снопъ пшеница и приказать обмолотить. Когда Зоилъ кончить свой работа и принесть Аполлонъ пшеница, то Богъ подарить онъ — солома Достойный награда тотъ, который искать недостатокъ, а не красота твореніе великій писатель.

I.

Одинъ ненавистникъ талантовъ, собравъ всѣ погрѣшности и ошибки извѣстнаго стихотворца, заслужившаго удивленіе и признательность современниковъ и потомковъ, посвятилъ труды свои Аполлону, надѣясь получить хорошую награду. Парнасскій богъ далъ ему снопъ пшеницы и приказалъ обмолотить. Когда Зоилъ кончилъ работу свою и принесъ Аполлону пшеницу: то Богъ подарилъ ему — солому. Достойная награда тѣмъ, которые ищутъ недостатковъ, а не красотъ въ твореніяхъ великихъ Писателей.

II.

Юноша! берегъ свой здоровье. Вѣрить, что онъ подобный нѣжный цвѣтокъ, который дыханіе холодный вѣтеръ вянуть и сохнуть зной солнечный. Злой страсть губить здоровье: не давать мѣсто сердце вашъ зависть и гнѣвъ; убѣгать праздность и лѣность; беречься роскошь. Онъ, подобно червь, таиться корень растѣніе, медленно и невидимо точить здоровье. Трудолюбіе онъ укрѣплять; тѣлесный сила и способность духъ дѣйствую хорошо. Стараться, что бы здравый тѣло и умъ есть здравый. — Здоровье столь же драгоцѣнный какъ, и время: потерянный время не возвратиться, а испортить здоровье не поправиться. Болѣзнь и и горькій раскаяніе есмь неминуемый слѣдствіе неумѣренность и невоздержаніе.

II.

Юноши! берегите здоровье свое. Вѣрьте, что оно подобно нѣжному цвѣтку, который отъ дыханія холоднаго вѣтра вянетъ и сохнетъ отъ зноя солнечнаго. Злыя страсти губятъ здоровье: не давайте мѣста въ сердцѣ вашемъ зависти и гнѣву; убѣгайте праздности и лѣности; берегитесь роскоши. Онѣ, подобно червямъ, таящимся подъ корнемъ растѣнія, медленно и невидимо точатъ здоровье. Трудолюбіе его укрѣпляетъ; при тѣлесныхъ силахъ и способности духа дѣйствуютъ лучше. Старайтесь, чтобы въ здравомъ тѣлѣ и умъ былъ здравый. — Здоровье столь же драгоцѣнно, какъ и время: потерянное время не возвратится, а испорченное здоровье не поправится. Болѣзни и горькое раскаяніе суть неминуемыя слѣдствія неумѣренности и невоздержанія.

III.

Чтеніемъ полезныхъ и умною книгою доставляемъ мы величайшее

III.

Чтеніе полезныхъ и умныхъ книгъ доставляетъ намъ величайшее

наслажденіе, неизвѣстнымъ людямъ праздное. Свободная должность наша часы мудрецовъ бесѣдовали намъ, искренно преподадимъ мы уроками нравственностію, дружеска и безкорыстна учила меня великая наука — живу; Историку, повѣствую происшествіе міромъ, открываю я всѣмъ тайну, всѣмъ изгибъ сердце человѣческая; поэты плѣняя я красоты природою и добродѣтелью! одна только глупца и невѣжа убѣжала бесѣда сія вѣрная и неразлучная друзьямъ человѣкамъ образованнымъ и просвѣщеннымъ — человѣкъ, истинно благородный!

наслажденіе, неизвѣстное людямъ празднымъ. Въ свободные отъ должности нашей часы мудрецы бесѣдуютъ съ нами, искренно преподаютъ намъ уроки нравственности, дружески и безкорыстно учатъ насъ великой наукѣ — жить; Историки, повѣствуя о происшествіяхъ міра, открываютъ намъ всѣ тайны, всѣ изгибы сердца человѣческаго: Поэты плѣняютъ насъ красотами природы и добродѣтели. — Одинъ только глупецъ и невѣжа убѣгаетъ бесѣды сихъ вѣрныхъ и неразлучныхъ друзей человѣка образованнаго и просвѣщеннаго.

IV.

Весь не одинъ: раздаю благотворю и. Дарю кто разборъ, знаю не кто что и — обыкновенно повинуюся внушеніе гордое самолюбіе. Такой щедрость, тщеславіе а есль не добродѣтель, благодѣтельствую тотъ, кто пекуся и семейственный хозяйственный дѣло, избытокъ а свой удѣляю другой выборъ,

IV.

Не все одно: раздавать и благотворить. Кто даритъ безъ разбору, не зная кому и для чего — обыкновенно повинуется внушенію гордаго самолюбія. Такая щедрость не есть добродѣтель, а тщеславіе. Благодѣтельствуетъ тотъ, кто печется о семейственныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ; а избытки свои

разсмотрѣніе польза и. Благодѣтельный человѣкъ всегда открываюся случай способъ и творю добро есмь и полезный. Воспитаніе юношество, ободреніе трудолюбіе, упокоеніе старость, облегченіе немощь и, призрѣніе невинный нищета: хорошій вотъ способъ доставляю другая польза себя и истинный удовольствіе.

удѣляетъ другимъ по выбору, разсмотрѣнію и съ пользою. Благодѣтельному человѣку всегда открывается случай и способъ творить добро и быть полезнымъ. Воспитаніе юношества, ободреніе трудолюбія, успокоеніе старости, облегченіе немощи и призрѣніе невинной нищеты: вотъ лучшіе способы доставить другимъ пользу и себѣ истинное удовольствіе!

V.

Извѣстно наша Исторія что Владимиру Великому Князю Кіевскому любили даю пиры свои бояре и тогдашнее время жили однажды жаловаться, что онъ великолѣпно гости стыдно сидѣть Княжескій столъ ѣмъ деревянная ложка тогда еще не есмь извѣстный Россія нынѣшній роскошь. Владимірѣ отвѣчать бояринъ сей достопамятный слово сребро и золото я не приобрѣсть, другъ а другъ всегда могу приобрѣтаю сребромъ и золотомъ.

V.

Извѣстно изъ нашей Исторіи, что Владиміръ, Великій Князь Кіевскій, любилъ давать пиры своимъ Боярамъ и, по тогдашнему времени, жилъ великолѣпно. Гости однажды жаловались, что имъ стыдно, сидя за Княжескимъ столомъ, ѣсть деревянными ложками (тогда еще не была извѣстна въ Россіи нынѣшняя роскошь). Владиміръ отвѣчалъ Боярамъ сими достопамятными словами: „Сребромъ и золотомъ я не приобрѣту друзей; а чрезъ друзей всегда могу приобрѣсть сребро и золото.“

VI.

Упражненіе часть большой человѣческій два зависѣть причина побудительный привязанность или пристрастіе и удовольствіе жизнь, или опасеніе нищета. Сей если усилиться побужденіе, первый то роскошь и превращаться нѣга, вторый а корыстолюбіе скупость и. Сей различно сердце человѣческое пружина дѣйствую два. Весьма Персій изображаю онъ хорошій, молодой человѣкъ представлять, разбудить корыстолюбіе, принуждать встаю онъ постель предпріемлю трудный и продолжительный путешествіе; между тотъ, какъ нѣга лѣность роскошь сопровождать, тотъ время самый же онъ остаюся покой увѣщеваю домa — Всякой пагубный вредный и. Благо умѣренный наслажденіе міръ имѣніе и благоразумный бережливость: средина вотъ, человѣкъ который держуся должный!

VI.

Большая часть человѣческихъ упражненій зависитъ отъ двухъ побудительныхъ причинъ: или отъ привязанности и пристрастія къ удовольствіямъ жизни, или отъ опасенія нищеты. Если сіи побужденія усилятся: то первое превращается въ роскошь и нѣгу, а второе въ корыстолюбіе и скупость. Сіи двѣ пружины различно дѣйствуютъ надъ сердцемъ человѣческимъ. Персій изображаетъ ихъ весьма хорошо, представляя молодаго человѣка, разбужденнаго корыстолюбіемъ, понуждающимъ его встать съ постели и предпринять трудное и продолжительное путешествіе, между тѣмъ какъ роскошь, сопровождаемая лѣностью и нѣгою, въ то же самое время увѣщеваетъ его остаться съ покоемъ дома. — Всякая крайность вредна и пагубна. Умѣренное наслажденіе благами міра и благоразумная бережливость имѣнія: вотъ средина, которой человѣкъ долженъ держаться!

ГЛАВНЫЯ ПРАВИЛА О ПОРЯДКѢ СЛОВЪ (*).

Языкъ, какъ выраженіе души, долженъ имѣть тѣ же правила, которыми руководствуются душевныя способности. Всякой народъ имѣетъ свой порядокъ въ понятіяхъ, и всякой языкъ долженъ имѣть свой порядокъ словъ. У насъ первые писатели, почерпая мысли изъ Латинской и Нѣмецкой Словесности, вмѣстѣ съ мыслями непримѣтно перенесли къ намъ и свойства сихъ языковъ. Сей иностранный порядокъ прозы и неопредѣленный порядокъ словъ въ стихахъ подали поводъ заключить, что мы не имѣемъ правилъ о разположеніи словъ; всякой пишетъ по своему. Откуда же извлечь правила? Безъ сомнѣнія, никто не можетъ имѣть въ етомъ права законодателя; *употребленіе и лучшіе Писатели* — вотъ тѣ источники, изъ которыхъ можемъ почерпнуть сіи правила.

Главнѣйшія правила суть слѣдующія:

1) Ставить лице прежде дѣйствія и предмета.

2) Слова не столько опредѣлительныя впереди словъ опредѣлительныхъ.

3) Въ сложныхъ предложеніяхъ слова и члены управляемыя возлѣ управляющихъ.

Такъ говоримъ: *Мелодоръ представляетъ себѣ здѣшній свѣтъ великолѣпнымъ храмомъ*; тутъ напереди лице, потомъ дѣйствіе и послѣ предметъ его; винительный падежъ, какъ болѣе опредѣленный, послѣ дательнаго. *Если разумѣемъ подъ щастьемъ такое состояніе души, въ которомъ бы она могла безпрестанно на-*

(*) Взяты изъ Опыта о порядкѣ словъ.

слаждаться живыми удовольствіями: то оно не возможно по образованію души нашей. Въ етомъ примѣрѣ переставить слова, значитъ нарушить ясной порядокъ; зависящій членъ слѣдуетъ за тѣмъ, отъ котораго зависитъ; каждое слово управляемое послѣ управляющаго.

Теперь посмотримъ, хорошъ ли слѣдующій періодъ?

Уже мы, Римляне, Катилину, столь дерзновенно неистовствовавшаго, на злодѣянія покушавшагося, погибелью отечеству угрожавшаго, изъ града нашего изгнали.

Или:

Благополучна Россія, что единымъ языкомъ едину вѣру исповѣдуетъ, и единою благочестивѣйшею Самодержицею управляема, великой въ ней примѣръ къ утвержденію въ православіи видитъ. —

Оба періода не Русскіе: одинъ Латинской, другой Нѣмецкой.

Можетъ быть, станутъ жаловаться на однообразіе рѣчи: правда, Логика приноситъ Краснорѣчію жертву, когда разсудокъ покоряется сильному чувству. Въ етомъ случаѣ расположеніе не имѣетъ правилъ, кромѣ сердечныхъ движеній; каждая часть рѣчи можетъ занимать первое мѣсто, если она выражаетъ главное чувство — и что болѣе поражаетъ насъ, то мы и произносимъ прежде. — *Нѣтъ Агатона! нѣтъ моего друга!* восклицаетъ сѣтующее сердце; смерть друга сильно потрясаетъ его — и вмѣстѣ со вздохомъ исходитъ изъ груди роковое слово: *умеръ*, или *нѣтъ его.*

Припомню совѣтъ Цицероновъ (*): *и Поэзія должна быть плавною, какъ проза.* Правила кажутся несносными только умамъ слабымъ; дарованія не знаютъ никакихъ оковъ. Вотъ стихи, которые, при всѣхъ прелестяхъ Поэзіи, также плавны и ясны, какъ проза:

(*) Orat. Гл. 20.

„Ты можешь ли Левіофана
На удѣ вытянуть на брегъ?
Въ самой срединѣ Океана
Онъ простираетъ быстрой бѣгъ.
Когда ко брани устремится,
То море, какъ котелъ, кипитъ,
Какъ печь гортань его дымится,
Въ пучинѣ слѣдъ его горитъ“ — и пр.

Или:

„Какъ Волжанинъ, люблю близь водъ искать прохлады;
Люблю съ угрюмыхъ скалъ гремящи водопады.
Какой приятной шумъ, какая пестрота!
Здѣсь взрослый, тутъ старикъ, съ нимъ рядомъ красота;
Кто жнетъ, кто вяжетъ снопъ, кто подбираетъ класы;
А дѣти между тѣмъ, и т. д.

Для любителей Словесности сіи примѣры не нужны: всякой наизусть знаетъ хорошее; а въ хорошемъ всегда бываютъ соблюдены правила вкуса.

Діонисій Галикарнасскій (*) справедливо называетъ *жалкими* тѣхъ писателей, у которыхъ нѣтъ хорошаго разположенія словъ. Мысли зависятъ и рождаются одна отъ другой; также и слова должны находиться въ связи одно съ другимъ. И такъ, хотя наставленія Логики и неприятны для иныхъ; однако послѣдуемъ за ними, для пользы языка своего.

4) Въ вопросахъ и въ повелительномъ наклоненіи именительный, или звательный падежъ слѣдуетъ за глаголомъ; также иногда въ предложеніяхъ, которыя начинаются союзами: *когда, если.*

5) При глаголѣ, управляющемъ двумя падежами, позади ставится тотъ, который показываетъ предметъ дѣйствія глагола, будетъ ли предъ нимъ дательной, или другой какой-либо: *Я полюбилъ въ Мелодорѣ мудраго юношу.*

(*) Гл. 3.

6) Предметъ лица, или сказуемое тогда только ставится прежде, когда подлежащее имѣетъ вставочное предложенiе.

Если прилагательное занимаетъ мѣсто сказуемаго; то слѣдуетъ за именемъ: *Филаретъ былъ человѣкъ благородный по душѣ своей.* Сюда принадлежатъ прилагательныя, замѣняющiя родительной падежъ: *Вѣкъ Екатерининъ и АЛЕКСАНДРОВЪ.*

Блеръ замѣчаетъ, что труднѣе всего ставить нарѣчiя. Но онѣ, кажется, при глаголѣ то же, что прилагательныя при имени, и потому слѣдуютъ тѣмъ же правиламъ.

7) Слова, употребляемыя для описанiя прилагательныхъ и нарѣчiй, занимаютъ ихъ мѣсто. *Природа щедрою рукою разсыпаетъ благiе дары.* Здѣсь *щедрою рукою,* вмѣсто *щедро*, и потому передъ глаголомъ. Но если кромѣ прилагательнаго встрѣтятся при имени мѣстоименiе и числительное: тогда должно говорить въ томъ порядкѣ, въ какомъ получаемъ понятiя. Мы, вдали увидѣвъ нѣсколько предметовъ, сперва указываемъ, потомъ щитаемъ и послѣ узнаемъ свойство ихъ; потому и говоримъ: *сiи три великiе мужи.* Когда многiя нарѣчiя будутъ вмѣстѣ: то всѣ, означающiя сказуемое, ставятся послѣ глагола, а прочiя прежде его. Притяжательныя мѣстоименiя большею частiю находятся послѣ имени, если нѣтъ за ними родительнаго падежа.

Теперь посмотримъ, какъ падежи слѣдуютъ одинъ за другимъ. У древнихъ однажды произошелъ споръ, единственно отъ неправильнаго расположенiя падежей. Въ одной духовной было сдѣлано завѣщанiе: *Послѣ смерти воздвигнуть статую, золотую пику держащую, statuat auream hastam tenentem.* Какъ рѣшить завѣщанiе, думали судiи: воздвигнуть ли золотую статую съ копьемъ, или статую съ золотымъ копьемъ? Можно догадываться, что послѣднее толкованье болѣе нравилось наслѣднику. И у насъ есть по-

добныя загадки. Одинъ Ораторъ вопрошалъ слушателей своихъ: *Для чего всякъ другихъ несчастливѣе себя почитаетъ?* И подлинно мудренъ вопросъ! Кто догадается, *кого почитаетъ?* Себя ли несчастливѣе другихъ, или другихъ несчастливѣе себя?

Чтобъ избѣгнуть подобной сбивчивости, надобно:

8) Ставить падежи управляемые возлѣ управляющихъ частей рѣчи.

Потому родительный всегда находится при падежѣ своемъ или предлогѣ, или глаголѣ, кромѣ относительнаго мѣстоименія и личнаго въ третьемъ лицѣ; онѣ бываютъ передъ именемъ.

Дательной употребляется послѣ винительнаго и творительнаго; когда нужно придать ему болѣе силы, или когда слѣдуетъ за нимъ относительное мѣстоименіе.

Творительной падежъ при среднихъ и другихъ глаголахъ то же, что винительной при дѣйствительныхъ; онъ и ставится на мѣстѣ его: *Время дружества нашего всегда будетъ лучшимъ временемъ жизни моей.*

9) Предлоги съ падежами своими, замѣняющіе сказуемое, ставятся послѣ глагола; всѣ прочіе предъ глаголомъ.

Сократъ бесѣдовалъ о вѣчности. — Здѣсь подлежащее и сказуемое на своемъ мѣстѣ; другія слова, на вопросъ: *когда, гдѣ*, должно поставить предъ глаголомъ. Полное предложеніе будетъ: *Сократъ уже въ послѣдній день, на прагѣ смерти, бесѣдовалъ о вѣчности.*

Древній языкъ нашъ также отличается краткостью, простотою, ясностью. Взглянемъ на примѣръ:

Не скрывайте себѣ сокровища на земли, идѣже червь и тля тлитъ, и идѣже татіе подкопываютъ и крадутъ; скрывайте же себѣ сокровища на небеси, идѣже ни червь, ни тля тлитъ, и идѣже татіе не подкопываютъ, ни крадутъ. Идѣже бо есть сокровище ваше, ту

будетъ и сердце ваше. Встрѣчаемъ ли здѣсь Готшедовскіе и Плиніевы перепутанные и огромные періоды? Не такъ ли кратко, просто и ясно употребленіе.

Всякое предложеніе, какъ и цѣлое сочиненіе, имѣетъ начало, средину и конецъ, или предметъ, дѣйствіе его и намѣреніе. Надобно прежде существовать, чтобъ дѣйствовать; разумъ постепенно переходитъ отъ одного понятія къ другому. Отсюда правило:

1) Ставить прежде всего лице, или вещь, потомъ дѣйствіе ихъ, и наконецъ предметъ дѣйствія.

Мы говоримъ: *Добрый сынъ почитаетъ нѣжнаго отца.* Перемѣните порядокъ словъ, вы перемѣните смыслъ, или порядокъ понятій.

Нѣжнаго отца почитаетъ добрый сынъ.
Почитаетъ добрый сынъ нѣжнаго отца.
Почитаетъ нѣжнаго отца добрый сынъ.

Всѣ сіи предложенія чрезвычайно различны: первому противуполагается порочный сынъ; второму непопечительный отецъ; третіе показываетъ долгъ добраго сына; четвертое долгъ, которымъ дѣти обязаны нѣжному отцу.

Ливій, повѣствуя о Муціѣ, заставляетъ его сказать Порсеннѣ: Romanus sum civis, *Римской я гражданинъ.* У Цицерона напротивъ одинъ осужденный говоритъ: Civis sum Romanus, *гражданинъ я Римской.* Здѣсь двѣ разныя мысли — и оба предложенія правильны въ порядкѣ словъ. Первое противуполагается иностранцамъ, второе невольникамъ; одинъ гордился именемъ Римлянина, другой именемъ гражданина.

Древніе иногда съ намѣреніемъ употребляли въ рѣчахъ своихъ превращенный порядокъ, которой называли они *гипербатомъ*, желая чрезъ сіпо возбудить въ слушателяхъ большее вниманіе. Но мы пишемъ болѣе для читателей, нежели сколько для слушателей; и потому не можемъ пользоваться тѣмъ, что у древнихъ служило силою и украшеніемъ. Блеръ замѣчаетъ,

что Гордонъ, несчастный переводчикъ Тацита, послѣдовавъ древнему писателю въ разположеніи словъ, сдѣлался смѣшнымъ. У насъ, съ прискорбіемъ должно сказать, таковы почти всѣ старинныя преложенія древнихъ.

Имя есть первая часть предложенія, къ которой всѣ прочія должны относиться; на пр. *Екатерина научила насъ разсуждать и любить въ порфирѣ добродѣтель.* Иногда встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ прилагательныя, глаголы и нарѣчія; но ето происходитъ отъ различнаго представленія предметовъ, и смотря по тому, что производитъ въ насъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Для сего можно замѣтить:

2) Глаголъ и нарѣчіе, равно какъ имена и прилагательныя, занимаютъ первое мѣсто въ предложеніи, если онѣ означаютъ подлежащее.

Предложенія распространяются причастіями полными и усѣченными, или дѣепричастіями, относительными мѣстоименіями и нарѣчіями, или именами съ предлогами. Послѣдуя вкусу, должно

3) Всѣ приложенія ставить послѣ главныхъ понятій.

Очень немногіе соблюдаютъ сіе правило; отъ того проза наша не имѣетъ той чистоты и правильности, которой удивляемся въ сочиненіяхъ Фенелона и Аддисона. Можно ли повѣрить, что читаешь Сенеку, сего умнаго и утѣшительнаго писателя, читая его въ слѣдующей несвязной громадѣ словъ:

„Мы чаемъ уже быть себя посвященныхъ; „когда токмо еще въ притворѣ обращаемся. „Много будущимъ, когда память наша изчезнетъ, оставлено, изъ чего иное нынѣшнимъ „временемъ, иное послѣ насъ откроется грядущимъ.“ Ета темнота и сбивчивость зависитъ единственно отъ безпорядка словъ. Напротивъ искусное разположеніе реченій составляетъ красоту слога. Таково повѣствованіе: „Сограждане! сей огромный домъ, который украшаетъ

„древнюю столицу, величественно осѣняя рѣку „ея; сей домъ, предметъ удивленія Европы всѣхъ „любопытныхъ чужеземцовъ, всѣхъ друзей чело„вѣчества, есть храмъ, посвященный Екатери„ною милосердію. Тамъ несчастные младенцы, „жертвы бѣдности, или стыда — не радость, „но ужасъ родителей въ первую минуту бытія „своего — отвергаемые міромъ, при самомъ ихъ „вступленіи въ міръ — невинные, но жестоко „наказываемые судьбою, пріемлются въ святи„лище добродѣтели, спасаются отъ бури, ко„торая сокрушила бы ихъ на первомъ дыханіи „жизни — спасаются, и что еще болѣе, спаса„ютъ родителей отъ адскаго злодѣянія, нахо„дятъ человѣколюбивое призрѣніе, всѣ лучшіе „способы укрѣплять здравіе, образовать душу.“ — Въ семъ періодѣ всѣ зависящія слова стоятъ при своихъ управляющихъ; вниманіе устремлено на одинъ предметъ — на *младенцевъ*, и не переходитъ отъ одной вещи къ другой: отъ того онъ ясенъ и легокъ, не смотря на величину его.

Нѣкоторые указываютъ мнѣ старинныя пѣсни, гдѣ имена часто встрѣчаются передъ прилагательными: на сіе есть отвѣтъ въ предложенныхъ правилахъ; а для большаго объясненія, можно прибавить, что прилагательныя, поставляемыя послѣ именъ, суть такъ называемыя *приложенія* (*). Сверхъ того

4) Если имя односложное, а прилагательное слишкомъ длинное: то въ угожденіе слуху ставятся прилагательныя послѣ имени.

Впрочемъ не должно часто приносить сей жертвы слуху; она почти всегда бываетъ на счетъ правильности. Слухъ есть гордый судія, которому можно иногда и не угождать; но разсудокъ есть тотъ строгій судія, которой никогда не прощаетъ. Критики находятъ удиви-

(*) Сюда не относятся Русскіе идіотизмы, на пр.: *добрый человѣкъ и человѣкъ добрый*; *покорный слуга и слуга покорный* и пр. Употребленіе для языка тиранъ.

тельное соединеніе и того и другаго въ Димосѳенѣ.

Сіи замѣчанія относятся и къ стихамъ. До сихъ поръ есть Поэты, которые, прибравъ риѳмы и наудачу разсыпавъ слова, думаютъ, что они все сдѣлали. Непростительное заблужденіе! Подобныя погрѣшности встрѣчаются и въ лучшихъ писателяхъ, не отъ незнанія правилъ вкуса, но отъ небрежности. Таковы стихи въ великомъ Державинѣ:

„Сѣдящъ увѣнчанъ осокою
„Въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
„На урну облегшись рукою,
„Прекрасный вижу я источникъ."

Хорошія картины, но разбитыя и безъ порядка. Dormitat interdum et bonus Homerus. Можно ли подумать, возразятъ мнѣ, что *сѣдящъ* и *облегшись* относятся къ Поэту, а не къ источнику? Не льзя повѣрить; однако очень легко можно подумать. Квинтиліанъ осуждаетъ слѣдующее выраженіе: Se vidisse hominem librum scribentem. Безъ сомнѣнія, никто не подумаетъ, чтобы книга писала человѣка; но умъ не терпитъ ни малѣйшей сбивчивости. Не только надобно стараться, по мнѣнію сего Критика, чтобы всякой понималъ, но чтобъ ни для кого не было сбивчиво. Одинъ писатель въ письмѣ къ другу своему, между прочимъ, говоритъ: „Хотите-ль, я открою „вамъ одну тайну краснорѣчія? Вотъ она: Если „мысль ваша и справедлива, и благородна: то „смотрите, хорошо ли будетъ въ прозѣ, что „вы сказали въ стихахъ; оставьте и риѳму, и „цезуру, и замѣчайте: нѣтъ ли въ стихѣ ва„шемъ лишняго слова; нѣтъ ли малѣйшей ошибки „въ порядкѣ словъ; не забыли-ль какого нибудь „союза? Если вы увидите, что и самое при„личное слово поставлено не на мѣстѣ: то за„ключите, что етотъ алмазъ не годится для „кольца вашего. Повѣрьте, хоть одна изъ „етихъ погрѣшностей останется въ стихахъ „вашихъ: — и тогда не будутъ ихъ перечиты-

»вать. Но вы знаете, что лучшіе стихи тѣ, »которыхъ не льзя довольно начитаться.«

Вразсужденіи дѣйствія, какъ главной части въ предложеніи, должно замѣтить, что оно имѣетъ три отношенія: къ лицу, предмету и причинѣ, или средству. Каждая часть можетъ имѣть придаточныя слова, которыя должны находиться при своихъ управляющихъ. И потому:

5) Послѣ дѣйствія слѣдуетъ лице, къ которому дѣйствіе относится; потомъ предметъ его и наконецъ причина, или средство.

Правильно сказано: *Вы показали мнѣ снисхожденіе въ выборѣ; прошу быть снисходительными и къ недостаткамъ моимъ.* Но если бы слово *мнѣ* поставлено было въ концѣ: то оно относилось бы не къ *показали*, а къ *выбору*.

Въ каждомъ языкѣ вразсужденіи порядка словъ нужно столько осторожности, что даже союзъ *и* долженъ быть на своемъ мѣстѣ; въ противномъ случаѣ даетъ онъ рѣчи другой смыслъ. Какая большая разность между выраженіями: *и я люблю его; я и люблю его; я люблю и его.*

Смыслъ очень много зависитъ отъ знаковъ препинанія. Въ древнемъ Англійскомъ Парламентѣ однажды отбирали голоса на важное дѣло. Въ пользу той и другой стороны случилось по равному числу голосовъ: оставался одинъ Членъ, котораго мнѣніе должно было дать одной сторонѣ перевѣсъ. Онъ, соглашаясь съ стороною невиннаго, написалъ: *non repugno*, *не отвергаю.* Но хитрый Секретарь, державшій противную сторону, воспользовался етимъ случаемъ, поставилъ послѣ *non* запятую, и смыслъ вышелъ совершенно другой: *non*, *repugno*, значитъ — *нѣтъ, я отвергаю.* Такимъ образомъ запятая сдѣлала невиннаго несчастнымъ.

Для избѣжанія сбивчивости, происходящей отъ етихъ маленькихъ словъ *и*, *только*, *по*

крайней мѣрѣ, и подобныхъ, можетъ служить слѣдующее замѣчаніе:

6) Всѣ слова, означающія свойства, не только прилагательныя и нарѣчія, но и другія, вмѣсто ихъ употребляемыя, ставятся предъ тѣми реченіями, о свойствѣ которыхъ говорится.

Если одинъ скажетъ: *позволь* по крайней мѣрѣ мнѣ *видѣться съ матерью:* а другой; *позволь мнѣ* по крайней мѣрѣ видѣться: то первое предложеніе показываетъ, что и другіе просятъ позволенія, а второе, что я просилъ о многомъ, и наконецъ соглашаюсь на свиданіе.

Мнѣ скажутъ, что, обращая на что нибудь вниманіе, мы вдругъ видимъ и предметъ, и свойство его, и дѣйствіе; а потому можно начинать рѣчь съ того и другаго понятія. — Правда, многія идеи представляются намъ, когда мы судимъ или сравниваемъ; но если подробно изслѣдовать себя: то можно увидѣть, что въ идеяхъ всегда есть извѣстной порядокъ; чѣмъ болѣе связи въ нихъ, тѣмъ онѣ яснѣе. Умъ нашъ можетъ совершенно обнять только одинъ предметъ. Изъ етого слѣдуетъ, что

7) Въ одномъ предложеніи могутъ находиться многія вставочныя слова, если всѣ онѣ относятся къ одному управляющему имени. Сверхъ того

8) Слова, которыя потребно опредѣлить, должно ставить впереди словъ опредѣляющихъ.

Все лишнее безполезно. Когда главный предметъ имѣетъ при себѣ обстоятельства времени, или мѣста, или другія приложенія; надобно обращать особенное вниманіе на то, чтобъ посторонними идеями не потемнить главнаго понятія.

Искусные писатели умѣютъ такъ раскрывать предметъ свой, что онъ, кажется, безпрестанно возрастаетъ, и соблюдаютъ возмож-

ную ровность въ сравненіяхъ и противуположеніяхъ. На етомъ основаны

9) Три важныя достоинства предложенія и слога: ясность, единство и сила.

Гдѣ и въ чемъ не нуженъ порядокъ? Справедливо называютъ его душею всѣхъ дѣлъ нашихъ. Но въ краснорѣчіи что можетъ быть важнѣе порядка мыслей, выражаемыхъ словами? Темнота въ языкѣ показываетъ тотъ же самый недостатокъ и въ понятіяхъ. Кто дурно объясняется, тотъ не ясно понимаетъ предметъ свой. Наблюдая тѣхъ писателей, которыхъ нельзя довольно начитаться, можно видѣть, что *удовольствіе слога происходитъ отъ порядка словъ.*

~~~~~~~~~~

Изъ прежнихъ разсужденій можно вывести слѣдующія главныя положенія:

1. Порядокъ словъ состоитъ въ искусствѣ назначать мѣсто каждому слову и каждому предложенію.

2. Говорить и писать, значитъ сравнивать и судить; и потому слова должны быть въ томъ же порядкѣ, въ какомъ понятія рождаются одно отъ другаго.

3. Всякой народъ имѣетъ свой образъ сужденія или соединенія идеи; отъ того всякой языкъ въ порядкѣ словъ имѣетъ нѣкоторыя отличительныя свойства.

4. Связь понятій зависитъ отъ состоянія души; по сей причинѣ логической порядокъ словъ нѣсколько отличенъ отъ ораторскаго.

5. Всѣ сочиненія правильныя въ расположеніи словъ и всѣхъ частей своихъ нравятся; напротивъ разбросанныя реченія и члены періода не могутъ имѣть ни силы, ни выразительности.

6. Мысли, неправильно выраженныя, не вразумительны; мысли, неправильно расположенныя, сбивчивы.
~~~~~~~~~~

7. Умъ нашъ, будучи ограниченъ, не въ состоянiи обнять многихъ предметовъ вмѣстѣ; обыкновенно наблюдаетъ ихъ постепенно.

8. Тотъ лучше и говоритъ и пишетъ, кто правильнѣе наблюдаетъ и судитъ: на етомъ собственно основывается различiе слога.

9. Законъ, служащiй основанiемъ расположенiю словъ, состоитъ въ томъ, чтобъ *прежде ставить главный предметъ.*

Человѣкъ, чувствительный по сердцу своему, не можетъ быть всегда покоенъ. Понятiя, получая неодинакiя направленiя, различно одно съ другимъ соединяются и производятъ въ языкѣ разные обороты. Въ Ораторѣ и слова, и движенiя, и голосъ — все выражаетъ чувства его; напрасно сталъ бы онъ скрывать ихъ: самое лице измѣнитъ ему.

Но если Философъ и Ораторъ и говорятъ различно; если одинъ судитъ и ищетъ отношенiя вещей къ своему образу мыслей; другой рисуетъ и наблюдаетъ взаимную связь предметовъ между собою: при всемъ етомъ не измѣняется правило, служащее основанiемъ въ сочиненiи, *оттѣнять главную мысль.* Искусный живописецъ всегда выставляетъ главный предметъ; мало по малу открываетъ и прочiе въ томъ порядкѣ, въ какомъ они относятся одинъ къ другому. Сочиненiе есть такая же картина; въ немъ всѣ части должны имѣть взаимное отношенiе. Опытный писатель, полный мыслей, не станетъ щитать словъ и буквъ каждаго реченiя: онѣ невольно изливаются изъ устъ его въ лучшемъ порядкѣ. Въ комъ избытокъ чувствованiй стѣсняетъ грудь, тотъ ловитъ важнѣйшiя слова, слѣдуя мыслямъ, одушевляемымъ движенiями сердца. Если бы я сказалъ: *Звукъ вечеваго колокола раздался, и сердца въ Новѣгородѣ вздрогнули* — разсказъ мой былъ бы вялъ, простъ, неодушевленъ; въ немъ не видно разительнаго главнаго чувства и главной мысли; но изъ сихъ же самыхъ словъ произойдетъ кар-

тина, когда скажу вмѣстѣ съ почтеннѣйшимъ Авторомъ:

„*Раздался звукъ вечеваго колокола — и*
„*вздрогнули сердца въ Новѣгородѣ.*“ —

Ето расположеніе словъ живо изображаетъ положеніе жителей Новогородскихъ. *Раздался* — есть главное дѣйствіе въ етомъ выраженіи; оно въ ораторскомъ, живописномъ повѣствованіи должно быть на первомъ мѣстѣ. Скажу послѣ — *и сердца вздрогнули* — также потеряетъ періодъ красоту свою, потому что въ немъ не будетъ вѣрнаго изображенія природы. Понятію *раздался* отвѣчаетъ понятіе *вздрогнули* — два неразлучныя дѣйствія, какъ молнія и громъ. *Въ Новѣгородѣ* — окончательная черта искусной кисти и паденіе періода между етими словами самое благозвучное.

Примѣры, мною приведенные, съ перваго взгляда могутъ показаться несогласными съ первыми положеніями; но и въ нихъ соблюдено общее правило — *начинать съ главнаго понятія*; разность только въ томъ, что въ *логическомъ* повѣствованіи, или въ спокойномъ расположеніи духа главное понятіе обыкновенно заключается въ именахъ, а въ живописной *ораторской* рѣчи, при волненія души, каждая часть рѣчи въ свою очередь имѣетъ право на первое мѣсто въ предложеніи, смотря по тому, что болѣе всего занимаетъ умъ нашъ. Здѣсь уже расположеніе словъ зависитъ отъ обстоятельствъ, дѣйствующихъ на писателя — и онъ если непринужденно пишетъ, всегда дастъ *главному понятію первое мѣсто*, какъ самое выгодное, откуда оно и примѣтнѣе и величественнѣе; и потому если переставить слова образцоваго писателя: то онъ не произведетъ сильнаго дѣйствія; съ измѣненіемъ его порядка словъ измѣнятся и мысли его.

Въ ораторскомъ расположеніи словъ, кромѣ *силы и живости*, обращаютъ вниманіе на *благозвучіе* рѣчи. На етомъ основалъ сочиненіе свое

упомянутый Греческій писатель. О благозвучіи (numerus) очень много говоритъ Цицеронъ и Квинтильянъ, что болѣе приписать можно ихъ тонкому вкусу въ музыкѣ, приятности древнихъ языковъ и особливому протяжному произношенію рѣчей (cantus obscurior). По преданіямъ древнихъ извѣстно, что Римскій Ораторъ Гракхъ, когда всенародно произносилъ рѣчи, то имѣлъ при себѣ музыканта, который, при извѣстныхъ остановкахъ, давалъ ему тоны голоса. Цицеронъ (*) также упоминаетъ о Карбонѣ, которой правильнымъ расположеніемъ словъ и приятнымъ паденіемъ періода произвелъ сильное впечатлѣніе въ слушателяхъ, и рукоплесканія были удивительныя (**). У нихъ значило оскорбить слухъ, когда кто или сокращалъ долгой слогъ, или растягивалъ короткой. Сѣверный слухъ не столько строгъ къ мелодіи рѣчи; но какъ сей органъ скорѣе другихъ чувствъ доставляетъ душѣ свѣдѣнія; то во всѣхъ языкахъ скромная Логика иногда приноситъ жертву благозвучію, какъ надменному повелителю. — Но сіи пожертвованія должны встрѣчаться, какъ можно, рѣже; излишнее стараніе о благозвучіи, какъ и все лишнее, скучно и тягостно. Увѣренъ, что слѣдующіе періоды въ стихахъ никому не понравятся;

„Римляне! край нашъ опустошала
„язва — Вѣщаютъ что протекла
„она вселенную и достигла до насъ
„отъ Пароянскихъ предѣловъ. Смерть вселилась
„въ хижины наши. — Все погибало
„Маркъ-Аврелій былъ нашъ богъ избавитель.

Вотъ другой подобный періодъ:

(*) Въ сочиненіи Orator.

(**) Вотъ періодъ Карбоновъ: o Marce Druse! tu dicere solebas sacram esse rempublicam quicumque eam violasset, ab omnibus esse ei poenas persolutas: patris dictum sapiens temeritas fili comprobavit. — Тутъ прибавляетъ Цицеронъ, что не будетъ такой красоты, *jam nihil erit*, если переставить слова.

„Онъ подошелъ ко гробу, коснулся и рекъ:
„Сынъ Марка-Аврелія!
„Будешь ли ты подобенъ отцу своему?
„Не забудь ліющихся слезъ, днесь зримыхъ тобою."

Возьмите почти всякое мѣсто изъ перевода Похвальнаго Томасова слова Марку-Аврелію — увидите, что ета проза въ стихахъ. Крайности во всемъ опасны: иной растянутъ и вялъ въ длинныхъ періодахъ, другой тощъ въ короткихъ предложеніяхъ; одинъ, какъ скупецъ, все валитъ въ одно мѣсто; другой какъ дитя, все разсыпаетъ. Однообразіе не сносно; писатель съ талантомъ и владѣющій искусствомъ наблюдаетъ различіе въ предметахъ — у него для каждаго готовы особенные способы выраженія. Одна и та же мысль можетъ перемѣняться, смотря по ея различнымъ примѣненіямъ; вмѣстѣ съ нею измѣняются и выраженія. При сочиненіи не довольно того, чтобъ слѣдовать за главными идеями; должно останавливаться на каждой, смотрѣть, гдѣ онѣ сливаются одна съ другою. Ораторъ есть благоразумный вождь, учреждающій станъ свой, прилично мѣсту и расположенію непріятеля.

Благозвучіе особенно имѣетъ силу въ паденіи періодовъ (*). Всякой сначала съ жадностію ловитъ главный предметъ рѣчи — прежде всего увлекается главнымъ лицемъ группы, и послѣ, успокоясь, любуется посторонними предметами, которые, будучи ниже главнаго по важности, должны возвышаться и привлекать красотою (**). Повторяю, что крайности и здѣсь опасны: всякой знаетъ, что Поезія прозаическая непріятна; изъ примѣра, мною при-

(*) Припомню слова Цицероновы: Prima pauci cernunt, postrema plerique. Подражатель Цицероновъ Квинтиліанъ ету мысль *перифразируетъ*, *по обыкновенію*, такимъ образомъ; hic est sedes orationis, hoc auditor expectat, hic laus omnis declamat.

(**) Вотъ примѣрное паденіе періода, которой оканчиваетъ пламенное и живописное, истинно ораторское повѣствованіе о дѣлѣ Кагульскомъ.

веденную, можно видеть, что и проза въ стихахъ столько же тягостна. Стопосложеніе, которое стѣсняетъ многихъ Поетовъ, на иныхъ налагаетъ оковы — стопосложеніе, говорю, красоты котораго Поеты почитаютъ перлами, въ прозѣ не имѣетъ никакого достоинства. Стихотворный размѣръ есть настоящая музыка; прозаическое благозвучіе есть болѣе живопись; оно должно состоять особенно въ расположеніи словъ. Поетъ желаетъ размѣромъ украсить пѣснопѣніе и усладить слухъ; Ораторъ старается расположеніемъ словъ усилить мысли и поразить вниманіе.

~~~~~~~~

Но если слова имѣютъ столь великое дѣйствіе на способности наши: то какимъ образомъ, скажутъ, *объяснить себѣ, что порядокъ словъ имѣетъ вліяніе на умъ человѣческой?*

Отвѣтъ на ето слѣдуетъ самъ собою изъ предыдущаго бѣглаго обозрѣнія дѣйствія вообще языка. Слова, отдѣльно взятыя, еще не составляютъ языка; равно какъ камни не называются зданіемъ: одно только правильное строеніе словъ въ рѣчи нашей, ихъ приличное расположеніе, или порядокъ составляютъ языкъ. Правильность и отъ нее зависящая красота зданія есть произведеніе правильнаго ума зодчаго; также и въ краснорѣчіи красота сочиненій зависитъ отъ правильности ума писателя. Можно ли убѣдить другаго въ тѣхъ истинахъ, которыя намъ самимъ представляются сбивчиво и темно? Тотъ только совершенно проникаетъ предметъ свой, кто въ настоящемъ порядкѣ продолжаетъ свои наблюденія. Если же нужно сіи наблюденія ума выразить: *то онѣ не должны ли имѣть то же расположеніе, въ какомъ находятся и по-*

„Вдругъ громы возвѣстили явленіе солнца — и „тучи дыма сокрыли его; оно снова возсіяло — и „гдѣ враги многочисленные?“ Безпрестанно возрастающія реченія изображаютъ возвышеніе духа побѣдою и величіе самаго предмета.
~~~~~~~~

нятія? Чѣмъ нравятся намъ всѣ произведенія природы? Неизмѣняемыхъ порядкомъ. Самая *вселенная*, по словамъ Пиѳагора, не есть ли *порядокъ?* Удивляются иные тому, что нравственныя истины и на нихъ основанныя науки не такъ точны и опредѣленны, какъ истины Математическія. Дѣйствительно для тѣхъ онѣ не опредѣленны, которые во всю жизнь не обращали вниманія на себя самихъ, на постепенное развитіе и совершенствованіе способностей, — которые не примѣчали, что первыя знанія человѣка и возвышенность души его зависятъ отъ языка; и чѣмъ кто счастливѣе въ семъ первомъ руководствѣ, тѣмъ тотъ бываетъ и послѣ счастливѣйшимъ наблюдателемъ, болѣе или менѣе проницательнымъ, ученымъ и глубокомысленнымъ. И большей части людей не учившихся въ чемъ состоятъ свѣдѣнія, какъ не въ естественной системѣ языка? И что самый языкъ, какъ не собраніе болѣе или менѣе правильное пріобрѣтенныхъ наблюденій въ природѣ физической и моральной? Законы же какъ въ видимомъ мірѣ, такъ и въ нравственномъ одинаковы, неизмѣнны. Если они и кажутся намъ неточными и неосновательными: то сіе зависитъ отъ неточности знаковъ, которыми выражаемъ свои наблюденія. Можно ли дивиться несогласію въ мнѣніяхъ нравственныхъ, при столь различномъ объясненіи словъ, или знаковъ, выражающихъ чувствованія и мысли, при столь разнообразномъ строеніи ихъ и соединеніи? Напротивъ отъ чего всѣ мыслящіе люди согласны въ истинахъ? Отъ единства ихъ понятій, отъ одинакаго употребленія знаковъ понятій. Сіи мыслящіе люди по одному какому-либо признаку въ человѣкѣ безошибочно дѣлаютъ заключенія о его свойствахъ и образѣ мыслей; они по дѣйствіямъ человѣка настоящимъ несомнѣнно заключаютъ о будущихъ. Въ семъ случаѣ заключенія ихъ столько же вѣрны, какъ выкладки Математическія.

ПРОСОДІЯ.

Просодія содержитъ въ себѣ правила о строеніи или механизмѣ стиховъ.

О СТОПѢ.

Тотъ слогъ, которой мы протягиваемъ болѣе, нежели другіе, называется у Стихотворцевъ *долгимъ*, а прочіе *короткими*, или *высокимъ* и *низкимъ*. Знакъ долгаго слога (—),

— ◡ ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡ ◡ ◡

короткаго (◡). На пр. *время*, *уединеніе*, *благо-*

◡ — ◡ ◡ ◡ — ◡ — ◡ —

словляю, *хорошо*, *плоды наукъ*, и проч.

Односложныя слова могутъ быть и *долгими* и *короткими*; хотя казалось бы, что по *натурѣ* своей всѣ они должны быть *долгими*. По крайней мѣрѣ *высокія* односложныя слова не хорошо дѣлать короткими; на пр. *Богъ*, *мужъ*, *Князь*, *Графъ*, *Россъ*, и проч.

У насъ въ каждомъ словѣ одинъ только слогъ долгой, но у Грековъ и Латинцевъ нерѣдко случается столько долгихъ въ одномъ словѣ, сколько слоговъ; потому что у нихъ все зависитъ отъ *силы* или *количества* гласныхъ буквъ. — Также не лишнее замѣтить и то, что у насъ долгой слогъ можетъ быть и на *концѣ*, и въ *началѣ*, и въ *срединѣ*; напротивъ у Французовъ онъ всегда бываетъ на *концѣ*, потому что у нихъ во всѣхъ словахъ удареніе на послѣднемъ слогѣ.

Соединеніе *двухъ* или *трехъ* слоговъ вмѣстѣ называется *стопою*.

Употребительнѣйшихъ стопъ въ нашемъ языкѣ пять:

1. *Ямбъ.* Онъ состоитъ изъ двухъ слоговъ, изъ которыхъ первый короткой, а другой долгой: *весна*, *блаженъ*, *въ совѣтъ*, и проч.

2. *Хорей.* Онъ также, какъ и ямбъ, состоитъ изъ двухъ слоговъ; только въ немъ первой слогъ долгой, а другой короткой: *сердце*, *воля*, *домы*, *строю*, и проч.

3. *Пиррихій.* Онъ состоитъ изъ двухъ же слоговъ, но только короткихъ, и собственно не составляетъ стопы; потому что нѣтъ у насъ слова, въ которомъ бы не было ударенія, и слѣдовательно долгаго слога. Въ примѣръ:

Кругомъ | сѣдя | щія || на ол|тарѣ | форту | ны
Явля|ются | цвѣты || и стра|шные | перу|ны,

сѣдя - будетъ ямбъ, а - *щія* пиррихій; также *явля* - ямбъ, а - *ются* пиррихій. — Объ немъ сказать надобно, что онъ дѣлаетъ въ стихахъ нашихъ какую-то *вялость;* но въ длинныхъ словахъ избѣжать его не льзя. По крайней мѣрѣ, желательно, чтобъ его не было въ концѣ полустишія или на цезурѣ, о которой будемъ говорить ниже. Впрочемъ не должно забывать и того, что эта стопа можетъ имѣть иногда цѣну. Когда, на примѣръ, Стихотворецъ хочетъ изобразить *дряхлость*, *медленность*, *неповоротливость* и тому подобное: то, кажется, приличнѣе побольше набрать пиррихіевъ. Да и смѣшно бы было, еслибъ Поетъ, единственно для избѣжанія этой стопы, захотѣлъ слишкомъ много безпокоиться. Она не сдѣлаетъ ему большаго вреда; только надобно, чтобы все прочее въ стихахъ его было хорошо.

4. *Дактиль.* Онъ состоитъ уже изъ трехъ слоговъ, изъ которыхъ первой долгой, а два

— ◡ ◡ — ◡ ◡

послѣдующіе короткіе : *мужество*, *томныя*,

— ◡ ◡

радости, и проч.

5. *Анапестъ*. Онъ противенъ дактилю, т. е. напереди имѣетъ два слога короткіе, а тамъ

◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

долгой : *человѣкъ*, *людоѣдъ*, *умолять*, и пр. (*).

Соединеніе нѣсколькихъ стопъ вмѣстѣ дѣлаетъ *стихъ*.

Стихи называются :

1) По числу стопъ, въ нихъ находящихся, *двустопными*, *трехстопными*, *четырехстопными*, и т. д.

2) По роду стопъ, изъ которыхъ составлены *ямбическими*, *хореическими*, *дактилическими*; или, по смѣшенію дактиля съ хореемъ, *дактило - хореическими*, а анапеста съ ямбомъ, *анапесто - ямбическими*.

О РИѲМѢ.

Риѳма есть стройное, или лучше, *однозвучное* въ стихахъ окончаніе, на примѣръ : *вѣкъ*, *человѣкъ*; *добродѣтель*, *владѣтель*; *время*, *бремя*; *любезный*, *полезный*; *плодъ*, *оплотъ*, и проч.

Примѣч. Новѣйшая Поезія между прочимъ и *риѳмами* отличается отъ древней Греческой и Римской.

Риѳмы можно раздѣлить вопервыхъ на *мужескія* и *женскія*, потомъ на *богатыя* и *полубогатыя*.

Мужеская риѳма называется та, въ которой на послѣднемъ слогѣ удареніе, или, что все равно, въ которой послѣдній слогъ долгой :

◡ — ◡ — ◡ —

рука, *твоя*, *чиста*.

(*) Есть еще стопы : Спондей (— —), Амфибрахій (◡ — ◡), Амфимакрій (— ◡ —), Бахій (◡ — —), Антибахій (— — ◡), Трибрахій (◡ ◡ ◡) и Молоссъ (— — —); но онѣ мало употребляются.

Женская риѳма, напротивъ, называется та, въ которой послѣдній слогъ короткой, а передпослѣдній долгой: *совѣсть*, *мучитъ*, *злоба*, и проч.

Тутъ же кстати замѣтить, что въ риѳму идутъ только тѣ слова, въ которыхъ стоитъ удареніе или на *послѣднемъ* слогѣ, или на *пе-*
— ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ —
редпослѣднемъ. И потому *золото*, *зданіе*, *умствую*, *жертвоприношеніе*, *царствующій*, и
ᴗ ᴗ ᴗ ᴗ ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ ᴗ
имъ подобныя слова не могутъ дѣлать риѳмы.

Самые стихи по риѳмамъ называются *мужескими* и *женскими*. Приведемъ что нибудь для примѣра:

ᴗ — ᴗ ᴗ ᴗ — ᴗ — ᴗ
На те|много|лубомъ | эѳи|рѣ - *женс.*
ᴗ — ᴗ — ᴗ ᴗ ᴗ —
Злата|я пла|вала | луна; - - - - *мужес.*
Въ серебряной своей порфирѣ - - *женс.*
Блистаючи съ высотъ она, - - *мужес.*
Сквозь окна, домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала. . . .

ИЛИ:

— ᴗ — ᴗ ᴗ ᴗ — ᴗ
Мать лю|безна|я, при|рода! - } *женс.*
Отъ ла|зоре|ваго | свода
— ᴗ — ᴗ ᴗ ᴗ —
Дождь шу|мящій|низпо|шли - } *мужес.*
Оро|сить ли|це зе|мли - - -

Что касается до *богатыхъ* и *полубогатыхъ* риѳмъ: то *богатыми* риѳмами называются тѣ, въ коихъ *два* или *три* слога *совершенно* однозвучны. Въ примѣрѣ:

Блаженъ, кто самъ собой доволенъ,
Обиленъ, здравъ, покоенъ, воленъ!

Также:

Пустъ златомъ производитъ звонъ,
Глупецъ отдастъ ему поклонъ,
А умной . . . *и проч.*

доволенъ и *воленъ* — будутъ богатыя риѳмы; а *звонъ* и *поклонъ* — полубогатыя.

Тутъ еще не худо замѣтить, что риѳмы почитаются отъ нѣкоторыхъ неважнымъ украшеніемъ, когда въ стихахъ только и достоинства, что риѳма; когда въ нихъ нѣтъ ни *огня*, ни *живости*, ни *силы*, ни *смѣлыхъ вымысловъ*, составляющихъ *душу* Поэзіи, однимъ словомъ: когда въ Стихотворцѣ нѣтъ *дара*. — Есть много сочиненій, которыя безъ риѳмъ и даже безъ стопъ, то есть, писанныя *прозою*, тѣмъ не менѣе однакожъ почитаются *пїитическими*. Къ сему роду сочиненій въ особенности должно причислить *Телемака*, *Кадма и Гармонію* и *Нуму Помпилія*. — Напротивъ есть много стихотвореній, которыя, не смотря на стройной размѣръ и на самыя богатыя риѳмы, суть не иное что, какъ *проза*, и притомъ очень *небогатая*.

Когда что писано *безъ риѳмъ*, *стопы* однакожъ *наблюдены*: то такому сочиненію даютъ у насъ названіе *бѣлыхъ стиховъ*. Таковы стихи:

На случай грома.

Гремитъ! . . . благоговѣй сынъ персти!
Се *Велкій деньми* съ небеси
Изъ кроткой, благотворной длани
Перуны сѣетъ по земли. —
Всесильный! съ трепетомъ младенца
Цѣлую я священный край
Твоей молніецвѣтной ризы,
И . . . исчезаю предъ Тобой; . .

Въ заключеніе о риѳмахъ должно сказать что нибудь и о такъ называемомъ *сочетаніи мужескихъ* риѳмъ, или стиховъ, съ *женскими*. Подъ симъ сочетаніемъ, особливую красоту стихотворства составляющимъ, разумѣется нѣкоторое исскусственное перемѣшеніе стиховъ. Оно дѣлается различными образами. Можно, на примѣръ, послѣ двухъ женскихъ стиховъ поставить два мужескіе, или непосредственно

послѣ женскаго мужеской; либо напереди мужеской; тамъ два женскіе, а тамъ опять мужеской, и на оборотъ, или иначе. Примѣровъ етому вездѣ множество; и для того нѣтъ нужды приводить ихъ. Замѣтимъ только, что не хорошо, когда *сряду* будутъ *четыре женскіе* стиха, или *четыре мужескіе*; а и того хуже, когда *вся* піеса будетъ состоять либо изъ *однихъ женскихъ*, либо изъ *однихъ мужескихъ*. Что касается до бѣлыхъ стиховъ: то хотя нѣкоторые Стихотворцы и въ нихъ наблюдаютъ сочетаніе, какъ то видно изъ приведеннаго здѣсь примѣра; однакожъ вообще можно сказать, что бѣлые стихи не подвержены етому правилу. Ихъ позволено перемѣшивать, какъ кому угодно. Впрочемъ есть и такія піесы, которыя хотя и не бѣлыми стихами писаны; однакожъ состоятъ все изъ однихъ мужескихъ, или изъ однихъ женскихъ. Примѣромъ первому можетъ послужить прекрасная Ода Ломоносова:

о — о — о — о —
Лице | свое | скрыва | *етъ день*,
о —
Поля покрыла мра|*чна ночь*,
о —
Взошла на горы чер|*на тѣнь*;
о —
Лучи отъ насъ склони|*лись прочь*.
о —
Открылась бездна звѣздъ| *полна*:
о —
Звѣздамъ числа нѣтъ, без| *днѣ дна*.
и проч.

О СТИХѢ ЯМБИЧЕСКОМЪ.

Никакой стихъ не долженъ имѣть болѣе *шести* стопъ; иначе трудно будетъ читать стихи. Самой даже шестистопный раздѣляется на двѣ половины, что и есть *цезура* или *сѣченіе*, дабы такимъ образомъ въ два пріема

легче было произнести его. Шестистопный стихъ называется также *Гекзаметромъ*, *Александрійскимъ* и *Героическимъ*. Примѣры:

о — о — о о о —

Какъ цар|ства па|дали || къ стопамъ|
о о о — о
Ека|тери|ны, - *женс.*
о — о о о — о о
Россъ Ше|леховъ|безъ войскъ, || безъ гро|
о — о —
моно|сныхъ силъ - *муж.*
Притекъ | въ Америку|| чрезъ бур|ныя|
пучи|ны,
И но|ву об|ласть Ей|| и Бо|гу по|корилъ.

ИЛИ:

Въ пещерахъ внутреннихъ Кавказскихъ снѣжныхъ горъ,
Куда ни досягалъ отважный смертныхъ взоръ;
Гдѣ мразы вѣчный сводъ кристальный составляютъ,
И солнечныхъ лучей паденье притупляютъ;
Гдѣ молнія мертва, гдѣ цѣпенѣетъ громъ;
Изсѣченъ изо льда стоитъ прозрачный домъ.
Тамъ бури, тамо хладъ, тамъ вьюги, непогоды:
Тамъ царствуетъ *зима*, снѣдающая годы, *и проч.*

Въ каждомъ изъ приведенныхъ здѣсь стиховъ послѣ начальныхъ трехъ стопъ слѣдуетъ остановка или цезура, которая въ первыхъ четырехъ означена *двумя* черточками. *О цезурѣ* здѣсь можно замѣтить вопервыхъ то, что она бываетъ только въ шестистопныхъ и пятистопныхъ стихахъ; вовторыхъ, что слово на цезурѣ непремѣнно должно *кончиться*: иначе если часть его перейдетъ въ другое полустишіе; то это будетъ грубая, непростительная погрѣшность. То же надобно замѣтить о предлогѣ и его падежѣ; имъ необходимо должно быть въ одномъ полустишіи.

Вообще шестистопные ямбическіе стихи опредѣлены для *Поемъ Епическихъ*, для *Трагедій*, стихотворческихъ *Посланій* или *Епистолъ*, *Сатиръ*, и проч. — Такими стихами писаны на нашемъ языкѣ Поемы: *Петръ Великій*, *Россія-*

да, *Владимiръ*, также *Суворoида* и (въ комическомъ родѣ) *Елисей* и *Игрокъ* Майкова; *Епистола* къ И. И. Шувалову *о пользѣ стекла*, всѣ Сумарокова и Княжнина *Трагедiи*, Капнистова *Сатира на нравы*, немалое число *Елегiй* и *Еклогъ*, и множество другихъ сочиненiй.

Тутъ надобно замѣтить, что въ важныхъ и длинныхъ стихотворенiяхъ, каковы: *Епопея*, *Трагедiя*, *Комедiя* и проч., сочетанiе мужескихъ стиховъ съ женскими дѣлается не иначе, какъ *попарно*.

Пятистопные (пентаметры) *Ямбическiе* не очень употребительны; ими рѣдко что пишется одними, и для того ихъ можно пройти въ молчанiи. Скажемъ только, что цезура въ нихъ дѣлается послѣ двухъ первыхъ стопъ, а иногда и послѣ трехъ. Примѣры можно найти въ Басняхъ, не ровными стихами писанныхъ, какъ-то:

Въ займы| просилъ || олень| себѣ| сѣнца:
Ссуди| меня || суда|рыня| овца;
Я все| отдамъ, || въ томъ волкъ| тебѣ| пору|кой. — *и проч.*

Четырехстопные (тетраметры) *ямбическiе* болѣе всего употребительны. Ими пишутся *Оды*, *Пѣсни* и многiя другiя мѣлкiя пiесы. Цезуры въ нихъ нѣтъ. Примѣры:

о — о — о — о —
Престань, |мой другъ, Поэтъ| любез|ный! - *ж.*

о — о — о — о —
Роптать|на скуд|ный жре|бiй свой - } *м.*
И знай, что бѣдность и покой - } *м.*
Для сердца могутъ быть прелестны. } *ж.*

ИЛИ:

Съ косою острой, кровожадной,
Съ часами быстрыми въ рукахъ,
Съ сѣдой, всклокоченной брадою,
Кидая всюду страшный взоръ,
Сатурнъ несытый и свирѣпый
Паритъ черезъ вселенну всю;
Паритъ — и груды оставляетъ
Развалинъ слѣдомъ за собой.

Таким же стихами писаны всѣ торжественныя Оды М. В. Ломоносова: Ода *Богъ*, *Изображенiе Фелицы*, *Вельможа*, *Коварство*, *Водопадъ*, *Соловей*, и проч. и проч. — Замѣтивъ при семъ вообще о стихахъ, что *ямбы* гораздо другихъ *величественнѣе* и идутъ какъ бы въ гору; что *хореи* гораздо *нѣжнѣе* и идутъ, какъ бы съ горы, припрыгивая; что *дактили* будто *пляшутъ*, а *анапесты переваливаются*; замѣтивъ также, что немало придаетъ красоты стихамъ то, когда въ стопахъ слова будутъ стоять неотдѣльно, каждое само собою, а такъ чтобы часть одного слова

◡ — ◡

переходила въ слѣдующую стопу (*валят|ся*

— ◡ — ◡ — ◡

ду|бы вѣко|вые), — мы не станемъ долѣе мѣшкать на ямбическихъ. О *трехстопныхъ* (триметрахъ), *двустопныхъ* (диметрахъ) и даже *одностопныхъ*, какъ изрѣдка употребительныхъ, не упоминаемъ.

~~~~~~~~~~

О СТИХѢ ХОРЕИЧЕСКОМЪ.

Шестистопные и *пятистопные* хореическiе стихи остались, можетъ быть, въ старинныхъ нашихъ Стихотворцахъ, на примѣръ: въ Тредьяковскомъ и его подражателяхъ. Тѣ хореическiе, въ которыхъ меньше четырехъ стопъ, очень рѣдко употребляются; почему *четырехстопные* особливое заслуживаютъ вниманiе. *Женскiй* четырехстопный имѣетъ *ровно четыре* стопы, а *мужескiй* безъ *полустопы четыре*, какъ то видѣть можно изъ примѣровъ:

— ◡ — ◡ — ◡ —

Жилъ - былъ | въ свѣтѣ | доброй | Царь,
Православной Государь; - - - - - - - } *м.*

— ◡ — ◡ — ◡ — ◡

Всѣ серд|ца е|го лю|били, - - - - - -
Всѣ отцомъ и другомъ чтили. - - - - - } *ж.*
~~~~~~~~~~

Любитъ Царь дѣтей своихъ,
Хочетъ онъ блаженства ихъ:
Санъ, великость забываетъ,
Тронъ, порфиру оставляетъ.

ИЛИ:

Съ бѣлыми Борей власами,
И съ сѣдою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжималъ рукой;
Сыпалъ инеи пушисты,
И мятели воздымалъ;
Налагая цѣпи льдисты,
Быстры воды оковалъ:
Вся природа содрогала
Отъ лихова старика;
Въ камень землю претворяла
Хладная его рука, *и проч.*;

Такимъ же образомъ написаны многія Оды, особливо *Анакреонтическія*, нѣкоторыя *Идилліи*, *Пѣсни* и не мало другихъ піесъ.

Здѣсь остается только упомянуть о тѣхъ хореическихъ стихахъ, въ которыхъ *послѣдняя* стопа всегда *дактиль*. Риѳмъ они не терпятъ; встарину были очень употребительны. — Въ наше время Карамзинъ сдѣлалъ весьма удачной опытъ, употребивъ эту мѣру въ богатырской своей сказкѣ: *Илья Муромецъ*. Для примѣра приведемъ изъ приступа то мѣсто, гдѣ Поэтъ, начиная повѣствованіе, зоветъ съ собою читателя не на утесистой Парнассъ, но къ прозрачному ручью — подъ тѣнь древнихъ дубовъ.

— ᴗ — ᴗ — ᴗ — ᴗ ᴗ

Не хо|чу я | на Пар|*нассъ идти*,
Нѣтъ! Парнассъ гора вы*сокая*.
И дорога къ ней не|*гладкая*.
Я видалъ, какъ наши витязи,
Наши Стихо-риѳмо-дѣтели,
Упиваясь одо-пѣніемъ,
Лезутъ на вершину Пиндову, *и проч.*

Етотъ примѣръ довольно показываетъ, что такіе стихи очень не противны нашему слуху, и, какъ мнѣ кажется, они болѣе срод-

ны къ выраженію томныхъ и горестныхъ чувствъ, стѣсненнаго скорбію сердца, нежели шумныхъ, бурливыхъ радостей, и вообще къ описанію чего-нибудь печальнаго, нежели веселаго. Въ тонѣ ихъ есть какая-то унылость. Какъ бы то ни было, только Стихотворцамъ нашимъ остается болѣе и болѣе въ нихъ упражняться, чтобы сдѣлать ихъ для насъ еще приятнѣе.

О СТИХѢ ДАКТИЛИЧЕСКОМЪ.

Шестистопныхъ и *пятистопныхъ* дактилическихъ стиховъ нѣтъ; *четырехстопные* употребляются рѣдко, а по большой части *трехстопные* и *двухстопные*. Для сего, замѣтивъ только, что *женской* дактилической стихъ *на концѣ* имѣетъ всегда *полнаго хорея*, а *мужеской одинъ* только *долгой слогъ*; приведемъ, не распространяясь далѣе, что нибудь для примѣра.

ТРЕХСТОПНЫЕ.

— o o — o o — o
Мы тебя | любимъ сер|дечно, } *женс.*
Будь ты начальникомъ вѣчно,
— o o — o o —
Наши за|жегъ ты серд|ца, } *муж.*
Мы въ тебѣ видимъ отца;
Рады съ тобою мы въ воду,
Рады въ огонь, въ непогоду, *и проч.*

ДВУСТОПНЫЕ.

— o o — o
Ночь лишь седь|мую
— o o — o
Мрачнаго| трона
— o o —
Степень пре|шла;
Съ Росска Сіона
Звѣзду златую
Смерть сорвала.

Ето правило однакожъ не связываетъ Поэта; онъ можетъ писать и *одними женскими* стихами, не наблюдая *одинакой* мѣры и даже не гоняясь за *риѳмами*, которыхъ вдохновенный дактиль, по мнѣнію другихъ, почти не терпитъ. Въ примѣръ: *Осень.* —

— о о — о о — о
— о о — о

Вѣютъ о|сенніе | вѣтры
В мрачной ду | бровѣ;
Съ шумомъ на землю валятся
Желтые листья,
Поле и садъ опустѣли,
Сѣтуютъ холмы, *и проч.*

О СТИХѢ ДАКТИЛО - ХОРЕИЧЕСКОМЪ.

Если не льзя соединить хорея съ ямбами, или анапестами, то можно съ дактилями, и изъ сего соединенія дѣлается стихъ *дактило-хореической.* Въ такомъ случаѣ, когда дактило-хореическіе стихи будутъ гекзаметры, Стихотворецъ въ первыхъ четырехъ стопахъ, по произволенію, можетъ поставить всё дактили, можетъ поставить и всё хореи, или можетъ перемѣшать ихъ, смотря по тому, болѣе ли медленности, или болѣе стремительности требуютъ чувства и картины, имъ описываемыя; что касается до двухъ остальныхъ стопъ, то въ *послѣдней* непремѣнно долженъ быть *хорей*, равно какъ въ *передпослѣдней* всегда *дактиль.* Когда что пишется одними дактило-хореическими гекзаметрами, то они не принимаютъ риѳмы. Сіи стихи, если не ошибаюсь, теперь совсѣмъ не употребительны; но встарину была на нихъ великая мода: извѣстная *Тилемахида* Г. Тредьяковскаго вся изъ нихъ составлена. Для любопытства приведемъ что нибудь въ примѣръ. Вотъ описаніе достопочтеннаго старца Термозириса. Кн. I. стр. 26.

— о о — о о — о — о — о о — о

Сей преста|рѣлый и|мѣлъ гла|ву вла|совъ |обна|женну;
Та че|листа бы|ла, а че|ло съ мор|щинами|вмалѣ,
Долгая|, даже за| перси, бра|да сѣ|дая ви|сѣла;

Станъ е|го вы|сокъ, ве|личественъ|, лѣпоса|новенъ;
Цвѣтъ въ лицѣ|свѣжъ и ру|мянъ, прони|цательны очи;
Голосъ | тихъ у не|го, а про|сты сло|ва и при|ятны. —
и проч.

Въ шестистопныхъ дактило-хореическихъ цезуры нѣтъ.

Что касается до пятистопныхъ, то одними етими стихами ничего не пишутъ, а мѣшаютъ ихъ иногда съ шестистопными; въ такомъ случаѣ и риѳма позволяется; только сочетаніе ето бываетъ не иначе, какъ чрезъ стихъ, т. е. прежде ставится шестистопный, а тамъ пятистопный, потомъ опять тотъ, потомъ етотъ, и такъ далѣе. Пятистопный дактило-хореическій стихъ строеніемъ своимъ нѣсколько отличенъ отъ шестистопнаго. Въ немъ есть цезура послѣ двухъ первыхъ стопъ и одного слога долгаго, за которымъ слѣдуютъ еще двѣ стопы и еще слогъ долгой. *Обѣ* стопы въ *первомъ* полустишіи могутъ быть и *дактили*, могутъ быть и *хореи*, или *одна* дактиль, *другая* хорей, либо на оборотъ; но въ *послѣднемъ* непремѣнно должны быть *обѣ дактили*. Изображеніе его такое:

— ◡ ◡ — ◡ ◡ —
— ◡ ◡ — ◡ ◡ — } — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
— ◡ ◡ — ◡ ◡ —
— ◡ ◡ — ◡ ◡ —

Слѣдовательно онъ всегда будетъ мужеской и не можетъ дѣлать риѳмы съ шестистопнымъ, которой всегда есть женской; а дѣлаетъ риѳму, черезъ стихъ, съ другимъ пятистопнымъ. Такими стихами теперь ничего не пишутъ; но встарину они были довольно употребительны. *Для* свѣдѣнія приведемъ что нибудь въ примѣръ:

— ◡ — ◡ ◡ — ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡
Всѣ воз|дайте хва|лу я|зыцы все|вышнему| Богу;
— ◡ ◡ ◡ — — ◡ ◡ ◡ ◡ —
Похва|лите Его|| отрокъ и | старъ чело|вѣкъ.
Утвер|дилъ Онъ на | насъ сво|ю пре|щедру и| многу
Милость, и| правда Е|го || есть неру|шима во| вѣкъ.

Всякъ можетъ видѣть, что примѣръ етотъ очень не хорошъ; но гдѣ взять лучшій?

Дактило-хореическіе четырехстопные стихи, въ которыхъ *хорей* ставится и на *концѣ* и въ *срединѣ*, отмѣнно для насъ пріятны. Примѣръ:

— ᴗ ᴗ — ᴗ — ᴗ ᴗ — ᴗ
— ᴗ ᴗ — ᴗ ᴗ —

Многіе | Барды, | лиру на|строя,
Смѣло и|граютъ, по|ютъ;
Звуки ихъ лиры, гласы ихъ пѣсней
Мчатся по рощамъ, шумятъ.

О СТРОФѢ или КУПЛЕТѢ.

Строфою называется послѣдованіе нѣсколькихъ стиховъ, только не менѣе *трехъ* и не болѣе *двѣнадцати*.

Нѣкоторые изъ нашихъ Стихотворцевъ дѣлаютъ строфы изъ 14 стиховъ; но мнѣ кажется, ето не совсѣмъ хорошо. Въ самомъ дѣлѣ, если строфа у Поета будетъ то же, или почти то же, что у Ритора періодъ; если въ ней долженъ заключаться, по крайней мѣрѣ большою частію, нѣкоторый особый опредѣленный смыслъ, и если, по етому, должно произносить ее съ малыми только остановками, чтобъ не прервать связи мыслей, и притомъ сдѣлать всѣ нужныя перемѣны голоса — всѣ напряженія, возвышенія и пониженія, какихъ требуетъ свойство описываемаго предмета: то спрашивается, какъ все ето соблюсти въ строфѣ, слишкомъ длинной? Притомъ надобно гдѣ нибудь остановиться, и 12 стиховъ есть граница для самаго большаго куплета.

Стихи въ строфѣ или слѣдуютъ попарно, тоесть прежде два женскіе, а тамъ два мужескіе, потомъ опять два женскіе, и такъ далѣе, или — что чаще случается — бываютъ перемѣшаны извѣстнымъ образомъ. Ето зависитъ отъ воли Стихотворца; только надобно, чтобъ онъ удержалъ такое же сочетаніе и въ послѣдующихъ строфахъ, какое сдѣлаетъ въ пер-

вой. Впрочемъ, говорятъ, нѣтъ правила безъ изключенія. Примѣры:

СТРОФА ИЗЪ ТРЕХЪ СТИХОВЪ:

Страшно въ могилѣ хладной и темной! —
Вѣтры тамъ воютъ, гробы трясутся,
Бѣлыя кости стучатъ — *и проч.*

ИЗЪ ЧЕТЫРЕХЪ СТИХОВЪ:

Ты, время, быстрыми крылами
По всей подсолночной паришь;
Пуская стрѣлы за стрѣлами,
Все рушишь, тратишь и разишь — *и проч.*

ИЗЪ ПЯТИ:

Сѣдящъ, увѣнчанъ осокою
Въ тѣни развѣсистыхъ древесъ,
На урну облегшись рукою,
Являющій лице небесъ,
Прекрасный вижу я источникъ — *и проч.*

ИЗЪ ШЕСТИ:

Прямый Герой страстьми недвижимъ,
Онъ строгъ къ себѣ и благъ ко ближнимъ;
Къ богатствамъ, титламъ, власти, славѣ,
Внутри онъ сердца не приверженъ:
Сокровище его любезно —
Спокойный духъ и чиста совѣсть — *и проч.*

ИЗЪ СЕМИ:

Что можетъ быть тебя святѣе,
О Милость, дщерь благихъ Небесъ!
Что краше въ мірѣ, что милѣе?
Кто можетъ безъ сердечныхъ слезъ,
Безъ радости и восхищенья,
Безъ сладкаго въ крови волненья
Взирать на прелести твои? — *и проч.*

ИЗЪ ОСЬМИ:

Миръ блаженный, чадо неба,
Къ намъ съ оливою летитъ,
И вѣнецъ, свѣтлѣе Феба,
На главѣ его блеститъ
Онъ въ дыханіи Зефира
Ниспускается въ нашъ край,
И отъ горнихъ странъ ѳеира
Въ тьму низноситъ свѣтлый рай — *и проч.*

ИЗЪ ДЕВЯТИ;

Утренняя ясна
Тѣнь золотая!
Краткокъ твой блескъ.
Ольга прекрасна,
Ольга драгая!
Тѣнь, твой былъ вѣкъ.
Что твое утро
Въ вѣчности цѣлой?
Менѣй, чѣмъ мигъ! — *и проч.*

ИЗЪ ДЕСЯТИ;

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина!
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ,
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Довольствомъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли. — *и проч.*

ИЗЪ ДВѢНАДЦАТИ;

Речешь — и двигнется полсвѣта,
Различный образъ и языкъ;
Тавридецъ, чтитель Магомета,
Поклонникъ идоловъ Калмыкъ,
Башкирецъ съ меткими стрѣлами,
Съ булатной саблею Черкесъ. —
Ударятъ съ шумомъ въ слѣдъ за нами,
И прахъ подымутъ до небесъ.
Твой Россъ весь міръ дрожать заставитъ,
Наполнитъ громомъ чудныхъ дѣлъ,
И тамъ столпы свои поставитъ,
Гдѣ свѣту цѣлому предѣлъ! —

Остается замѣтить, что Стихотворцы часто употребляютъ во зло присвоенную ими вольность; н. п. для риѳмы *настроенъ*, говорятъ они *достоенъ*, хотя непремѣнно должно сказать *достоинъ*; часто употребляютъ такія слова за риѳмы, кои совсѣмъ не риѳмы, н. п. *строфъ*, *стишковъ*; часто измѣняютъ они слова страннымъ образомъ, дѣлаютъ самыя нелѣпыя окончанія, переносятъ даже удареніе совсѣмъ

на другой слогъ, нежели на какомъ ему быть
— ◡
должно, и говорятъ, на примѣръ: *міры*, вмѣсто:
◡ — ◡ — ◡ — ◡ ◡
міры, *выгоду*, вмѣсто *выгоду*. . , . Стихотворной языкъ есть музыка. Иногда одна нота, нестройно или неправильно взятая, портитъ всю симфонію. Чтожъ если много сдѣлать такихъ неправильностей? *Риѳма должна покоряться разсудку.*

~~~~~~
~~~~~~

КРАТКІЯ ПРАВИЛА РИТОРИКИ и ПІИТИКИ (*).

Предметъ Словесности.

Способность сообщать мысли есть величайшій даръ, которымъ Провидѣніе наградило человѣка. Успѣхи ума зависятъ отъ сего взаимнаго сообщенія мыслей.

Одинъ человѣкъ, безъ помощи другихъ, мало бы успѣлъ въ образованіи способностей своихъ; но посредствомъ слова опыты, отъ разныхъ нуждъ зависящіе и въ разныя времена сдѣланные, соединяются и составляютъ одну всеобщую опытность, что мы называемъ просвѣщеніемъ. Слово побудило человѣка изобрѣсти письмо, которое совокупляетъ народы и столѣтія, какъбы въ одно общество и въ одинъ періодъ времени.

Полезныя мысли и добрыя чувства предполагаютъ знаніе человѣческаго сердца, изслѣдованіе причинъ и дѣйствій вещей, наблюденіе человѣчества въ разныхъ странахъ и вѣкахъ. Изъ сихъ-то источниковъ почерпаетъ Краснорѣчіе все то, чѣмъ насъ восхищаетъ, трогаетъ, научаетъ и убѣждаетъ. И такъ Словесность заключаетъ произведенія Краснорѣчія, Поэзіи, Философіи и Исторіи.

Всякой человѣкъ съ благородными чувствами любитъ Словесность; потому что всякой имѣетъ нужду во мнѣніи человѣка. Мы не бываемъ довольны, если не видимъ ничего себѣ подобнаго; напротивъ того покойны, какъ скоро наши мысли и чувства свойственны другимъ.

(*) Взяты изъ уроковъ, въ Пансіонѣ читанныхъ, по руководству Блера.

Произведенія Словесности, какъ уроки опытныхъ мореплавателей, научаютъ насъ остерегаться подводныхъ камней въ морѣ жизни; онѣ для людей мыслящихъ составляютъ лучшее общество, служатъ вѣрнѣйшимъ другомъ; а сверхъ того чего желать человѣку? —

Словесность какъ наука.

Науки составились уже послѣ нѣкоторыхъ опытовъ; такъ и въ Словесности прежде были: Гомеръ, Геродотъ, Софоклъ, а по нимъ написаны: Піитики, Риторики, курсы и теоріи Изящныхъ наукъ. Сіи геніи сами наблюдали человѣка и природу. Аристотель, вмѣстѣ съ другими, удивляясь ихъ произведеніямъ, положилъ закономъ подражать имъ, когда хотимъ трогать и нравиться. Сей законъ соблюдается во всей точности хорошими писателями: всѣ образуютъ вкусъ, научаются чувствовать и мыслить по правиламъ, выведеннымъ изъ сихъ безсмертныхъ умовъ.

Древніе, какъ то: Цицеронъ и Квинтиліянъ, предлагали правила, касательно рѣчей, коими ограничивалось древнее краснорѣчіе.

Въ новѣйшія времена: Блеръ, Гоме, Лагарпъ, Баттё, Сульцеръ, Ебергардъ, распространили правила Словесности и дали ей иной видъ. Риторику мы принимаемъ за науку Словесности, или о краснорѣчіи вообще.

Языкъ и письмо.

Первобытный языкъ всякаго народа составленъ изъ словъ немногихъ, но выразительныхъ, которыя произносятся сильно и рѣзко. Дикой подражаетъ голосомъ предметамъ, употребляя звуки, сходные съ ихъ свойствомъ: такъ живописецъ рисуетъ лугъ, употребляя краску зеленую. Дикой произноситъ слова съ сильными удареніями, протяжно, дополняетъ ихъ тѣлодвиженіями: такъ и мы говоримъ на томъ языкѣ, который намъ не совсѣмъ извѣстенъ. Самый слогъ въ первобытномъ языкѣ украшенный и

стихотворный; расположеніе словъ болѣе вооображенію и живости мыслей приличное: такъ Греки и Латинцы ставятъ напередъ слова тѣхъ мыслей, кои занимаютъ ихъ воображеніе, кои поражаютъ ихъ чувства.

Съ образованіемъ языка разсудокъ заступаетъ мѣсто воображенія. Успѣхи языка подобны успѣхамъ возраста человѣческаго: въ юности пламенѣетъ воображеніе; въ зрѣлыхъ лѣтахъ оно хладѣетъ, и приходитъ въ совершенство разсудокъ. Такимъ образомъ языкъ, переходя отъ недостатка къ изобилію, переходитъ вмѣстѣ отъ живости къ точности, отъ восторга и жара къ опредѣленности и хладнокровію. Всѣ сіи характеры одни отъ другаго зависятъ, одинъ на другой имѣютъ вліяніе; порывистые и подражательные звуки замѣняются знаками условными и произношеніемъ спокойнымъ; слогъ украшенный слогомъ простымъ; самый порядокъ словъ перемѣняется. Языкъ въ своемъ образованіи дѣлается точнѣе и правильнѣе, но не столько бываетъ силенъ и не столько одушевленъ. Въ первобытномъ своемъ состояніи онъ приличнѣе Поэзіи и Витійству; въ послѣдующемъ приличнѣе Исторіи и Философіи.

Послѣ языка безспорно полезнѣйшее для людей изобрѣтеніе есть письмо. Оно явилось позже; потому что людямъ нужнѣе было сообщать свои мысли лично, нежели въ отсутствіи. Но почувствовавъ и въ етомъ нужду, прибѣгнули къ письму, стали выдумывать знаки, понятные столько же для глазъ, какъ звуки понятны для слуха.

Прежде изобрѣтено письмо вещей, потомъ письмо словъ. Къ первому принадлежитъ живописное письмо, найденное и у Мексиканцевъ, также іероглифы Египетскіе, или знаки, представляющіе невидимые предметы, кои съ ними имѣютъ нѣкоторое сходство, на пр. глазъ, знакъ всевѣдѣнія.

Первое письмо словъ состояло изъ условныхъ знаковъ, какіе употребляютъ Перувіянцы и Китайцы.

Стихи и Проза.

Два рода краснорѣчія, Стихи и Проза, часто сливаются, какъ свѣтъ и тѣнь; Оссіановы, на примѣръ, пѣснопѣнія писаны прозою, однако стихотворны. Слѣдовательно Поезія состоитъ не въ одной мѣрной рѣчи: ея главное свойство говоритъ воображенію; а проза занимаетъ разсудокъ. Человѣкъ въ восторгѣ изливаетъ избытокъ чувствъ своихъ; для него вся природа одушевляется; онъ расказываетъ все, что видитъ и слышитъ: ибо всѣ предметы сильно дѣйствуютъ на человѣка восхищающагося. Сей восторгъ располагаетъ къ музыкѣ: отъ того Поезія и музыка неразлучны. Ораторъ, Философъ и Историкъ смотрятъ на все хладнокровнѣе; они не столько занимаютъ воображеніе, сколько руководствуютъ разсудокъ.

Если Поетъ и Ораторъ хотятъ открыть какую-либо истину: то первый воображеніемъ переноситъ насъ въ иной міръ; вдругъ возбуждаетъ сильныя чувства, коими уже располагаетъ по своей волѣ; другой же убѣждаетъ насъ въ истинѣ, разсматривая постепенно предметы и съ разныхъ сторонъ. Такъ Тиртей одушевлялъ Лакедемонянъ, а Димосѳенъ укрѣплялъ Аѳинянъ въ ненависти къ Филиппу.

Доброе сердце восхищается радостію другихъ, равно принимаетъ участіе въ горестяхъ; для насъ пріятны приключенія намъ подобныхъ, ихъ нравы и обыкновенія. На етомъ врожденномъ чувствѣ основывается удовольствіе, какое мы получаемъ отъ Оды, Елегіи, Исторіи, Трагедіи. Сверхъ того однообразіе предметовъ насъ утомляетъ; писатели, перенося насъ въ міръ воображенія, заставляютъ восхищаться тѣмъ, чего хотя не имѣемъ, но что желали бы имѣть. Сюда причислить должно необходимость, или любопытство знать причину и дѣйствіе

вещей; знать, как люди жили прежде, дабы выводить из сего свои умозаключенія.

Стихотворец и Оратор ведут нас разными путями к своей цѣли; но ясность и пріятность должны быть им общим правилом. Потому-то Словесность, как наука, занимается правилами сочиненій стихотворных и прозаических. Прозою обыкновенно пишут: Письма, Исторію, Романы, Разсужденія, Учебныя сочиненія, Рѣчи; стихами: Идилліи, Оды, Епопеи, сочиненія Дидактическія, Трагедіи, Комедіи.

Исторія Краснорѣчія.

Изобрѣтеніе языка и письма теряется во мракѣ древности; начало краснорѣчія гораздо к нам ближе: оно предполагает уже нѣкоторое образованіе языка. Первое краснорѣчіе можно назвать изліяніем сердца, слѣдующаго невольным порывам чувствованій и страстей.

Гораздо прежде появленія прозаических сочиненій Стихотворство было образовано; оно даже посвящено было знатнѣйшим Историческим произшествіям. Ни один народ в древности не способствовал столько успѣхам краснорѣчія, сколько Греки. Блистательныя дарованія, благородное чувство свободы духа, богатство и гибкость языка — все сіе устремлено было к образованію Оратора.

Римляне были их счастливые подражатели; в продолженіе блистательной епохи своей Респувлики усовершенствовали не только практическую, но и учебную часть краснорѣчія. В среднія времена всеобщій мрак, распростертый над науками, сокрыл от взоров послѣдніе слѣды краснорѣчія: тонкій вкус, здравая Философія, основательныя познанія языка — все изчезло.

Но как скоро дух древней Словесности получил новую жизнь: тогда снова воцарилось и чувство красоты; начали новѣйшіе подражать

лучшимъ образцамъ древнихъ и приводить въ совершенство свой языкъ.

Различные роды слога.

Разный образъ мыслей производитъ различіе въ образѣ выраженій, или въ слогѣ.

Различіе сіе бываетъ отъ характера писателя и его разположенія, или отъ предмета сочиненія и цѣли онаго.

Человѣкъ въ восторгѣ говоритъ иначе, нежели въ спокойномъ разположеніи духа: въ первомъ случаѣ онъ отрывистъ и кратокъ; во второмъ обиленъ и связанъ въ предложеніяхъ. Статья Философическая требуетъ слога точнаго и опредѣленнаго; Ораторы употребляютъ въ рѣчахъ слогъ высокой, величественной. Часто въ одномъ и томъ же сочиненіи встрѣчается разность слога: въ Исторіи, на примѣръ, повѣствованіе пишется не такъ, какъ рѣчи, влагаемыя въ уста полководцевъ и Царей.

При всемъ разнообразіи предметовъ и характеровъ, слогъ удерживаетъ отпечатокъ писателя хорошаго точно такъ же, какъ искусные живописцы въ разныхъ картинахъ своихъ оставляютъ черты оригинальныя, имъ однимъ свойственныя. Иліада и Одиссея имѣютъ разное содержаніе; но одинакій творческій духъ оживляетъ обѣ Поэмы.

Слогъ отрывистой относится болѣе къ самымъ предложеніямъ, между собою не соединеннымъ и не завясящимъ одно отъ другаго. Онъ, по своей живости и быстротѣ, приличенъ выраженію страстей; однако можно и въ предложеніяхъ отрывистыхъ излагать мысли свои обширно. Сюда отнести можно и слогъ простой, тоесть непритворный, непринужденный, который можетъ быть вмѣстѣ и силенъ, чему примѣромъ служитъ Омиръ.

Отрывистому противуполагается слогъ періодической, въ которомъ предложенія одно съ другимъ искусно связаны, что придаетъ болѣе

важности и благозвучія; потому причисляютъ къ нему слогъ высокой. Періоды не мѣшаютъ краткости; ибо писатель можетъ предлагать въ нихъ мысли свои самыя рѣзкія, подобно Тациту. Такъ Димосѳенъ и Цицеронъ писали періодами; но одинъ такъ кратокъ, что у него не льзя ничего убавить, другой такъ обиленъ и полонъ, что къ нему прибавить ничего не возможно.

Изъ етого слѣдуетъ, что авторы перемѣшиваютъ слогъ, примѣнясь къ предметамъ и цѣли. Они въ восторгѣ кратки и отрывисты; въ безпокойномъ разположеніи духа кратки, не смотря на періоды; въ размышленіи спокойны, обильны и богаты мыслями, выражаясь или отрывисто, или періодами. Сочиненіе, назначенное для произнесенія, требуетъ слога обильнаго; потому что слушатель не можетъ останавливаться на мѣстахъ, для него темныхъ. Напротивъ того при чтеніи пріятно, если авторъ заставляетъ иногда насъ самихъ размышлять и дополнять свои мысли. Описанія должны быть кратки, иначе онѣ затемняютъ воображеніе; въ етомъ случаѣ будемъ помнить правило Коринны, данное Пиндару. Сердце и воображеніе имѣютъ дѣйствія быстрыя и непродолжительныя; почему слогъ обильный можетъ охладить читателя, или слушателя. — И такъ, когда хотите тронуть сердце, или восхитить воображеніе: то будьте кратки и отрывисты; но пишите полнѣе, если нужно доставить свѣдѣнія разуму. Замѣтимъ, что должно быть осторожному въ разныхъ родахъ слога. Иные, говоритъ Горацій, желая быть краткими, бываютъ темны и непонятны; другіе, стараясь о полнотѣ и плавности, лишаютъ сочиненіе свое силы и точности: есть и такіе, которые, мечтая о высокости, кажутся надутыми; а нѣкоторые, опасаясь сей крайности, пресмыкаются по землѣ.

Главныя достоинства слога.

Говоримъ ли мы, или пишемъ, отъ насъ требуется вопервыхъ выражать мысли свои ясно, понятно для каждаго; а вовторыхъ приятно, дабы убѣжденіе было сильнѣе. Кто исполняетъ сіи требованія, того мы съ удовольствіемъ слушаемъ и читаемъ. Украшенія безъ ясности утомительны и подобны слабому свѣту, мракомъ поглощаемому. Иные темноту слога извиняютъ трудностію предмета; но можно ли писать о такомъ предметѣ, котораго мы ясно не понимаемъ? Для ясности нужно устремлять большое вниманіе на каждое слово и на каждый членъ предложенія, также на составъ цѣлаго періода. — Слогъ ясный есть прозрачный источникъ, не скрывающій дна своего: для насъ приятно видѣть, что писатель открываетъ намъ всѣ свои мысли и чувства.

Ясность состоитъ въ чистотѣ, точности и живости языка; почему, предпринимая писать, должно спросить самихъ себя: извѣстно ли намъ свойство языка, его строеніе, богатство, образованность. Прежде всего прилично смотрѣть на слова. Не должно отличаться отъ другихъ словами или слишкомъ старыми, или слишкомъ новыми, но подражать лучшимъ писателямъ и людямъ образованнымъ. Иногда слова сами по себѣ могутъ быть хороши, но, будучи употреблены не умѣста, не кстати, теряютъ свою силу. Многіе изъ нихъ имѣютъ сходныя одно съ другимъ значенія, и потому потребна осторожность и строгой ихъ разборъ, дабы каждое слово точно соотвѣтствовало понятію, какое имѣемъ о вещи.

Потомъ какъ хорошіе камни безъ искусной руки не составятъ зданія, такъ и для словъ нужно правильное разположеніе со стороны знаковъ препинанія, выразительности и благозвучія. Важнѣйшія слова въ предложеніи, изображающія главныя наши понятія, занимаютъ пер-

вое мѣсто, или вообще ставятся тамъ, гдѣ онѣ могутъ произвести сильнѣйшее впечатлѣніе: не употреблять идей лишнихъ и не принадлежащихъ къ главному предмету; въ противномъ случаѣ оной будетъ не столько примѣтенъ. Иные, не умѣя рѣшительно выбрать выраженія сильнѣйшаго, описываютъ его многими посторонними выраженіями, чрезъ что отвлекаютъ читателя отъ главной мысли и ослабляютъ силу оной.

Въ описаніяхъ необходимо соблюдать порядокъ естественный, то есть переходить всегда къ важнѣйшему, отъ близкаго къ отдаленному, и тому подобное. При сравненіи, или противуположеніи члены должны имѣть сходство въ словахъ и въ оборотахъ.

Послѣ етого надобно обратить вниманіе на благозвучіе словъ и членовъ предложенія, которые должны имѣть между собою непрерывную связь и ровность; иначе періодъ будетъ казаться зыблющимся, негладкимъ. Такая неровность въ слогѣ также неприятна, какъ несоразмѣрность въ членахъ какой нибудь фигуры. Вотъ предосторожности, касательно ясности; впрочемъ тотъ единственно пишетъ ясно, кто самъ ясно и подробно понимаетъ свой предметъ, живо его себѣ представляетъ и сильно чувствуетъ.

О украшеніи слога.

Отъ того, кто разсуждаетъ, требуется особенно ясности; въ описаніяхъ, или повѣствованіяхъ, желаемъ украшеній, называемыхъ фигурами.

Во всѣхъ языкахъ первыя слова изобрѣтены были для предметовъ видимыхъ, отъ коихъ значенія заимствованы и перенесены къ отвлеченнымъ предметамъ. И потому фигуры назвать можно языкомъ воображенія живаго и пламеннаго, какъ *метафора* — языкомъ сильныхъ чувствъ, на примѣръ *одушевленіе* и *обращеніе*, и наконецъ самаго разума — каково

сравненіе. Потому-то всѣ языки въ своемъ началѣ болѣе исполнены были фигурами, нежели въ нынѣшнемъ ихъ состояніи: ибо цѣлый міръ уподобить можно одному человѣку; юности болѣе прилично пламенное воображеніе и сильное чувство; — старости разсудительность. Въ первыхъ людяхъ всякой новый предметъ возбуждалъ удивленіе. Они руководствовались болѣе воображеніемъ; почему языки древніе носятъ отпечатокъ характера народовъ. Когда фигуры употребляются кстати и у мѣста: то онѣ придаютъ слогу большое достоинство; представляютъ предметы гораздо яснѣе и выразительнѣе; понятія отвлеченныя одушевляютъ, вещамъ неодушевленнымъ даютъ жизнь. Онѣ не только изображаютъ наши мысли, но живописуютъ ихъ: ихъ можно уподобить зеркаламъ, которыхъ предметы въ различныхъ видахъ отражаются предъ нашими глазами; онѣ предлагаютъ намъ множество прекрасныхъ картинъ, коихъ свѣтъ и тѣни искусно разположены и все цѣлое представляется въ лучшемъ видѣ. Украшенія слога можно назвать живописью языка.

Фигуры, основывающіяся на взаимномъ отношеніи одного предмета къ другому, называютъ *Тропами*, или перенесеніями. Часто встрѣчается отношеніе причины къ дѣйствію, или дѣйствія къ причинѣ, на пр. серебряные или сѣдые колосы, вмѣсто старости. Содержащее поставляется за содержимое; страна, или имя страны за жителей; признакъ вмѣсто вещи, имъ означаемой: таковые тропы называются *Метониміею.*

Когда цѣлое беремъ за часть, родъ за видъ; когда единственное употребляется вмѣсто множественнаго и на оборотъ: во всѣхъ етихъ случаяхъ происходитъ тропъ *Синекдоха.*

Тропъ *Метафора* основанъ на сходствѣ; она есть сокращенное сравненіе. Сія фигура употребительнѣе всѣхъ прочихъ; и какъ проза, такъ и стихи ею часто украшаются.

Вообще удовольствіе, отъ троповъ происходящее, состоитъ въ томъ, что, вмѣсто собственнаго или настоящаго предмета, поставляется другой какой-либо, съ нимъ сходный, чрезъ что возбуждается въ насъ сильнѣйшее и живѣйшее о немъ понятіе.

Украшеніемъ слога служитъ *Гипербола*, когда увеличиваемъ какой-либо предметъ. Всѣ почти формы вѣжливости суть гиперболы; ее производятъ страсти, какъ то: удивленіе, ужасъ и т. п.

Прозопопея, или одушевленіе, вещамъ неодушевленнымъ придаетъ дѣйствіе и жизнь: иногда онѣ представляются, какъ бы насъ слушающими, или съ нами разговаривающими. Духъ человѣческій склоненъ къ одушевленію: для насъ пріятно видѣть, что окружающіе насъ предметы чувствуютъ, думаютъ и дѣйствуютъ, подобно намъ.

Съ Прозопопеею сходна *Апострофа*, или обращеніе говорящаго лица къ предметамъ отсутствующимъ и неодушевленнымъ, такъ какъ бы они были передъ нами и имѣли жизнь. Обѣ сіи фигуры предполагаютъ въ писателѣ необыкновенную силу воображенія и страстей. Если на сцену выводятся особы умершія: тогда происходитъ фигура, называемая видѣніемъ. Сверхъ сихъ фигуръ украшеніемъ слога служатъ: *сравненіе*, *противуположеніе*, *вопрошеніе*, *восклицаніе*, *прехожденіе*, *восхожденіе*.

Впрочемъ фигуры не должно почитать единственнымъ и главнымъ предметомъ сочиненія. Въ лучшихъ Стихотворцахъ и Прозаикахъ есть много хорошихъ мѣстъ, написанныхъ слогомъ самымъ простымъ; есть напротивъ сочиненія блестящія, богатыя фигурами, но при всемъ етомъ ни мало насъ не трогающія. Чувства и мысли составляютъ главное и существенное достоинство писателя. Если въ слогѣ видна принужденность; если нѣтъ въ немъ довольной ясности и точности, легкости и чи-

стоты: то при всѣхъ фигурахъ онъ не понравится. Такое сочиненіе ослѣпляетъ при первомъ взглядѣ; но послѣ мы остаемся къ нему хладнокровны, особливо какъ скоро примѣчаемъ трудъ, съ какимъ авторъ собиралъ украшенія. Превосходный писатель сильно бываетъ тронутъ своимъ предметомъ, воспламененъ имъ: и тогда только онъ говоритъ, какъ чувствуетъ: тогда въ немъ видимъ человѣка, какъ бы свыше вдохновеннаго, для представленія другимъ истины во всемъ ея свѣтѣ.

СОЧИНЕНІЯ ПРОЗАИЧЕСКІЯ.

Письма.

Съ перваго взгляда письма представляютъ обширный кругъ сочиненій; нѣтъ предмета, который бы не былъ предложенъ въ видѣ письма. Но въ такихъ письмахъ мысль о другѣ изчезаетъ при первыхъ строкахъ, и авторъ примѣтно относится къ публикѣ. Напротивъ того письмо должно представлять объясненіе двухъ отдаленныхъ особъ. Мы съ большею охотою читаемъ письма, надѣясь въ нихъ найти болѣе искренности, нежели въ другихъ сочиненіяхъ. Правда, люди всегда воздерживаютъ свою довѣренность болѣе или менѣе; однако переписка ближе другихъ сочиненій подходитъ къ дружеской бесѣдѣ. Какъ пріятно видѣть писателя въ томъ положеніи, когда онъ свободно изъясняетъ чувства своего сердца!

Главное достоинство письма есть простота. Странно, когда кто въ письмѣ школьно разсуждаетъ. Тотъ скоро наскучитъ, кто захочетъ въ письмѣ или обществѣ блистать безпрестанно. Пусть будетъ письмо только гладко и чисто; отборныя же слова, заученныя выраженія и круглые періоды ему не приличны. Что изливается изъ сердца, то всегда пріятно; принужденность ощутительна, — и потому какія письма самыя скучныя? — Безъ сомнѣнія поздравительныя и вѣжливостями наполненныя. Сверхъ того въ перепискѣ, равно какъ и въ обществѣ, должно наблюдать пристойность, относительно къ своему собственному званію и той особѣ, къ которой пишемъ. Не забудемъ также, что пріятность письма

происходитъ и отъ забавныхъ шутокъ, и отъ игривости слога; но это надобно употреблять умѣренно и, какъ говорятъ, *cum grano salis.*

Да будутъ образцомъ намъ письма Карамзина. Онъ составилъ пріятной слогъ прозы, близкой къ языку общества; онъ первый у насъ увидѣлъ нужду въ семъ слогѣ и узналъ его свойства; первый почувствовалъ, что формы прозы имѣютъ также законы гармоніи и мѣры, какъ стихосложеніе, и слогу своему умѣлъ дать легкость и пріятность.

Исторія, Біографія и Романы.

Исторія имѣетъ цѣлію представить истину. Она бываетъ всеобщая, частная, или одного какого нибудь приключенія. Безпристрастіе, вѣрность и точность, важнѣйшія качества Историка. Онъ долженъ спокойно смотрѣть на происшествія и характеры прошедшаго времени; предполагается, что онъ знаетъ человѣческое сердце и пружины правленій. Если же зеркало протекшихъ столѣтій не служитъ наставленіемъ: то, не смотря на справедливыя описанія происшествій, онѣ не заслуживаютъ названія Исторіи, которая должна замѣнять опытность. Ибо сколько бы ни продолжительна была жизнь наша; она не доставитъ столько разнообразныхъ приключеній, какія можно найти въ Исторіи.

Достоинство историческаго повѣствованія есть порядокъ и приличная связь. Самая лучшая Исторія та, въ которой легко усматриваемъ, какъ происшествія одно изъ другаго слѣдуютъ. Искусное ихъ расположеніе составляетъ занимательность. Нужно, чтобъ части Исторіи были между собою тѣсно соединены, подобно цѣпи, которой каждое кольцо, будучи само по себѣ нѣчто цѣлое, соединено съ другими. Самое повѣствованіе должно быть благородно и важно.

Историкъ, для разнообразія, можетъ перемѣнять тонъ; но онъ остережется, чтобы не

унизиться. Ему встрѣтятся двѣ крайности, которыхъ онъ долженъ стараться избѣжать: излишняя краткость и подробность; одна рождаетъ сбивчивость, другая скуку. У искусныхъ писателей одно произшествіе приготовляетъ къ другому.

Разсказъ живой и разительной называется историческою живописью. Древніе, дабы оживить Исторію, употребляли рѣчи; правила жизни, въ нихъ излагаемыя, сильнѣе на насъ дѣйствуютъ, если мы слышимъ ихъ отъ какого нибудь полководца, или вообще отъ знаменитаго мужа.

Украшеніемъ сего рода сочиненій служитъ вѣрное изображеніе характеровъ. Историкъ долженъ вездѣ себя показывать другомъ добродѣтели и врагомъ порока: тогда заставитъ насъ принять болѣе участія въ повѣствуемыхъ произшествіяхъ.

Вотъ характеры лучшихъ Историковъ. Геродотъ привязываетъ къ себѣ читателя своею откровенностію и простотою; Ксенофонтъ легкостію; Ѳукидитъ важенъ и силенъ; Ливій превосходитъ всѣхъ искусствомъ повѣствованія; Саллюстій и Тацитъ хорошо изображаютъ характеры.

Новѣйшіе превзошли древнихъ въ глубокомысліи, что есть плодъ большей опытности. Удивительный блескъ придали Исторіи Англичане: достовѣрный Гюмъ, проницательный Гиббонъ и краснорѣчивый Робертсонъ.

Въ новѣйшія времена начали обращать вниманіе въ Исторіи на законы, нравы, обычаи, торговлю и просвѣщеніе, короче — на духъ народовъ. И что значитъ описаніе однихъ сраженій предъ описаніемъ успѣховъ ума? Первымъ опытомъ такого сочиненія мы обязаны Боссюету и автору Опыта о нравахъ народовъ.

Къ Исторіи принадлежатъ записки, въ которыхъ говоритъ авторъ о томъ, чего самъ былъ свидѣтелемъ. Поддерживать любопытство и занимательность есть главный пред-

метъ сего рода сочиненій. *Лучшими почитают*ся записки Сюлліевы, которыя знакомятъ со свѣтомъ политическимъ.

Жизнеописанія великихъ мужей должны представлять картиной добродѣтелей и пороковъ, дарованій и слабостей. Превосходнѣйшій Біографъ Плутархъ; онъ не ослѣпляется, подобно многимъ, подвигами мужества и честолюбія, но часто наблюдаетъ великихъ мужей своихъ въ уединеніи и домашней жизни. Здѣсь только можно узнать совершенно человѣка, который на поприщѣ свѣта иногда носитъ одну личину добродѣтели, и потому нерѣдко одинъ анекдотъ о великомъ человѣкѣ бываетъ драгоцѣненъ.

Свѣтъ очень старъ; но, по словамъ Лафонтена, етого старика должно забавлять сказками. Умъ человѣческой, не довольствуясь однообразіемъ сего міра, ищетъ предметовъ, болѣе его возвышающихъ, дѣяній героическихъ и произшествій чудесныхъ, и, не находя сего въ истинной Исторіи, онъ прибѣгаетъ къ вымысламъ. Вымышленныя повѣствованія составляютъ полезное чтеніе, если онѣ оттѣняютъ добрые и худые характеры и знакомятъ насъ со свѣтомъ. Такія сочиненія суть древнѣйшія: Индѣйцы, Персы и Арабы славились ими. Въ средніе вѣки они имѣли предметомъ дѣянія рыцарей. Гальскіе Трубадуры первые начали называть ихъ *Романами*. Они были писаны на языкѣ, который былъ смѣсь Латинскаго съ Гальскимъ, извѣстнаго подъ именемъ Романскаго: оттуда всѣ сочиненія вымышленныя начали называться Романами.

Времена рыцарскія остроумно представлены Сервантесомъ. Руководителемъ въ обществѣ можетъ служить Лесажъ. Веселые Романы писалъ Фильдингъ, нравственные Августъ Лафонтенъ и Ричардсонъ. Въ Елоизѣ и Вертерѣ изображена разительная сила ентузіазма. Руссо и Гёте, сіи только два писателя умѣли пред-

ставишь человѣка, который знаетъ страсть свою и не можетъ преодолѣть ее.

Разсужденія.

Предметъ Философическихъ сочиненій есть просвѣщеніе ума; но можетъ ли тотъ ожидать успѣха въ достиженіи сей цѣли, кто не старался о средствахъ представлять свое разсужденіе яснѣе и живѣе? Однѣ и тѣ же истины, предлагаемыя сухо и холодно, не производятъ того дѣйствія надъ нами, какое имѣютъ разсужденія, представленныя блистательно. Опредѣленность и точность въ выраженіяхъ есть первое достоинство Философа. Онъ можетъ украшать сочиненіе свое примѣрами, изъ Исторіи заимствованными и описаніями характеровъ. Это доставляетъ отдохновеніе углубленному въ разсужденіе уму и производитъ сильнѣйшее убѣжденіе, нежели простыя умствованія. Философія ни мало не отвлеченна, какъ скоро видна связь съ жизнію и поступками человѣческими; въ противномъ случаѣ она обращается въ загадки. Лучшимъ образцемъ ясности Философическаго слога почитается сочиненіе Локка объ умѣ человѣческомъ. Мы имѣемъ примѣрное разсужденіе о *воспитаніи*, которое отличается и новостью и превосходствомъ мыслей, предложенныхъ ясно, красиво, живо и убѣдительно.

Разсужденія пишутся иногда въ видѣ разговоровъ. Трудность разговора состоитъ въ томъ, чтобы поддержать естественное, оживленное представленіе бесѣды, означить характеръ каждаго лица, приписать каждому особенный образъ мыслей и выраженій. Сверхъ этого искусство состоитъ въ томъ, чтобъ лица разговаривающія прилично другъ друга прерывали. Разговоры очень полезны; потому что споры разныхъ особъ объясняютъ предметъ гораздо полнѣе. Не нужно только вводить въ разговоръ какое нибудь лице для слабыхъ возраженій.

Образцовые разговоры Платона, который предложилъ въ нихъ ученіе Сократа, также Лукіановы, представляющіе заблужденія тѣхъ временъ. Одинъ превосходенъ богатствомъ красивыхъ мыслей; другой простотою. Замѣтили разговоры Цицерона и Тацита о краснорѣчіи, гдѣ виденъ духъ вельможей Римскихъ. Изъ новѣйшихъ достойны чтенія разговоры Фонтенелевы.

Сюда принадлежатъ характеры, показывающіе глубокое знаніе сердца человѣческаго. Они должны быть зеркаломъ, гдѣ бы всякой видѣлъ себя. Отъ писателя характеровъ требуется тоже, что отъ живописца: вѣрность и выразительность — его достоинство. Надобно писать, какъ умный Ла-Брюеръ.

Учебныя сочиненія.

Въ учебныхъ сочиненіяхъ требуется легчайшій порядокъ. Иной начинаетъ частями и идетъ къ познанію цѣлаго; другой, начиная съ цѣлаго, ведетъ къ истинѣ чрезъ раздробленіе на части. Замѣтимъ, что первый способъ называютъ ученые *Аналитическимъ*, а другой *Синтетическимъ*.

Одинъ и тотъ же предметъ можно предлагать различно, смотря по цѣли и намѣренію, съ которымъ пишется. Мейнерсова Естетика написана для классовъ, Ебергардова для всякаго любителя Словесности. Нѣмцы предъ всѣми отличаются учебными сочиненіями. На ихъ языкѣ можно найти книги для всѣхъ наукъ и искусствъ.

Рѣчи.

У древнихъ вся наука витійства относилась собственно къ рѣчамъ. Ихъ рѣчи были судебныя, похвальныя и совѣтовательныя.

Основаніемъ Краснорѣчія суть мысли. Тотъ не можетъ быть истинно краснорѣчивъ или убѣдителенъ, у кого слова не согласны съ чувствами. Высочайшее витійство есть языкъ страсти или живаго чувства.

Всякая рѣчь начинается *приступомъ*, который приготовляетъ слушателя; за нимъ излагается самый предметъ и главныя его обстоятельства; потомъ слѣдуютъ разсужденіе и доводы; послѣ представляется что-либо высокое, для возбужденія страстей въ слушателяхъ и оканчивается заключеніемъ, гдѣ все кратко повторяется. Впрочемъ етотъ порядокъ не вездѣ соблюдается: иногда Ораторъ прямо начинаетъ предметомъ своимъ и оканчиваетъ возбужденіемъ страстей.

Приступъ и доводы — двѣ главнѣйшія части. Лучшее начало то, которое приноровлено къ обстоятельствамъ рѣчи, или тѣсно связано съ самымъ предметомъ: такое вступленіе можетъ возбудить въ слушателяхъ вниманіе, предлагая кратко предметъ всего сочиненія; не слишкомъ иногда должно обѣщать: non fumum ex luce, говоритъ Горацій, sed ex fumo dare lucem.

Доводы или разсужденія составляютъ самую продолжительную часть рѣчи; — ее-то надобно представить, какъ можно, живѣе. Сравненія особенно, кажется, придаютъ жизнь сочиненію; мы стараемся доказательства свои одушевлять: ибо картины сильнѣе на насъ дѣйствуютъ, нежели простой разсказъ. Ораторы почерпаютъ свои доводы изъ такъ называемыхъ общихъ мѣстъ (topica), каковы: опредѣленіе, обстоятельстка времени и мѣста, подобіе, противное, и другіе. Но Димосѳенъ не занимался общими мѣстами риторическими, когда одушевлялъ Аѳинянъ противъ Филиппа. Лучшія убѣжденія зависятъ отъ знанія сердца человѣческаго; оно должно родиться, какъ говорятъ, ex visceribus causae. Когда на пр. начинаемъ хвалить какую нибудь особу; можно обратить вниманіе на воспитаніе ея, отечество, на ея способности, заслуги. Предлагая кому нибудь совѣтъ, должно представить все превосходство справедливости, честности и другихъ добродѣтелей.

Что касается до слога, въ рѣчахъ употребляются круглые періоды, зависящіе отъ равныхъ членовъ, отборныя слова, или обдуманныя выраженія, также соблюденіе гармоніи. При всемъ етомъ должно помнить, гдѣ, когда и предъ кѣмъ говоримъ. Ораторъ изливаетъ рѣчь свою то рѣкою, обильно брега напояющей, когда повѣствуетъ; то течетъ порывистымъ водопадомъ, когда приступаетъ къ убѣжденію.

Сюда принадлежитъ искусное *произношеніе*, которое Димосѳенъ почиталъ важнѣйшею частію витійства. Громкій, ясный и выразительный голосъ, соединенный съ выразительностію лица, довершаетъ убѣжденіе.

Въ тѣхъ сочиненіяхъ, которыя отличаются богатствомъ воображенія и силою чувствъ, древніе всегда останутся образцами. Всѣ удивляются Димосѳену и Цицерону: въ первомъ болѣе силы, въ другомъ болѣе пріятности; слогъ одного мужественъ, другаго украшенъ: Греческій Ораторъ одушевленъ и убѣдителенъ; Римскій нѣженъ и красивъ. Юмъ почитаетъ рѣчи Димосѳена совершеннѣйшимъ и высочайшимъ произведеніемъ ума человѣческаго.

Новѣйшее краснорѣчіе не столь возвышенно; его спокойный тонъ есть плодъ Философіи. Французскіе Ораторы говорятъ болѣе воображенію и страстямъ; Англичане и Нѣмцы разсудку; у насъ Ломоносовъ, по истинѣ, глава Россійскаго слога, – образовалъ себя болѣе по древнимъ. Вотъ характеры лучшихъ Ораторовъ новѣйшихъ. Боссюетъ великъ, но неровенъ; Флешье ровнѣе, но не столько высокъ и часто слишкомъ цвѣтущъ; Бурдалу глубокомысленъ и оставляетъ всѣ украшенія; Сорень обиленъ даже до излишества; Массильонъ богатъ воображеніемъ и чувствителенъ.

Средство успѣть въ краснорѣчіи.

Сильное и живое воображеніе, чувствительное сердце, здравый разсудокъ, основатель-

ное изученіе слова; хорошее произношеніе; даже благородство вида — вотъ что составляетъ истинно-краснорѣчиваго человѣка. Добродѣтель есть одно изъ важнѣйшихъ убѣжденій. Древніе говорили: non posse oratorem esse, nisi virum bonum. Мы восхищаемся совершенствомъ; но совершенство только тамъ, гдѣ чувства согласны съ языкомъ. Языкъ истины есть языкъ самый краснорѣчивый. Пусть писатель удивляется предметамъ великимъ; пусть соболѣзнуетъ о несчастіяхъ себѣ подобныхъ, и онъ будетъ убѣдителенъ. Второе важное качество Оратора есть просвѣщеніе. Надобно обрѣсть обширное свѣдѣніе о томъ предметѣ, которой намѣрены предлагать; когда имѣемъ о чемъ нибудь ясное понятіе, тогда и слогъ нашъ пріятнѣе. Признакъ великаго писателя есть его восторгъ. Если онъ не пламенѣетъ въ юности, то совсѣмъ угаснетъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Подражаніе лучшимъ образцамъ и разпространяетъ кругъ нашихъ свѣдѣній, и возбуждаетъ соревнованіе. Вѣроятно, Ѳукидидъ не былъ бы знаменитымъ писателемъ, если бы не былъ свидѣтелемъ тѣхъ похвалъ, коими удостоена была Исторія Геродота. Можно писать для упражненія объ одномъ и томъ же случаѣ, который изложенъ славнымъ писателемъ; сличая съ нимъ свое сочиненіе, мы увидимъ, чего въ насъ не достаетъ. Кто хочетъ со временемъ хорошо говорить или писать, тотъ долженъ обработывать и даже мѣлкія сочиненія. Будемъ сочинять медленно и тщательно: навыкъ послѣ придастъ и скорость. Что касается до украшенія, припомнимъ совѣтъ Квинтиліана: ornatus et virilis et fortis sis; но основаніе Краснорѣчія составляютъ мысли.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

СОЧИНЕНІЯ СТИХОТВОРНЫЯ.

Басня.

Апологъ или Басня есть повѣствованіе аллегорическаго дѣйствія. Способовъ повѣствовать два: показать вещь; или сказать только, что она есть.

Достоинство Басни, какъ Драмы, *правдоподобіе*, какъ повѣствованія, *краткость*, какъ нравоученія, *ясность*. Дѣйствіе должно быть одно и опредѣленное. Украшенія басни состоять въ изображеніяхъ характеровъ, въ описаніяхъ, въ представленіяхъ лицъ, мѣстъ, положеній.

Слогъ сочиненія, назначеннаго для нравоученія аллегорическаго, долженъ отличаться простотою, изъ обыкновенной жизни выбирать разговоръ тонкой и чистой. Погрѣшности противъ сего встрѣчаются въ Сумароковѣ и Хемницерѣ. Такъ въ баснѣ перваго: *Волкъ и Ягненокъ*, нѣтъ правдоподобія; въ баснѣ втораго: *Два сосѣда*, нѣтъ благородства.

Что касается до характеровъ знаменитыхъ баснописцевъ; то можно сказать, что Езопъ отличенъ живостью, Федръ благородствомъ. Достоинства того и другаго имѣетъ Лафонтенъ. Всѣ сіи достоинства соединены въ басняхъ Дмитріева и Крылова. Примѣрная басня перваго: *Царь и два пастуха*; другаго *Лягушки, просящія Царя.*

Идиллія и Еклога.

Пастушеская или сельская Поезія есть подражаніе сельской жизни со всѣми прелестями простоты и умѣренности. Сочиненія сего рода

называются Идилліями и Еклогами: въ первой одно описаніе, какъ Виргиліевъ *Алексисъ*; во второй дѣйствіе, какъ всѣ его прочія Еклоги.

Предметъ сей Поезіи: спокойствіе, довольство, свобода, радости. Сцена: луга, нивы, рощи, берегъ, рѣки. Характеръ дѣйствующихъ лицъ: простота, откровенность, доброта души. Бѣдствія въ суетной жизни происходятъ отъ сильныхъ страстей; но въ обители спокойствія онѣ не существуютъ, и потому пастушеская Поезія не должна представлять ужасныхъ бѣдствій.

Слогъ сихъ сочиненій подобенъ одеждѣ сельской природы; здѣсь украшенія состоятъ въ зелени и цвѣтахъ: нѣтъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Достоинство Идиллій и Еклогъ: *такія чувства*, какъ у Виргилія, *прелести воображенія*, какъ у Теокрита. Въ нихъ не должно помѣщать утонченныхъ чувствованій, какія встрѣчаются у Фонтенеля и у Гжи. Дезульеръ.

Поселяне не только имѣютъ свою Поезію, но и свою пляску. Таковы образцовыя сельскія сочиненія Геснера, которыя при всей простотѣ исполнены чистѣйшею нравственностью. Сей Поетъ можетъ научать разнообразію сельской Поезіи. Онъ изображаетъ счастіе и неудовольствія домашнія, братскую любовь, сыновнюю нѣжность, дружбу, благочестіе, неожиданныя приключенія въ семействахъ, разныя склонности, характеры. Въ етомъ родѣ можно читать съ удовольствіемъ Гварини и Тасса.

О д а.

Лирическая Поезія назначена собственно для пѣснопѣнія. Въ ней изливаются чувства болѣе пламенныя, нежели въ другихъ стихотвореніяхъ. Восторгъ есть главное отличительное ея свойство. Степень восторга зависитъ отъ предметовъ, которые производятъ впечатлѣнія на чувства.

Восторгъ или высокое бываетъ въ изображеніяхъ и чувствахъ; н. п. *На полѣ бранномъ*

тишина, есть высокое въ изображеніи; слова Фелицы: *Я человѣкъ*, есть высокое въ чувствѣ.

Начало оды должно быть быстрое и смѣлое; поетъ, изумляющійся героямъ, не говоритъ о его подвигахъ, но прямо начинаетъ съ ихъ слѣдствія: *Пошелъ — и гдѣ тристаты злобы*: и проч.

Сильное чувство быстро переноситъ поета отъ одного предмета къ другому, и потому въ одахъ бываютъ отступленія; таковы у Державина *обращеніе къ Каспію*, *къ непостоянству вещей и дѣлъ человѣческихъ*, въ одахъ на возвращеніе Зубова и къ сосѣду.

Ода, какъ сочиненіе пламенное, не можетъ быть слишкомъ длинна. Она должна имѣть единство — чувства и мысли, и всѣ картины должны относиться къ главной страсти или къ главному чувству.

Разные ихъ роды: *Гимны* или *оды торжественныя*, каковы оды Пиндара, Ломоносова; *нравственныя* — Гораціевы, Державина, и *Анакреонтическія*, къ которымъ можно отнести пѣсни наши.

Видъ оды у разныхъ народовъ различный. У Евреевъ она дѣлилась на члены, изъ которыхъ каждый имѣлъ двѣ разныя части. Въ Греческихъ одахъ были три члена: строфа, антистрофа и епода. Наши оды сходны съ Римскими: онѣ состоятъ изъ нѣсколькихъ одинакихъ строфъ. Голенищевъ-Кутузовъ, Капнистъ и Мерзляковъ знакомятъ насъ и съ Пиндаромъ и съ Гораціемъ.

Отличительное свойство одъ Ломоносовыхъ: высокость и ровность; Державина: Живость и красота. Державинъ счастливѣе былъ въ выборѣ предмета: ибо оды торжественныя забываются вмѣстѣ съ торжествомъ; но оды нравственныя пріятны для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ. Таковы оды Державина: *Вельможа*, *Водопадъ*, *Фелица*, *на смерть Ме-*

щерскаго, *Бецкаго* и 8 я ода Ломоносова, *Похвала наукѣ.*

Къ Лирической Поэзіи принадлежитъ *Диѳирамбѣ*, пѣснопѣніе самое пламенное; у древнихъ оно посвящено было Вакху, божеству восторга. Быстрота, краткость, какъ свойства сильнаго восторга, суть и его достоинства. Таковъ Диѳирамбъ: *Пѣвецѣ вѣ станѣ Рускихѣ воиновѣ.*

Кантата состоитъ изъ двухъ частей, собственно изъ оды съ речитативомъ или разсказа; такова Державина кантата *на побѣду Суворова.* Извѣстнѣйшая кантата, отличная музыкой языка, есть *Цецилія* Драйдена, или *сила Гармоніи.*

Елегіи главное отличіе состоитъ въ томъ, что она дышетъ печалью. — Названіе ея, значащее *увы*, показываетъ и содержаніе и цѣль ея.

Чувствительное, несчастное сердце, находя облегченіе въ изліяніи горестныхъ чувствованій, произвело сей родъ Поэзіи; послѣ всѣ нѣжныя и пріятныя ощущенія чувствительности стали содержаніемъ елегіи; чувствованіями елегическими можно питаться въ Тибуллѣ.

Сюда относятся *Героиды* или посланія героинь, горюющихъ по разлукѣ съ возлюбленными своими. Таковы Героиды Овидіевы.

Романсѣ есть жалостное повѣствованіе о приключеніяхъ дружбы. Когда въ подобномъ сочиненіи встрѣчается нѣкотораго рода обвороженіе, посвященное раскаянію, тогда оно называется *Балладою.* Очарованіе нужно сердцу человѣка; оно заставляетъ его забыть на нѣсколько времени всѣ бѣдствія жизни и войти въ самого себя. Это пріятная бесѣда во мракѣ ночи, послѣ которой и самой свѣтъ кажется пріятнѣе. Душа торжествуетъ послѣ мечтаній, возвышаясь надъ обыкновенными предметами. Для Поэзіи нуженъ языкъ очаровательный и обворожительный. Такова Поэзія *Жуковскаго.* Геній сего Поэта изображаетъ счастливый вѣкъ

Греческой Поэзіи, въ которой вездѣ живость и музыка.

Понятіе о древнѣйшей одѣ мы получаемъ изъ писаній Еврейскихъ. Кромѣ спасительныхъ наставленій, тамъ видимъ вкусъ, господствовавшій за нѣсколько вѣковъ до насъ, у народа совершенно различнаго съ нынѣшними народами, и котораго земля отъ насъ столь отдаленна. Мы находимъ въ нихъ образъ сочиненій, отличающійся отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ, и коего красота поражаетъ. Достоинство одъ священныхъ совершенно соотвѣтствуетъ величію и важности предметовъ, окружавшихъ тогда человѣка. Книги Ветхаго Завѣта весьма различаются слогомъ: однѣ относятся къ Поэзіи, другія къ Прозѣ. Къ послѣднимъ собственно можно отнести Моисеевы книги; къ первымъ: книгу Іова, Псалмы Давида, Пѣсни Соломоновы, Плачь Іереміи. Изъ произведеній Еврейскаго языка для насъ много потеряно; отъ того мы имѣемъ о свойствѣ сего стихотворнаго языка самое несовершенное понятіе. Отличіе Еврейской Поэзіи отъ Прозы составляютъ не одни піитическіе обороты, не одинъ украшенный или фигурный слогъ, но и благозвучіе реченій и самое расположеніе словъ.

Евреи съ давнихъ временъ начали заниматься Музыкой и Поэзіею; еще при Самуилѣ они были введены въ общенародныхъ богослуженіяхъ, и уже при Царѣ Давидѣ дошли до послѣдней степени совершенства. Ни одинъ народъ не имѣлъ такихъ великолѣпныхъ обрядовъ, какъ Израильтяне.

Общія расположенія ихъ Поэзіи необыкновенны и единственны въ своемъ родѣ; стопосложеніе ихъ состоитъ въ раздѣленіи каждаго періода на два почти равные члена, которые одинъ другому соотвѣтствуютъ какъ смысломъ, такъ и тономъ. Єто ясно видно изъ Псалма 23: Господня земля, и исполненіе ея вселенная, и пр.

Дидактическая Поезія.

Дидактическая Поезія просвѣщаетъ и сообщаетъ намъ полезныя свѣдѣнія. Она только формою отличается отъ простаго философическаго разсказа, нравственнаго, или критическаго, написаннаго въ прозѣ. Сіе различіе даетъ ей большое преимущество надъ Прозою: наставленія ея пріятны; описанія льстятъ воображенію. Творенія, принадлежащія къ сему роду Поезіи, весьма различны. Можно писать о нравоучительныхъ предметахъ, о характерахъ людей, въ посланіяхъ и сатирахъ. Дидактическая Поезія есть весьма важный родъ сочиненій, когда дѣло идетъ о предметѣ философическомъ.

Много есть прекрасныхъ твореній сего рода: поема Лукреціева *о природѣ вещей*; *Виргиліевы Георгики*, опытъ *критики Попе*, Акенсайдова — *о удовольствіяхъ воображенія*; стихотворенія Горація, Виды и Буало. Во всѣхъ твореніяхъ дидактическихъ порядокъ и метода есть главное достоинство, но не въ такой строгости, какъ въ прозаическихъ разсужденіяхъ; Горацій небреженъ въ Дидактической Поезіи; во многихъ мѣстахъ нѣтъ надлежащей связи. Мысли его рѣзки; пріятность и легкость оживляютъ стихи его. Искусство величайшее занять поемою дидактическою состоитъ въ томъ, чтобы забавлять читателя, прибавляя къ предмету нѣсколько пріятныхъ епизодовъ. Красота Георгикъ состоитъ въ отступленіяхъ, гдѣ геній Автора является во всемъ блескѣ; таковы отступленія: смерть Юлія Цезаря, Орфей и Еврндика, или отступленія Лукреціевы о вредѣ суевѣрія и описаніе моровой язвы. — Виргилій превосходно связываетъ епиводы; что для дидактическаго поета есть чрезвычайно важно. Въ ту минуту, когда, кажется, оставляетъ своихъ земледѣльцевъ, онъ возвращается къ намъ непримѣтно, искусно прекращая свое отступленіе отъ какихъ-либо обстоятельствъ, соединенныхъ съ обработываніемъ полей.

Сатиры и посланія требуютъ слога вольнаго, а поемы философическія важнаго и правильнаго. У Римлянъ сатира была остатокъ древней комедіи частію въ стихахъ, частію въ прозѣ, наполненной острыми шутками. *Енній* и *Луцилій* исправили ее; Горацій далъ ей видъ сатиры; *Ювеналъ* и *Персій* образовали ее. Если хотите улыбнуться надъ слабостями человѣка: читайте Горація; но раскройте Ювенала, чтобъ получить отвращеніе отъ пороковъ, которые часто бываютъ непримѣтны. Горацій дружески напоминаетъ намъ о слабостяхъ нашихъ; Ювеналъ и Персій съ негодованіемъ даютъ строгія наставленія. Острота Гораціева разсыпана въ сатирахъ Буало, отличающихся особенно прекрасными стихами. Горацію и Буало подражалъ нашъ Кантемиръ; съ удовольствіемъ можно читать сатиры Дмитріева и Воейкова. Въ первомъ встрѣчаются удивительныя и рѣзкія черты Поета - Философа, наблюдавшаго свѣтъ и какъ бы тайно наблюдавшаго его.

Епопея.

Трудно представить одно какое - либо чувство; труднѣе описать цѣлый рядъ удивительныхъ характеровъ, поддержать занимательность въ цѣлой поемѣ и довести до цѣли чудесной. Въ повѣствованіи пріятность стиховъ есть важное достоинство. Что Димосѳенъ сказалъ о произношеніи, относительно рѣчей, то же можно сказать и о слогѣ, въ разсужденіи сочиненій, назначенныхъ не столько для произношенія, сколько для чтенія. Карамзинъ, Дмитріевъ знали сію тайну; они знали, что каждая мысль можетъ имѣть одно только самое приличное выраженіе. Въ живописи, говорятъ, прекрасное отъ дурнаго на одинъ волосъ; въ музыкѣ одинъ невѣрной мигъ — и нѣтъ уже искусства: Краснорѣчіе заключаетъ въ себѣ всѣ сіи тонкости. Образецъ стихотворнаго повѣствованія Вирги-

лій и его подражатель Тассъ. Въ огромной поемѣ, какова Епопея, искусные писатели поражаютъ въ началѣ великимъ произшествіемъ, или приключеніемъ. Енеида открывается бурею; Еней уже плыветъ по волѣ судебъ, а о причинѣ своего странствованія, — о разрушеніи Трои — онъ самъ разсказываетъ Дидонѣ. Въ устахъ самаго героя сей разсказъ очарователенъ; Виргилій умѣетъ кстати усладить посторонними обстоятельствомъ, искусно связаннымъ съ главнымъ предметомъ: — таковы епизоды въ Георгикахъ. Орфей и Евридика, въ Енеидѣ Низусъ и Евріалъ. А нѣжность, доброта? каждый стихъ близокъ сердцу, каждый стихъ драгоцѣнность для души чувствительной. Гейне, знаменитый ученый, признается, что, читая Виргилія, онъ примѣчалъ перемѣну въ чувствованіяхъ своихъ. Вотъ какъ любезный Римской Поетъ описываетъ нѣжнаго отца, Евандра, разлучающагося съ сыномъ своимъ Палланітомъ:

„At vos, o superi, et divum tu maxime rector,
„Iupiter, Arcadii, quaeso, miserescite, regis,
„Et patrias audite preces. Si numina vestra
„Incolumem Pallanta mihi, si fata reservant,
„Si visurus eum vivo et venturus in unum —
„Vitam oro: patiar quemvis durare laborem.
„Sin aliquem infandum casum, fortuna minaris —
„Nunc, o nunc liceat crudelem abrumpere vitam,
„Dum curae ambiguae, dum spes incerta futuri;
„Dum te, care puer, mea fera et sola voluptas,
„Complexu teneo, gravior ne nuntius aures
„Uulneret.“ — —

Изображеніе характеровъ, составляющихъ Епопею, есть дѣло Философіи: Омиръ, столь превосходный въ етой части, есть Поетъ -

Философъ. Изъ него всѣ писатели заимствовали предметы свои. Сколько лицъ въ Иліядѣ, и всѣ онѣ отличны одно отъ другаго. Агамемнонъ, Аяксъ, Діомидъ герои; но одинъ величественъ, другой запальчивъ, третій твердъ и рѣшителенъ. Несторъ и Улиссъ оба витіи; но одного краснорѣчіе сладостно, другаго убѣдительно; Гекторъ и Ахиллесъ отличаются предъ всѣми доблестью воинскою; оба чувствительны къ дружбѣ. Сія черта нѣжности еще болѣе возвышаетъ характеръ героя; надобно, чтобъ въ великомъ мужѣ примѣтны были и слабости: тогда мы болѣе полюбимъ его; мы охотно прощаемъ слабости въ другихъ, какъ и въ самихъ себѣ. Іоаннъ въ Россіядѣ Хераскова по всѣмъ добродѣтелямъ полу-богъ; отъ того сей герой не привязываетъ къ себѣ.

Мы замѣтили прежде, что наблюденіе человѣческаго сердца есть настоящее занятіе мудреца. Ничто столько не плѣняетъ насъ, какъ открытіе новаго изгиба сердечнаго. Древніе, повторю, любили Философію, любили наблюдать природу и человѣка: отъ того ихъ сочиненія, заключающія исторію нравовъ и характеровъ, безсмертны.

Расположеніе епопеи чрезвычайно важно. Это дальній путь, какъ говорятъ, по которому поэтъ ведетъ насъ то чрезъ мѣста пріятныя, то чрезъ утесы, стремясь безпрестанно къ извѣстному концу. Сіи утесы въ епопеѣ есть то, что называется чудеснымъ. Тамъ, гдѣ дѣйствуютъ герои и полу-боги, могутъ случиться такія произшествія, которыхъ начало и конецъ принадлежатъ силѣ сверхъ-естественной. Таково въ Россіядѣ явленіе зимы среди знойнаго лѣта.

Епопея, какъ преданіе знаменитаго произшествія, должна исполнять душу читателя удивленіемъ, возбуждать благородное чувство добродѣтели. Кто не знаетъ, что это колоссальныя изображенія героевъ? Но и онѣ полезны

для сердца. Мы, читая епопеи, походимъ въ чувствованіяхъ своихъ на тѣхъ странствователей, которые изумляются пирамидамъ Мемфиса. И можно ли видѣть героевъ изъ такой отдаленности, изъ-за нѣсколькихъ рядовъ столѣтій, если бы сіи герои не были представлены колоссами?

Драма.

Изобразите описываемые характеры дѣйствующими: вы получите Драматическое сочиненіе. Въ жизни встрѣчаются съ нами обстоятельства или обыкновенныя, или важныя и трогательныя; потому Драматическую Поезію раздѣляютъ на Комедію и Трагедію; одна возбуждаетъ смѣхъ, другая извлекаетъ слезы.

Что жъ составляетъ основаніе смѣшнаго и печальнаго? — Всѣ характеры добрые и злые, холодные и чувствительные происходятъ отъ одного начала; но какъ много сихъ оттѣнковъ! Очень часто мы видимъ, надъ чѣмъ одинъ плачетъ, другой то осмѣиваетъ; древніе замѣтили ето и представили подъ емблемою Демокрита и Гераклита.

Напомню объ источникѣ многихъ дѣйствій нашихъ добрыхъ и злыхъ, великихъ и малыхъ — *о самолюбіи. Доброта или порокъ сей страсти зависятъ отъ перваго впечатлѣнія, отъ направленія ея.* Верхолетъ и Танкредъ дѣйствуютъ по одной и той же страсти; но въ одномъ любовь къ себѣ отъ дурныхъ привычекъ сдѣлалась смѣшною, въ другомъ она посвящена пользѣ ближняго — и отъ того почтенна. За первымъ слѣдуетъ стыдъ, презрѣніе, смѣхъ; за другимъ, какъ за добродѣтелью, злоба, ненависть, состраданіе. Первой вездѣ встрѣчаетъ обманъ, другой препятствія. Что жъ можно назвать *началомъ смѣшнаго? Обманутое самолюбіе. — Печальнаго? — Самолюбіе, гонимое злобою.* Простакова, занятая дворянствомъ, надутая имуществомъ, начинаетъ учить сына.

Чего можно ожидать отъ невѣждъ? Сынъ учится у дурныхъ людей лѣниво, становится упрямъ, золъ. Ето воспитаніе довершается выборомъ въ учители — кого жъ? — Вотъ что самъ о себѣ говоритъ Вральманъ:

„Что дѣлать! не я первой, не я и по„слѣдній. Три мѣсяца въ Москвѣ шатался „безъ мѣста, кучера нигдѣ не надобно: „пришло мнѣ либо съ голоду умереть, либо „идти въ учители.“ — —

Вотъ самая рѣзкая черта невѣжества въ Простаковыхъ, взять въ наставники возлюбленаому сыну — Вральмана. И ето дѣлаетъ та, которая признавалась:

„Одна моя забота, одна моя отрада, Мит„рофануцка. Мой вѣкъ проходитъ; его готов„лю въ люди.“

Чтобъ выбрать предметы для комедіи, стоитъ только со вниманіемъ смотрѣть на свѣтъ. Тутъ вы увидите обманутаго честолюбца, каковъ Хвастунъ; обманутаго сребролюбца, каковъ Гарпагонъ; обманутое невѣжество, каковы Праотаковы; обманутую влюбчивость — таковы большею частію комедіи.

Трудность сего сочиненія состоитъ въ расположеніи — оно вездѣ главный предметъ. Надобно, чтобъ первыя слова лицъ обнаруживали ихъ характеры. Простакова въ самомъ началѣ показываетъ безумную любовь къ сыну и злобное сердце. Простаковъ является, и всякой видитъ въ немъ первостатейнаго глупца. Въ комедіи бываетъ множество намѣреній; но завязка и развязка основывается на одномъ главномъ обстоятельствѣ. Въ Недорослѣ Простаковы, Скотининъ, Милонъ — всѣ желаютъ исполненія своихъ намѣреній; всѣ они другъ другу противорѣчатъ.

Если бы произшествіе не имѣло препятствій, оно не столько было бы занимательно. Препятствія тѣмъ лучше, чѣмъ неожиданнѣе

и притомъ въ то самое время, когда ожидаешь развязки.

Ни одно лице не должно являться безъ нужды; ни одного положенія не можетъ быть безъ причины. Зритель хочетъ, чтобъ ему совершенно удовлетворили и отдали отчетъ въ каждомъ явленіи. Ошибки сего рода встрѣчаются въ Коцебу.

Характеръ комедіи бываетъ различной, смотря по характеру народа. Недоросль не можетъ имѣть столько успѣха на Французскомъ театрѣ, гдѣ о такомъ невѣжествѣ не слыхано. Напротивъ Мольеровъ Мизантропъ не слишкомъ нравится Русскимъ, при всей совершенной отдѣлкѣ главнаго характера. Въ комедіи остается вѣчнымъ, что относится къ изображенію пороковъ или слабостей, общихъ всякому времени и всякому народу.

Комедія не все смѣшитъ; она иногда прямо научаетъ. Глупость еще примѣтнѣе передъ лицами благоразумными. Таково лице Стародуба: его глубокія наблюденія надъ сердцемъ человѣческимъ поучительны. Вотъ рѣзкое изображеніе гонимой добродѣтели:

„Дурное расположеніе людей, недостой-„ныхъ почтенія, не должно быть огорчи-„тельно. Знай, что зла никогда не жела-„ютъ тѣмъ, кого презираютъ; а обыкно-„венно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ „право презирать. Люди не одному богат-„ству, не одной знатности завидуютъ; и „добродѣтель также своихъ завистниковъ „имѣетъ.“

Такихъ превосходныхъ мыслей въ фонъ-Визинѣ множество. Это Философъ-писатель; правда, что слогъ его не слишкомъ чистъ для нашего времени: но проницательнымъ и тонкимъ умомъ онъ безсмертенъ.

Глубочайшее познаніе человѣка видно особенно въ трагедіи. Здѣсь все въ колоссальномъ видѣ; но все трогательнѣе, нежели въ епопеѣ,

которая довольствуется возбужденіемъ удивленія. Трагедія, по словамъ Арстотеля, должна очищать нравственность. Въ самомъ дѣлѣ плакать о несчастной добродѣтели, радоваться при ея торжествѣ, значитъ быть самому добродѣтельнымъ.

Спрашиваютъ: какія лица принадлежатъ трагедіи? Иные хотятъ выводить однихъ только Царей, вельможей; но сила страстей не во всякомъ ли состояніи одинакова? Коцебу многими удачными опытами доказалъ это. — Какія страсти представлять надобно? — Большею частію выводится любовь; впрочемъ писатели великіе показали примѣръ, что трагедія и безъ любви можетъ быть трогательна. Таковъ Софокловъ Едипъ и Филоктетъ, Расинова Гоѳолія и Меропа, Вольтеровъ Магометъ, Аддисоновъ Катонъ, Шиллеровъ Фіеско.

Три единства — дѣйствія, времени и мѣста предписаны разумомъ для того, чтобъ вниманіе было устремлено на одинъ предметъ, и чтобъ его не развлекали перемѣны ни времени, ни мѣста. Одинъ только безпорядокъ можетъ возражать противъ сихъ правилъ опытности.

Важнѣйшій предметъ поэта состоитъ въ томъ, чтобъ не токмо поддержать характеръ, но безпрестанно возвышать его. Можно иногда на нѣсколько времени успокоить душу зрителя, чтобъ послѣ болѣе погрузить ее въ горесть. Въ Танкредѣ разположеніе удивительное. Горесть Аменаиды безпрерывно увеличивается. Ей предлагаетъ руку Оросманъ; вотъ первый для нее ударъ. Отецъ Аржиръ огорчается ея непослушаніемъ — другая скорбь. Является Танкредъ — и тотъ, въ комъ думала она найти все, тотъ холоденъ — конечное бѣдствіе. Неизвѣстность съ обѣихъ сторонъ до самой развязки еще болѣе привязываетъ къ судьбѣ того и другаго. Герой Танкредъ умираетъ за тѣхъ, кои изгнали его изъ отечества. Въ немъ Аменаида оплакиваетъ друга, Аржиръ достойнаго наслѣдника, рыцари

героя, народъ спасителя. Вотъ драгоцѣнныя слезы. Етой неизвѣстности нѣтъ въ Димитріѣ Донскомъ Озерова. Димитрій Донской и Ксенія увѣрены другъ въ другѣ отъ начала до конца; они не встрѣчаютъ столько препятствій, какъ Танкредъ и Аменаида. Димитрій Донской, если и дѣйствуетъ какъ герой, то дѣйствуетъ по долгу своему, а Танкредъ по одной великости души своей.

Представить сильную страсть, которой сердце не можетъ противиться, бореніе двухъ разныхъ страстей, страждущую добродѣтель въ темницѣ или въ оковахъ, состраданіе столь любезное всякому, величіе души — вотъ предметы трагическіе — вотъ источники печали и слезъ. Медея Еврипида, оскорбленная измѣною, вонзаетъ кинжалъ въ грудь невинныхъ дѣтей своихъ, въ которыхъ она поражаетъ Язона. Удивительное бореніе чувствъ, нѣжности материнской и обиженной гордости!

„Ахъ, дѣти мои! почто обращаете вы взоры „свои на меня? почто улыбаетесь вы въ послѣ„дній разъ? Боги! что повелите мнѣ? Любезныя „подруги! серце мое цѣпенѣетъ, когда устрем„ляются на меня сіи взоры невинности. . . . „Нѣтъ! я не могу противиться.“ — —

Удивляются, отъ чего намъ пріятно плакать въ Трагедіи. Ето вопросъ тѣхъ, которымъ не извѣстны сіи драгоцѣнныя слезы, проливаемыя, какъ жертва любви къ себѣ подобному.

До сихъ поръ мы ходили по обширной художественной галлереѣ: отдадимъ себѣ отчетъ, что мы замѣтили. Всякое сочиненіе есть или описаніе природы, или изображеніе человѣка. Чтобъ описаніе и изображеніе были вѣрны, чтобъ въ точности подражать изящной природѣ, должно хорошо наблюдать ее; всѣ сужденія, правильныя и ложныя, зависятъ отъ пер-

выхъ впечатлѣній на чувства, или отъ понятій. Чѣмъ болѣе мы видимъ, читаемъ, слышимъ, тѣмъ обширнѣе умъ; потому что всѣ сужденія наши суть сравненія предметовъ; знаніе ихъ взаимныхъ отношеній. Если много предметовъ мы наблюдали и замѣчали ихъ отношенія: тогда и заключенія ума справедливы. Мы отличаемся другъ отъ друга, скажу словами Вейса, горизонтомъ умственныхъ взоровъ, или сферою размышленій. Простой человѣкъ, не мыслящій, судитъ обо всемъ по тому времени, въ которомъ онъ живетъ; почитаетъ вѣрными тѣ только понятія, которыя получилъ отъ предковъ. Философъ, человѣкъ просвѣщенный, объемлетъ въ сравненіяхъ или сужденіяхъ своихъ вселенную, исторію всѣхъ народовъ: онъ взвѣшиваетъ причины ихъ счастія и бѣдствій, наблюдаетъ мысли великихъ людей изъ всѣхъ странъ и вѣковъ; — изъ сихъ сокровищъ уже извлекаетъ новое цѣлое.

Умъ и даръ слова не раздѣльны; также не раздѣльно и совершенствованіе ихъ. Произведенія Поетовъ или Ораторовъ дѣйствуютъ на добродѣтель, на счастіе человѣка. Благородное чувство, душа высокая остается довольна собою, когда видитъ сходство свое съ великими характерами, изображенными въ краснорѣчіи. Сколько было примѣровъ, что во мракѣ уединенія, когда человѣкъ бываетъ всѣми оставленъ; когда хладная рука судьбы тяготѣетъ надъ нами и приводитъ сердце въ ужасное оцѣпенѣніе; когда мы проливаемъ слезы и никто не раздѣляетъ съ нами горести нашей: тогда становится утѣшителемъ писатель, или Поетъ, или Ораторъ - философъ. Вы претерпѣваете зависть, гоненія, злобу — утѣшьтесь: смотрите на судьбу Декарта, съ такою душею изображенную Томасомъ. Потомство говоритъ за всѣхъ геніевъ, что произведенія истины, добродѣтели и совершенства безсмертны. Двѣ тысячи лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ Сократовъ и Платоновъ; но краснорѣчіе соединяетъ съ

ними — оно возвышаетъ насъ надъ всѣмъ обыкновеннымъ и приближаетъ къ тому святилищу, въ которое входятъ люди, созерцавшіе величіе и славу творческую въ природѣ и человѣкѣ, — къ святилищу, въ преддверіи коего сіяетъ надпись: *безсмертію*. Несчастный плаватель, претерпѣвшій всѣ ужасы грозной бури на пространномъ морѣ, изхищенный судьбою изъ рукъ алчной смерти, выходя на брегъ, благословляя небеса за спасеніе, изображаетъ на скалѣ жребій свой, желая принести симъ пользу собратамъ странникамъ: то же дѣлаютъ для насъ **Поэты и Ораторы.**

